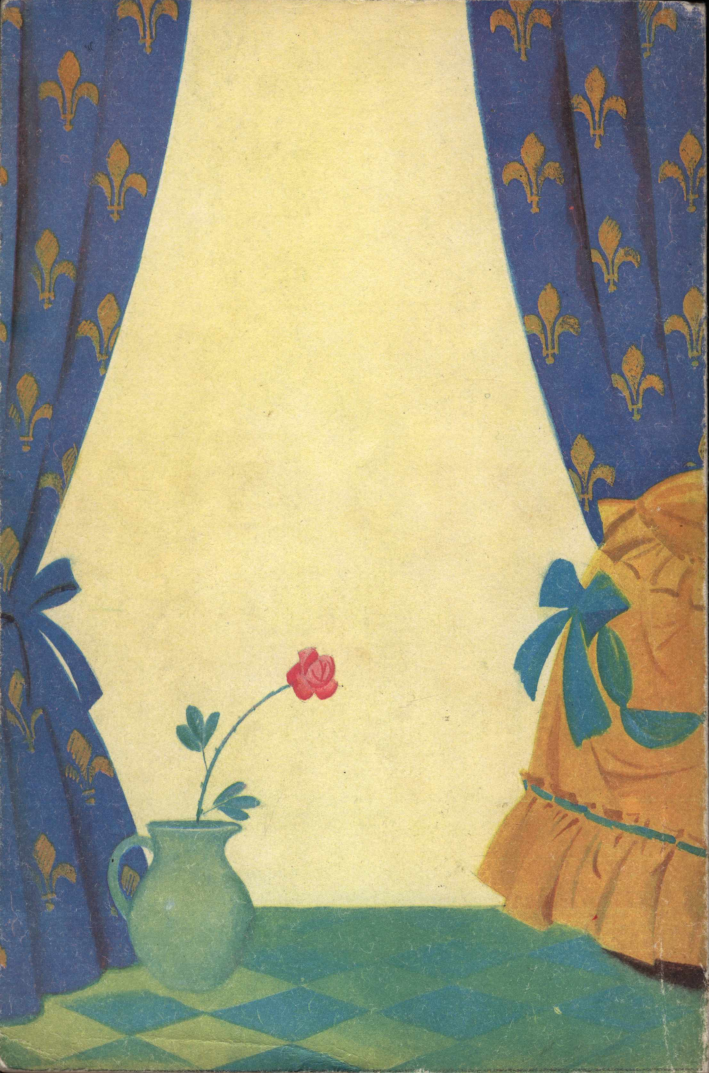

П. Трипарри

**СЕМЬ
ПЛЮС
СЕМЬ**

перевод с французского

Перевод с французского — *З. Световой, Г. Сибиряковой*

Перевод стихов — *А. Светлова*

Иллюстрации — *Буари, О. Коминарца*

Г $\frac{4703000000-001}{Б59(02)-92}$ без объявления

ISBN 5-8334-0053-8

© Русский перевод, иллюстрации к
«Семи французским сказкам» —
СП «Прогресс-Ашет», РИК «Куль-
тура», Москва 1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

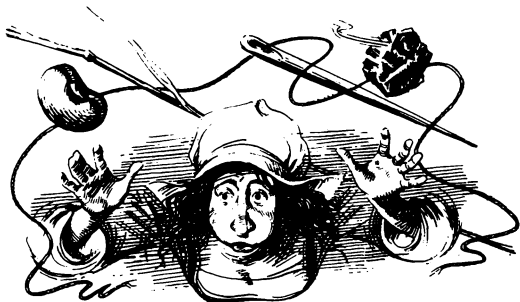
У известного французского писателя — современного прозаика и драматурга ПЬЕРА ГРИПАРИ есть книга веселых сказок. Как всякий сказочник, П. Грипари немного волшебник, умеющий превратить старую сказку в новую, а новую сотворить из чего-то, казалось бы, совершенно будничного.

А еще есть у П. Грипари книга коротеньких, но удивительно ёмких пьес-шуток. Их отличает неожиданность сюжета, они полны острых словечек и, вероятно, достаточно рискованных, на взгляд наших читателей, положений. Но все это написано весело, озорно, умно и поучительно.

Одна книга названа автором «Семь французских сказок», другая — «Семь пьес-шуток для детей». Когда обе они объединились под общей обложкой родилась как бы еще одна книга П. Грипари — «7+7, не значащаяся до 1992 года ни в одном каталоге.

**СЕМЬ
ФРАНЦУЗСКИХ
СКАЗОК**

Иллюстрации О. КОМИНАРЦА

ГОСПОЖА ЧТО-УПАЛО-ТО-ПРОПАЛО

Жила-была на свете, может, даже не на этом, а на том, и не близко, а далеко, одна крестьянка.

Было у нее пастбище, и земля под пашнею, а для пахоты — муж-работяга, потому что ей хватало работы домашней. Домик был, в нем спальня, столовая, кухня с камином. Лошади, овцы, коровы занимали другую половину. По двору гуляли куры с цыплятами, утки с утятами, индюшки с индюшатами. Прохаживались индюки, прыгали кролики, в общем, сновало множество всякой живности. Трудилась хозяйка не покладая рук. Бегала, не чуя ног. Иначе никто с таким хозяйством управиться бы не смог. Но была она как на грех неряха, растрепана, недотепа, растяпа и растеряха. Ленилась наклониться, подобрать, что упало ленилась, про нее и поговорка сложилась: что упало — пропало.

Соседи даже имя ее позабыли: госпожа Что-Упало-То-Пропа-ло — говорили.

Как-то раз ходила хозяйка на конюшню и занесла в дом соломинку на подошве. Лежит соломинка посреди кухни, удивляется, беспокоится, обижается:

— Мое ли дело быть сором?! Хочу обратно в конюшню или на скотный двор! Где хозяйка? Почему меня не подбирает?

И она принялась звать хозяйку:

Эй, хозяйка! Я — солома!
Мне совсем не место дома!
Я подстилка для коня.
В стойло отнеси меня.

Думаете, хозяйка ее вымела? Как же! Да она ее и не услышала!

Паф! — выпалило что-то в очаге. Занялось, разгорелось сырое полено, и из очага на кирпичный пол выскочила алая искорка. Искорка упала рядом с соломинкой, очень удивилась, заволновалась:

— Я боюсь лежать на полу! Я хочу обратно в очаг! Где хозяйка? О чем она думает?

Я же искра золотая,
Я в огне живу, сверкая,
Нету без меня огня,
Так верни в очаг меня!

Вы, конечно, подумали, что хозяйка ее заметила? Ничего подобного!

Хозяйка села за стол и стала лущить фасоль. Лушила она быстро-быстро и ссыпала в большую миску. Рукой двинула, миску опрокинула, фасоль рассыпалась, и одна из фасолинок упала на пол. Покатилась, покатилась и остановилась возле соломинки и искорки.

— Что за безобразие! — закричала она. — Здесь ли мне место? Хочу обратно в миску! Там мои сестры! Где же хозяйка?

Ой, хозяйка, пожалей,
Подними меня скорей!
В миску вновь попасть позволь,
Я ведь вкусная фасоль.

Услышали ее вопли соломинка и искорка и посмеялись над фасолинкой. Они-то уже поняли, с кем имеют дело.

— Напрасно, подружка, стараешься! Нашей хозяйке не до нас.

А вы уж подумали, что хозяйка спохватится и станет искать фасолинку? Вот еще! Хозяйка дочистила фасоль, положила ее в чугунок и поставила на огонь, а про ту, что упала, и думать забыла. Села пришивать пуговицу к мужниной куртке. Взяла нитку, взяла иглоку, стала вдвевать в иглоку нитку... На первый раз — неудача! «Ну, погоди у меня нитка-негодяйка!» — прошипела разгневанная хозяйка.

Взялась снова — опять промах! — «И игла противная, кривая!»

На третий раз нитка распушилась, ничего опять не получилось! — «Ах, они такие-сякие!»

Зато на четвертый раз — победа. Что сказала хозяйка? «Ура!»

Взяла хозяйка в одну руку куртку, в другую — пуговицу. А иголка с ниткой? Ясное дело, упали на пол и оказались возле соломинки, искорки и фасолинки. Иголка очень обиделась и возмутилась.

— Подумать только, на полу иголка! Валяется под ногами!

Посмотрите на иглу!
Мне не место на полу!
Я хочу к себе домой.
Где игольник мой родной

Услышали ее соломинка, искорка, фасолинка и расхохотались.

— Вы только послушайте! Что о себе возомнила! Не велика барыня! Чем мы тебе не компания?

А вы понадеялись, что хозяйка ее будет искать? Нет, хозяйка взяла новую иголку, оторвала новую нитку, вдела, пуговицу пришила. Раз пуговицы на месте, дело кончено честь по чести.

Вот тут-то иголка и поняла, что плохи ее дела, что лежать ей в углу на полу всю ночь, что некому ей помочь. Сделалось ей очень тяжело, она испугалась, бедняжка, но тут же встала и гордо-прегордо сказала:

— Мне все понятно! И я скажу вам вот что: вы можете оставаться здесь. А я с такой хозяйкой жить не намерена. Я отправляюсь путешествовать по чужеземным странам!

— Неплохая идея, сестрица! Мы тоже не прочь в дорогу пускаться! — воскликнула хором остальная троица.

И вот они все вчетвером отправились странствовать: впереди шагала соломинка, за ней порхала алая искорка, следом катилась фасолинка, а последней гордо-прегордо шествовала с длинной ниткой иголка, будто невеста в фате из шелка.

Шли они, шли и вдруг стоп — впереди бежит ручеек.

Для нас-то с вами ручеек забава, да и не ручеек даже, а так пустяк — канавка, но для наших крошек — страшная пропасть. Как же им перебраться на другую сторону?

Сообщила соломинка:

— Я — длинная, лягу поперек, вот вам и мостик. Шагайте по мне, будем все на другой стороне. Но прошу вас, идите поосторожнее, я же такая тонкая, нежная. Как бы не случиться беде, и вам не оказаться в воде. Бегите быстро, не останавливайтесь.

— Идет! — согласились остальные.

Соломинка легла поперек ручья, и искра побежала первой.

А я вам уже говорил, что была она алая, пылкая, страстная и необыкновенно прекрасная. Увидела себя в ручейке, остановилась, восхитилась, залюбовалась...

Вы, конечно, догадались, что из этого получилось? Да, да, так оно и случилось: искорка спалила соломинку. Соломинка разломилась. Половинки упали в ручей, их унесло течение... В тот же миг послышалось — пшш! — и потухшая искорка пошла ко дну.

Видя такое горе, вы решили, что фасолинка разревелась? Напрасно! Ей стало смешно ужасно, и она захохотала. Хохотала, хохотала, пока не надорвала себе животик. Только теперь фасолинка заплакала горько-прегорько.

Плакала она не без толку, пожалела ее иголка, хоть и была она прегордая, но сердце у нее было доброе.

— Стоит ли так убиваться? Зашью тебе живот — и дело с концом.

Сказано — сделано: запихнула иголка всю требуху в щелку, а прореху зашила крепко-накрепко. Но нитка была черная, а фасолинка белая. Теперь вы поняли, откуда взялась белая фасоль с черным животиком, которую мы привыкли называть фасоль-мулатка. Да не огорчайтесь, пожалуйста, она ничуть не хуже белой. Я-то знаю, я ее ел!

Иголка зашила фасолинку и спросила:

— Знаешь, что я узнала?

— Что? — спросила фасолинка.

— Что мир очень велик, а мы маленькие-премальные.

А когда тебе страшно, жить лучше под крышей. Пойдем скорей домой.

— Я-то согласна, но и дома нам жить опасно! — отозвалась фасолинка. — С такой хозяйкой беда...

— Как только придем туда, такие затеем штуки, что у хозяйки опустятся руки!

— Что это ты придумала?

— Увидишь!

Вернулись они на ферму и вот что сделали: иголка проткнула фасолинку, и фасолинка стала похожа на колесико, а иголка впервые в жизни обрела равновесие. Им стало очень весело! Они чувствовали себя настоящей адской машиной: забирались в шкафы, прятались под стопки платков, в складки платьев, прокрадывались под подушки, перины, матрасы, иголка кололась и не было от нее никакого спасу. Хозяйка от их проделок не взвидела света белого!

За фасоль она взялась,
В палец ей игла впилась,
Туфли стала надевать,

Укололася опять.
Чистить принялась картошку,
Ей игла впилась в ладошку.
Спряталась иголка в ванну:
«И в воде колоться стану!»
А в постели одеяло,
Словно кот, царапать стало.

Житье у госпожи-хозяйки стало хуже некуда. Но мало-помалу характер у нее стал меняться. Она сделалась внимательной и очень старательной. Смотрела по сторонам, по всем углам, здесь и там. Прислушивалась, принюхивалась. Терла, мыла, мела, убирала. Все свои дела в порядок привела и даже каждый день пыль вытирала.

Хотите верьте, хотите нет, но к концу лета хозяйки стало не узнать. Однажды, убирая полку, она нашла фасолинку и иголку. Иголку положила в шкатулку, а фасольку в похлебку, которую съели на ужин вместе с бараньей ножкой.

В деревне больше никто не звал нашу хозяйку госпожа Что-Упало-То-Пропало, ее стали звать матушка Метелка, матушка Выбивалка, матушка Чистим-Блистим, матушка Убери, матушка Подотри.

И если вы отправитесь туда, правда, неведомо куда: то ли на ближний свет, то ли на дальний, вы увидите сами, что у нашей хозяйки в доме чистота — ни пылинки, ни соринки, ни порошинки. Пол отмыт добела, хоть скатерть на него постилай, словно он не пол, а стол — садись да и угощайся.

Иголка живет да радуется. А фасолинка? Не могу сказать, не успел разузнать — довольна ли крошка бараньей ножкой?

У всякой сказки есть мораль
У этой тоже есть,
И мне ни капельки не жаль
Тотчас ее прочесть.

Раз ручеек глубок,
Ищи, дружок, мосток,
Пошел учиться — не ленись,
Работу начал — так трудись.
И как твой труд ни труден —
Дари улыбку людям.
Будь добрей с друзьями,
Помощником будь маме —
Ведь ей приходится стирать,
Готовить, мыть и прибирать,
Чинить проводку ловко,
С тобой писать диктовку...
А завтра ровно к девяти
На службу надо ей идти!

ОБЛЕЗЛЫЙ БЕС

Я расскажу вам, как молоденький бес сперва поседел, а потом облез. Но рассказ, как молоденький бес поседел и облез, придется начать с крестьянки Марот, которая делала все наоборот. Но прежде чем рассказывать о Марот, объясню, почему она делала все наоборот.

Словом, вот такая вышла история.

В те времена была война, и все мужчины пошли воевать. А Марот сказала:

— Как же это без мужа? Муж мне и дома нужен. Ты, муженек, погоди, ни на какую войну не ходи.

— Ладно, — согласился крестьянин.

И пошел землю пахать. Но в один прекрасный день нагрянули к нему два жандарма.

— Что это ты тут делаешь? Твое дело воевать. А ну, марш за нами!

— Ты хоть шапку надень, а то на войне и простудиться недолго, — крикнула ему жена. — У тебя, сам знаешь, чуть что — и насморк!

— Ясное дело, надену.

— И убивать себя не давай!

— Попробую.

— Спасибо, люди говорят, война недлинная. Смотри, чтобы к Рождеству дома был!

— Уж будь спокойна, постараюсь.

Крестьянин ушел. А война оказалась длиннее, чем предполагали. Миновало Рождество, потом Пасха, прошло лето, потом еще одно Рождество, потом еще два... Только после четвертого Рождества война наконец закончилась большим-пребольшим сражением. А когда мир подписали, крестьянин куда-то запропастился.

— Погиб, наверно, — сказал полковник. — Ну и отлично. А кто сообщит об этом вдове?

Видит, сержант тянет руку.

— Я, господин полковник, всегда рад стараться.

— И на здоровье.

Подошел сержант к дому, дернул колокольчик.

— Что угодно?

— Сообщить грустную новость.

— Какую новость?

— Ваш муж погиб как герой!

— Ой! Ой! — И Марот бух в обморок.

Сержант подошел к крану, намочил полотенце, приложил Марот ко лбу, она и очнулась.

— Здравствуйте, сударь. А вы кто такой? И что вам угодно?

— Да вы что? Неужто не узнаете?

— А чего узнавать?

— Да то, что муж у вас погиб как герой!

— Ах, он такой-сякой! Это он-то герой? Ну постой! — Марот побагровела от злости, схватила палку, отдубасила сержанта и выставила его за дверь.

Сержант вернулся к полковнику.

— Ну и как? — спросил полковник.

— Она мне не поверила и поколотила, — доложил сержант.

— Значит, не хватило обходительности... Да и откуда она у тебя, у простого сержанта? А вы, капитан, не хотите ли постараться?

— Как прикажете, господин полковник.

Подошел капитан к дому, дернул колокольчик.

— Кто там?

— Капитан. Пришел с известием.

— Каким таким известием?

Капитан испугался хозяйкиной палки и сказал только первую букву.

— Ваш муж п...

— Простудился? Перетруился? Проворовался?

— Нет, п — омер! Пал в бою как герой!

— Ой! Ой! — И бух в обморок.

Капитан намочил полотенце, привел Марот в чувство, она ему и говорит:

— Здравствуйте, сударь. Что вам угодно?

— Тыфу ты, черт! Вы, что, уже позабыли?

— Что позабыла?

— Я вас только что известил, что ваш муж п...

— Подрался? Проигрался? Попался?

— Нет, погиб как герой.

— Сейчас разберусь и с тобой! — Марот схватила палку и ну колошматить капитана. Он бежать.

Явился к полковнику, докладывает:

— Она и мне не поверила, тоже поколотила.

— Значит, и вам характера не хватило? Ну, раз такое дело, придется идти самому.

Подошел полковник к дому, дернул колокольчик.

— Сударь... Чем могу служить?

— Скажу сразу: я полковник. Упадете в обморок, дам подзатыльник. Будете драться, посажу в карцер. Ваш муж погиб!

На этот раз Марот «ой» не кричала, в обморок не падала, даже за палку не взялась, переделась в черное платье и отправилась по соседям рассказывать о своем несчастье.

Между тем в той же самой деревне жил один господин, давно постаревший, давно разбогатевший и давно овдовевший. Ему, тоже казалось, что он страдает от одиночества. И вот однажды он говорит Марот:

— Оба мы с вами горемыки. А вдвоем и горевать веселее.

У вас беда и у меня нужда...

— Что-то я не понимаю.

— Я, конечно, не знаю, как сказать, но у нас могла бы быть семья...

— А почему бы и нет?

— Так давайте поженимся?

— С удовольствием.

В следующее воскресенье он облачился в свой лучший фрак, некогда уже сослуживший ему добрую службу, а она надела свое не менее заслуженное белое подвенечное платье, и они вместе отправились в церковь.

Только собрались войти, подходит к ним человек и спрашивает невесту:

— Ты что же, не узнаешь меня?

— Нет, сударь. Кто вы такой?

- Посмотри хорошенько, я же твой с...
- Он тоже выговорил только первую букву.
- Сородич? Сосед?
- Нет!
- Свекор? Свояк?
- Не совсем так.
- Судья? Кто ж ты, эдакий сундук?
- Окстись, я родной твой супруг.

Марот пригляделась повнимательнее: и впрямь — родной муж! Его не убили, его полонили, теперь отпустили.

— Ты же видишь, живой. Идем-ка домой!

— Я обижен судьбой! С этой свадьбой второй разорился вконец, — возопил тут вдовец, — разослал приглашения, заказал обед!

— Дело поправимое, — сказал муж. — Отобедаем все вместе. Так они и сделали. Но Марот была недовольна.

Вот оно значит как, подумала она. Мужики меж собой столковались. Моего мнения не спросили. Моими желаниями не поинтересовались. Им одним, что ли, позволено своевольничать? То он себе жил, то в могилу полез, то вдруг взял да воскрес, и все без спросу! Больше так не будет! С сегодняшнего дня я сама себе голова! Что захочу, то и буду делать!

С этого дня Марот стала все делать наоборот.

Старые сказочники уверяют, будто переменялась она не враз, а постепенно, ворча да привередничая. Ну, мне-то откуда об этом знать? Я знаком с нею не был.

Так или иначе, но с того самого дня она только и делала, что словами, делами и даже мыслями перечила своему муженьку. Он говорил белое, она — черное. Он — черное, в ответ слышал — белое. Он утверждал — красное, она — зеленое. А скажет он — голубой, думаете, она ответит — желтый или розовый? Оранжевый — вот, что она скажет. Всегда все поперек.

Ладно бы о пустяках спорила, а то ведь и в самом главном не уступала! Он просит тушеного, подает печеное. Он — мяса, она — рыбу. Просит рубашку, она сапоги швыряет. Ему бы винца, она водой угощает.

В один прекрасный день он не выдержал. Проснулся рано утром и говорит:

— Спи, спи! А мне вставать пора.

Марот немедленно выскочила из постели.

— Чего вскочила? Ложись-ка опять!

Марот стала платье надевать быстро-быстро.

— Посиди, а я пойду погулять.

Он — за дверь, она — за ним. Так друг за другом и дошли они

до Зияющей Бездны. До той самой Бездны, черной, беззвездной, у которой дно искать бесполезно, потому что она бесу любезна: в ней серный смрад тех подземных врат, что ведут прямо в ад.

Муж остановился на самом краю и говорит:

— А ты не подходи! Стой за моей спиной!

Марот тут же шагнула вперед и встала рядом с мужем. Он притворился, что рассердился.

— Я же сказал тебе — стой сзади!

— Почему?

— Потому, что я так велю!

— А я не хочу!

— Стой, не двигайся!

— А если мне хочется?

— Не смей!

— Да почему?

— Потому что я приказываю!

— Смотри какой приказчик нашелся!

Сделала шаг и, — господи, прости ее грешную, — ухнула в Зияющую Бездну! А мужу только того и надо. У него от радости внутри аж все взвырвало. Засвистал песенку — домой вернулся весело.

Проходит день, другой, в доме — покой. Прошла неделя, стала чувствоваться потеря. Комната не метена, зато все запасы подчистую, в буфете пусто, зато грязной посуды густо. Две недели миновали, еще стало хуже. А к концу месяца можно было с тоски повеситься: белье лежит нестираное, носки в дырах и дырочках, на куртке ни пуговицы, прореха на заднице, уже дом не дом, сплошной содом.

Сел крестьянин и задумался:

«Я, пожалуй, хватил чересчур. Не такая уж она вредная, а, пожалуй, даже полезная. И совсем не сварливая. Зато можно сказать красивая. Если она жива еще, пойду и вытащу ее».

Взял муж длинную-предлинную веревку и отправился к Зияющей Бездне. Один конец забросил в Бездну, другой конец в руке крепко держит, да как гаркнет:

— Старушка! Эге-гей! Хватайся скорей! Я тебя вытащу!

Считаете, опять хитрит? А я думаю, нет. Но, конечно, если Марот по-прежнему делает все наоборот, то она за веревку не ухватится... Однако веревка дернулась, натянулась, аж зазвенела. Значит, все в порядке, тяни себе смело. Он и распорядился:

— Держись хорошенько!

Тянул — тянул, тянул — тянул — вытянул наконец. А вот кого? Ни за что не догадаетесь. Не жену, а молоденького бесенка с седой шерсткой и волосенками. Только выбрался бесенок

из Бездны, ножкой вежливо шаркнул, лапку мужичку кротко протянул и радостно затанул:

— Не знаю как и благодарить тебя, что вытащил меня из этого ада! Месяц назад упала к нам бабища, настоящее чудище, всех допекла, замучила, все перебаламутила. Был я совсем зелененький, а стал бел как мел. Сам видишь.

— Вот черт! — воскликнул крестьянин. — Есть о чем призадуматься. А я пришел эту бабищу назад вытащить. Потому как она мне жена.

— Жена? И тебе такая нужна? — ужаснулся бесенок.

— Конечно, нужна. Сам посуди: уборка, стирка, глажка, кормежка. А кому штопать дырки? Кому мыть плошки?

— Заклинаю тебя земным и подземным! — взмолился бесенок. — Не делай глупостей. Куда попала, пусть там и сидит, пока не пропала. Если она вылезет, мне несдобровать. А за то, что ты меня освободил, я сослужу тебе службу: сделаю тебя богачом. Не то что она, никто другой больше тебе не понадобится.

— Ну что же, это нам гоже! — согласился крестьянин.

И повел в дом бесенка-седовласа. А этот бес был совсем не балбес, он мог натворить много разных чудес. Сказал он «раз!» — дом от грязи спас. Сосчитал: «два!» — готова еда. Молвил словечко — истоплена печка. Прочел стишки — заштопаны носки, штаны залатаны, башмаки починены. Песенку спел, дом заблестел. Заклинание произнес — как из-под земли стол и поднос с разными кушаньями. Сели они с крестьянином, кофейку попили, глядь, а стол опять под землю ушел.

— Ну давай займемся делом, — предложил бес. — Дочку старости знаешь?

— Знаю.

— Красивая, а?

— Очень!

— И богатая, да?

— Что и говорить.

— Вот и женись на ней.

— Я разве против? Только невозможно это...

— Еще как возможно! Я в нее вселюсь, она и занедужит. Станут звать лекаря, аптекаря, священника, волшебника, костоправа, пастора, народу много разного для труда напрасного. Исцелить ее никто не сможет. А ты придешь, ее вылечишь и на ней женишься.

— Как же я ее вылечу?

— Скажешь два словечка: «Вон, Бельфегон!» Я и выйду.

— Ладно, договорились.

На другой день разнеслась по деревне весть, будто дочка

старосты всерьез занемогла. Не ест, не пьет, ногами бьет, визжит, брыкается, скверно ругается.

Пригласили к ней лекаря, аптекаря, священника, волшебника, костоправа, пастора, народу много разного для труда напрасного. Судят они, рядят, исцелить не могут. Тогда приходит к старосте крестьянин и говорит:

— В твою дочку вселился бес, а я его припугну, чтобы больше не лез.

Глаза у старосты на лоб выкатились.

— Это с каких же пор ты против бесов стал горазд?

— Никогда с ними дела не имел, а этого выгоню.

— А что за это возьмешь?

— Вылечу твою дочь и возьму ее за себя.

— А ты парень не промах! — покачал головой староста. —

Ну, да будь по-твоему: лечи и женись. А не исполнишь обещания, ждет тебя наказание.

Завели крестьянина в комнату, а там два здоровенных детины еле-еле дочку старосты в кресле удерживают. Увидев мужичка, она такими словами его приветила, что и повторить неудобно. Да разве у молодца от такой малости поубавится храбрости?

— Вон, Бельфегон! — приказывает он.

Девушка как вскрикнет, тут у нее изо рта вылетело что-то мохнатое, волосатое, седоватое, что-то ворсистое, бархатистое, туманистое, что-то верткое, что-то круткое, что-то прыткое. Метнулось вверх, вбок и в открытое окно — порх!

Дочка старосты враз поправилась. Была она красавицей, милой, славной, благонравной, избавителю благодарной. Крестьянин женился на ней и стал одним из богатейших людей в своей округе.

— Ну что? Доволен сейчас? — спросил бес-седовлас.

— Всем доволен и очень тебе благодарен.

— То ли еще будет! — пообещал бесенок. — Скоро ты станешь губернатором и поедешь ко двору императора. А пока забирай жену и имущество и перебирайся в столицу на жительство.

Крестьянин продал дом, простился с тестем и переселился с женой в столицу. Не прошло и двух дней как стало известно, что занемогла дочка первого министра — не ест, не пьет, ногами бьет, визжит, брыкается и во всю скверно ругается. И ни лекари, ни аптекари, ни священники, ни подзатыльники, ни клистиры, ни эликсиры не могут излечить ее от недуга.

Крестьянин отправился к первому министру.

— Берусь вылечить твою дочь.

— А что возьмешь?

— Хочу стать губернатором, жить при дворе императора.

— Губа у тебя не дура! — похвалил его министр. — Впрочем, почему бы и нет? Будет дочка здорова, все что хочешь, то и получишь, даю слово! А не вылечишь, пеняй на себя!

Отвели нашего целителя в богатые покои, стены в покоях обиты бархатом. Лежит юная девица посреди кровати, а ее за руки, за ноги держат четыре здоровенные служанки. У больной как раз начался приступ, и она выкрикивала такое, что от барышни из приличного семейства и слышать тошно.

— Вон, Бельфегон! — скомандовал крестьянин.

Открыла она рот, и из него с воплем вылетел бесенок, облетел три раза спальню и исчез в открытом окне.

Стал крестьянин губернатором, а жена его губернаторшей, и теперь их приглашали на все празднества императора и императорши.

— Ну что, я от беды тебя спас? — спросил бес-седовлас.

— Благодаря тебе, до скончания века нет счастливее человека!

— Ну и прекрасно! Теперь ты можешь без меня обходиться. А мне придется еще потрудиться. Но вмешиваться в мои дела не годится! Ясно тебе!

— Еще бы не ясно. Все понял прекрасно.

И новоиспеченный губернатор вместе со своей супругой отправился в свое поместье. Только они там обосновались, как доходит до них весть, будто дочь императора заболела: не пьет, не ест, кусается и грубо выражается.

Губернатор наш хотел в стороне отсидеться, но раз спас двух девиц, некуда деться! Император о нем не забыл, целую армию снарядил.

Идут солдаты-душки, везут с собой пушки, у каждого пистолет, попробуй скажи — нет!

На следующий день губернатора проводили в тронный зал.

— Голубчик! — обратился к нему император. — Говорят, ты бсов изгонять мастер?

— Что вы, ваше величество, слухи как всегда преувеличены!

— Ты же вылечил дочку старосты, дочку министра! А нашему величеству отказываешь?

— Ваше величество, да я тут ни при чем... Счастливый случай, не больше... Вернее, два счастливых случая...

— Ну, ну, не скромничай. Впрочем, чего я миндальничаю. Не вылечишь мою дочь, спущу шкуру, отберу имяние, жену — на птичник! Стража! Проводите господина целителя в покои принцессы.

И его повели к императорской дочери, а лекари, аптекари,

священники, волшебники, костоправы, пасторы, интриганы и шарлатаны его императорского величества зло смотрели на целителя, явно мечтая видеть его уже после процедуры — без шкуры.

Через длинную анфиладу комнат привели его в золотую спальню громадную, где сидело двадцать сиделок, не спуская с больной сорок своих гляделок.

Увидела его принцесса да как заорет грубым мужицким голосом:

— Ах ты так, да разэдак так! И вот этак так! Тарарах! Так! Так! (Я, конечно, не в точности повторяю ее слова.) Вздумал мне надоедать! Да как ты посмел? Убирайся, пока цел!

Это бес за нее так говорил. Что делать? Задумался бедняга, и тут его осенило.

— Слушай, — прошептал он. — Я к тебе с поручением. И не от себя... Моя жена... та, первая...

Бес вмиг примолк.

— Первая жена? — выдавил он. — А она что, не в яме?

— Уже нет! И все по моей вине. Вчера я шел поздно мимо Зияющей Бездны и без всякой задней мысли возьми да и скажи: «Ты еще здесь, старушка? Сиди, сиди! К нам не спеши! Здесь так без тебя хорошо!» Но ты же знаешь: Марот все делает наоборот. Стоило сказать слово и уж готово: она уже тут как тут.

— Болван! И что дальше?

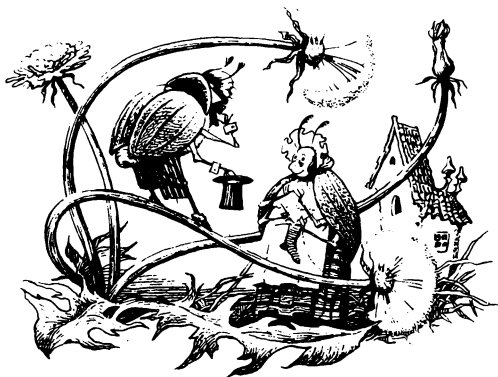
— Можешь не сомневаться, она рвет и мечет. Ты, говорит, оставил меня в яме, а бес-подлец женил тебя на даме. Немедля веди меня к нему, я ему все объясню! Сведу счеты с седым чертом!

— А ты что?

— Я, конечно, отнекивался, отказывался... но ты же ее знаешь сам... В общем, она за дверь и будет большой тарарам.

При этих словах принцесса — конечно, не без помощи беса — жалобно пискнула, потом громко взвизгнула, так визжат прибитые собачонки, у нее изо рта что-то выскочило, завертелось, заметалось, — бес искал такую малость, как отдушина или щелка, но все закрыто было на щеколды и защелки. Тогда бес разбил стекло и исчез.

На этот раз бес-седовлас улетел так далеко, что больше в этих местах его и не видал никто.

МАДЕМУАЗЕЛЬ СКАРАБЕЙ

Да, да, именно так и называется эта сказка. Родом она из Северной Африки, а рассказал мне ее один знакомый алжирец. Нравы там несколько странные, но сказка в целом забавная. Мне понравилась эта сказка, и я решил пересказать ее вам.

Ну-ка, признавайтесь, — вы знаете, кто такой скарабей?

Нет? Ну так я вам скажу. Скарабей — это жук. Он похож на майского, но поменьше, посимпатичней, и цвет у него не коричневый, а черный с сине-зеленым золотистым отливом.

А знаете, чем наш сине-золотой скарабей питается, где живет и чем занимается? Тоже нет? Так запомните: скарабей ест... какашки, вместо супа и вместо каши.

Всякий раз, когда конь, труся рысцей по дороге, уронит пару яблок, или крутобокая корова на лугу лепешку оставит, к этому месту быстро-быстро подбегает месье Скарабей. Отщипнет от лепешки крошку, разомнет немножко, скатает шарик. Потом повернется к шарiku спиной и катит его домой, толкая изо всех сил и болтая в воздухе средними лапками. Наконец, шарик доставлен в норку к семейному очагу месье Скарабея. Мадам Скарабей растит в этой теплой колыбельке своих деток. А маленькие скарабейчики, едва открыв глазки, сразу начинают есть какашки, вот откуда у них такой золотистой сине-зеленой окрас-

ки рубашки. Что? Вы тоже хотите стать сине-зелеными скарабейчиками? Ослышался? Не хотите ни за что на свете? А я вот еще не решил. И кто знает, может, в один прекрасный день...

Но послушайте, какая в один прекрасный день произошла история: мадемуазель Скарабей встала необычайно рано, приняла ванну, умылась, причесалась, почистила зубки, подвела глазки, накрашила губки, надела алую блузку и белоснежную юбку, надела шляпку с горошинку, хорошенькую-прехорошенькую и уселась на лавочку возле дома у забора. Сидит, поглядывает по сторонам. Цок-цок, скачет мимо господин Конь. Видит — девица. Как не остановиться!

— Доброе утро, милая барышня! Вы похожи на ясное солнышко!

— Настала пора искать себе пару, вот я и принарядилась.

— Повезло мне! — обрадовался господин Конь. — А я собрался жениться. Выходите за меня замуж!

— Может, и выйду, — отозвалась прелестная мадемуазель Скарабей и запела:

Стану я твоей женой,
Будешь счастлив ты со мной,
Будем жить и поживать,
Песни петь и танцевать.
Но хотелось бы, дружок,
Твой услышать голосок!

Господин Конь мигом пустился в пляс — бум! — трам! — тарарам! И запел: Иго-го-го! Иго-го-го!

Мадемуазель Скарабей заткнула в испуге уши.

— Не пойду за тебя замуж! От тебя слишком много шума! Заплакал господин Конь и ушел.

Не прошло и пяти минут, как на улицу выскочил господин Пес.

— Добрый день, красавица! Ты мне очень нравишься!

— Я надумала выйти замуж, вот и принарядилась!

— Ур-р-ра! — рывкнул господин Пес. — Я тоже не пр-рочь жениться. Давай поженимся!

— Может, и поженимся! — ответила мадемуазель Скарабей и запела:

Стану я твоей женой,
Будешь счастлив ты со мной,
Будем жить и поживать,
Песни петь и танцевать.
Но хотелось бы, дружок,
Твой услышать голосок!

Господин Пес тотчас закружился, подпевая себе: Гав! Гав! Гав! Р-р-р!

Мадемуазель Скарабей заткнула уши.

— Не буду твоей женой! От тебя оглохнуть можно!

Заплакал господин Пес и ушел.

Прошло еще полчаса. И на улице появился господин Кот, бархатный живот.

— Честь имею, милая барышня! — заговорил он жирным гнусавым голосом. — С вами и посидеть рядом лестно!

— Я ишу себе жениха.

— А я — невесту! Почему бы нам не зажить с вами вместе?

— Может быть, и заживем, — ответила мадемуазель Скарабей и запела:

Стану я твоей женой,
Будешь счастлив ты со мной,
Будем жить и поживать,
Песни петь и танцевать,
Но хотелось бы, дружок,
Твой услышать голосок!

Господин Кот тут же выгнул спину и гнусаво промяукал:

— Мяу-у-у! Мяу-у-у!

Мадемуазель Скарабей заткнула уши.

— Не хочу! Голос у тебя гнусавый!

Господин Кот заплакал и ушел.

Сидит на лавочке мадемуазель Скарабей, смотрит на пустую улицу. Час сидит. Два сидит. Ни души. И вдруг... по улице шествует жук. Да еще какой! Сам господин Скарабей. Видит мадемуазель Скарабей, останавливается и кланяется ей.

— Добрый день, прелестная мадемуазель Скарабей! Что вы здесь делаете?

— Сiju, скучаю. Думаю, не возьмет ли меня кто-нибудь замуж.

— Я бы вас взял с удовольствием! Давно мечтаю зажить своим домом с молодой хозяйкой!

— Но сначала придется пройти испытание, — ответила мадемуазель Скарабей и запела:

Стану я твоей женой,
Будешь счастлив ты со мной,
Будем жить и поживать,
Песни петь и танцевать,
Но хотелось бы, дружок,
Твой услышать голосок!

— А я... я не пою... — потупился господин Скарабей.

— Не поешь? Не умеешь?

— Не умею. Не пою.

— А что же ты делаешь? Чем живешь?

Господин Скарабей покраснел до ушей.

— Не скажу.

— Почему?

— Потому! Я делаю то, чего не делают обычно. Мое занятие не совсем прилично...

— А мне совсем безразлично, чем мы будем кормиться, если собираемся пожениться! — воскликнула мадемуазель Скарабей. — Под одной крышей все тайны все равно выйдут наружу. Так что лучше сказать сразу!

Господин Скарабей покраснел еще больше и прошептал:

— Хорошо. Я скажу. Я катаю шарики из какашек.

— Как? Как?

— Да, так. Если конь, труся рысцой, обронит на дорогу пару яблок или корова посреди пастбища оставит лепешку, я отщипываю крошку, скатываю маленький шарик и качу его в свой домик...

Услышав эти слова, мадемуазель Скарабей соскочила со скамейки и кинулась на шею господину Скарабею:

— Ты и есть мой суженый! Желанный, долгожданный! Будь моим мужем! Я согласна выйти за тебя замуж!

И счастливы были, когда поженились,
Детишки точь-в-точь, как они, родились.
Как мама и папа, все то же жевали
И золотом (сине-зеленым) сверкали.
Вы стать не хотите ль такого же цвета?
Рецепт мне известен — секрета тут нету!..

БАГАДА

На окраине Парижа в новом высоком доме сдавалась крошечная квартира, и сдавалась совсем недорого — уютная, светлая, с балконом, удобной мебелью, я бы сказал, чудесная, если бы в ней и на самом деле не творились разные чудеса. Похоже было, что их творила нечистая сила. Но что бы там ни говорили, других недостатков в квартире не было. Удивительно! Обыкновенно нечистая сила селится в старинных особняках, древних замках, на худой конец — в ветхих лачугах. А тут ничего похожего: телевизор, ванная, прихожая. Впрочем, нужно сказать, что облюбовало ее не привидение, не призрак, там поселилось юркое крохотное создание, одним словом, чертенок. У чертенят, согласитесь, и вкусы особые.

Привидения — существа скучные: появляются всегда в сауне, всегда в одной и той же комнате, стонут, охают, причитают... У них постоянно бессонница и угрызения совести. Такая от них берет тоска! То ли дело чертенок: всевозможные штуки, шалости, а уж на шутки горазд как никто. Наш чертенок шутил не зло. Пока в доме не было никого, он и вовсе не показывался. Бродил себе тихонько ночами, никому особенно не докучая. Но стоило в квартире кому-то поселиться, чертик не упускал случая повеселиться. Первые две-три недели жильцы о нем понятия не имели,

он был тише воды, ниже травы, а сам все присматривался к соседям, изучая их привычки, странности и причуды, чтоб однажды — бах! — появиться и нагнать на всех страх.

Как? Недаром они — лукавые! Чертенку не хотелось быть огородным пугалом, и обличий своих он просто так не выдумывал, он высматривал, кто чего боится, чтобы потом в этом виде и появиться.

Непонятно? Объясню поподробнее.

Вот, к примеру, года два назад квартиру снимал генерал. Жил он много лет на покое и не любил ворошить былое. Оно и понятно: вспоминать о войне неприятно. И вдруг вечером в коридоре он сталкивается со скелетом в помятой каске, в одном сапоге и френче грязном. Генерал наутро сбежал.

В следующий раз чертенок до смерти перепугал учительницу музыки. Она, видите ли, не любит змей. До сих пор остается неясным, чем змеи так насолили ей. Казалось бы, такие холодно-кровные создания. Без малейшего затруднения чертенок превратился в замечательного питона и с обворожительной улыбкой свернулся на рояле. Учительница упала в обморок, а придя в чувство, подхватила фортепьяно, табурет, партитуры и съехала с квартиры. Вот до чего испугалась!

Потом в квартире жил маленький мальчик. Он очень боялся Бабы Яги. Мальчикам вообще не пристало чего-то бояться, а уж старушек пугаться тем более. Баба Яга ведь душечка-симпапушечка! Но что поделаешь, мальчугану она не нравилась. От одного имени Яги он, прямо скажем, дрожал. И вот как-то вечером лежит он в своей кроватке, а в комнату входит... нет, не мама, а пожилая милая дама, смотрит ласково-ласково, а сама косоглазая, нос у нее крючком, из бородавки волосы пучком, из ушей серых мох торчком... Мальчик от страха не мог ни охнуть, ни вздохнуть. Нетрудно догадаться, что на следующей же неделе родители мальчика новый дом приглядели.

Но примерно год назад все пошло на иной лад. В квартире поселилась новая семья: мама, папа и маленькая Каролина. Чертенок уже лапки потирал и облизывался в предвкушении новых проказ. Но прошел целый месяц, чертенок поглядывал, подслушивал, соображал, но ничего полезного не узнал. Тогда он решил:

— Испытаем маму!

Мама как раз выходила из ванной, и он кинулся ей под ноги.

— Таракан! — брезгливо поморщилась мама. — Завтра же куплю дихлофос!

Чертенок взглянул в зеркало: в самом деле, вылитый таракан:

блестящий, рыжий, усатый. Видно, мама только их и боялась, да и то самую малость.

— Может, меня ждет с ее папой удача? — прошептал чертенок, чуть не плача.

На следующий вечер он улегся поперек коридора, чтобы папа не мог его не заметить. Папа и впрямь над ним наклонился, удивился и очень рассердился.

— Кто это разбрасывает кнопки? Малышка может уколется!

Если папа и боялся, то не за себя, а за дочку Каролину. Не правда ли, трогательно?

Чертенок разозлился. Его так и подмывало учинить какую-нибудь пакость. После неудачи в коридоре он ринулся в комнату Каролины.

— Ку-ку! — крикнул он.

Ага! Кажется клюнула. Каролина натянула на голову одеяло и из-под одеяла опасливо прошептала:

— Это ты, Младенец Христос?

Чертенка бросило в дрожь. Младенец Христос? Что за чушь!

— Ну да, это он, — ответил чертенок растерянно.

— Как хорошо! — обрадовалась девочка. — А скажи, твое Рождество на будущей неделе?

— Вроде, да, — неуверенно согласился чертенок. Он в таких делах не очень-то разбирался.

— Будь добр тогда, пусть у меня будет багада, — попросила девочка.

— Чего-о?

— Ба-га-да! Мама с папой говорят, что багады не бывает! А мне так хочется! Поднеси мне его в подарок!

Чертенок приготовился крикнуть: «Ах ты, гадкая девчонка! Не будет тебе никаких подарков!» Но вместо этого пропищал:

— Ладно, ладно! — И тут же улизнул. А что еще ему оставалось, если она его ни капельки не боялась?!

Предрождественская неделя миновала, но как вы сами догадались, чертенок и думать не думал о багаде. Ведь водится багада неизвестно где. Напрасно Каролина ждала подарка. Чего и ждать от чертей, кроме каверз, они же известные обманщики!

Зато в чем чертям не откажешь, так это в любопытстве. В Рождественскую ночь чертенок глаз не сомкнул. Ему не терпелось узнать, что же все-таки Младенец Христос (разумеется, настоящий) положит Каролине под елку. Багада — это что: игрушка, зверушка, какая-нибудь финтифлюшка? Но понятное дело, столкнуться с Младенцем Христом чертенок боялся. Ему пришлось терпеть до утра.

25-го декабря спозаранку он прошмыгнул в гостиную и

юркнул под елку. На елке сверкали шары, звезды, свечи, ангелочки, хлопушки, а под елкой лежали кульки, пакетики, свертки — рождественские подарки. Сквозь обертку чертенка разглядел куколку, домик, альбом, краски и бисер в коробочке, чтобы бусы нанизывать. Но очевидно багада — то, чего нет и не было никогда. Черенок успокоился, завертел радостно хвостиком и собрался улепетнуть, как вдруг дверь распахнулась и в гостиную вбежала Каролина в ночной рубашонке, а следом вошли мама и папа. Каролина бросилась к чертенку с криком:

— Идите сюда! Смотрите, какой замечательный багада!

Посадила его на ладошку, погладила спинку, почесала за ушком. Что тут возразишь? Черенок посмотрелся в сверкающий шарик. Да-а! Иначе не назовешь, и впрямь — багада! Не спрашивайте меня, как он выглядел. Да кому известно, как выглядит багада? Не знаю даже, он это или она. И вообще, что это — ба-га-да?!

Родители рассмеялись.

— Малыш, у тебя на ладошке багада сидит понарошку. На самом деле багады нет.

— Есть! — Каролина крепче сжала кулачок. — Мне подарили самого лучшего багаду!

— Ну и хорошо! — согласились родители.

Они были люди покладистые и пустых споров не любили. Зачем портить малышке праздник? Так черенок стал Каролиной игрушкой. Она играла с ним долго-долго.

Может, и сейчас играет, раз он никому не показывается и никого не пугает.

Понедельник — не среда!

Что такое багада?

Даже папа, даже мама

Не слышали никогда!

Говорят, ерунда

Багада, багада!

Погляди-ка сюда!

Неужели — ерунда?

На моей сидит ладошке

Настоящий багада!

Настоящий, да-да-да!

Багада, багада!

Будет другом навсегда

Каролине багада!

А что дядям, а что тетям

Он не виден — не беда!

Он мне друг навсегда!

Багада, багада!

ВОДА-НЕВИДИМКА

Тот, кто читал «Сказки Фоли-Мерикюр», наверное, не забыл, что в них я уже говорил о бутылке — но не простой, а с водой-невидимкой. Там же, помнится, я вас просил прислать мне вашу сказку, где волшебная вода... Вспоминаете, да?

Но прошло уже добрых шесть лет, как мои сказки вышли в свет, а ответа на просьбу нет. Не пришел мне от вас ответ. Я и решил: «Ну ладно! Раз вы такие лентяи, самому придется за сказку браться. А как будет получаться — не моя забота! Засяду-ка я за работу: декабрь на дворе!

С утра сижу в кабинете, печатаю на машинке и вдруг — в дверь стук.

А надо сказать, если я работаю, то отрываюсь с большой неохотой. И я заорал:

— Кого там черти несут?

А мне в ответ прошуршало:

— Да это же я, ведьма, старинная ваша знакомица. Не стоять же мне век на лестнице, очень холодно на улице.

Ведьма? Ну и ну! Я бросился со всех ног, стукнулся о порог.

— Прошу вас, сударыня, проходите! Не стесняйтесь, садитесь!

— Благодарю покорно, не трудитесь. Я на секундочку. Выразить вам великую благодарность.

— О чем вы?

— О сказках, где вы обо мне рассказываете.

Скажу прямо, я призадумался: небось издевается?

— Неужто, — говорю, — обиделись? Вам в моих сказках оторвали голову, превратили в жабу, называли то госпожа Гадость, то мадемуазель Мерзость, мисс Уродина! Вы, сударыня, видно, шутите?

— Ничуть. Я комплименты люблю просто жуть. Вот и хочется сделать вам к Новому году подарочек. Скажите, чем вас порадовать?

Есть о чем поразмыслить. О чем только не мечталось! Ведь я мог попросить, что угодно. Какое все-таки мученье выбирать...

— Придется, видимо, помочь, — заявила ведьма. — Хотите стать королем?

— Королем? Убежден, я-то на свет рожден вовсе не для короны!

— Ну, тогда диктатором. Хотите?

— Да вы на них посмотрите! Кошмар!

— Или, например, премьер-министром?

— Быть министром наскучит быстро. Это довольно-таки грустно. А временами накладно.

— Значит, хотите стать депутатом? Ладно.

— А чем они занимаются?

— Не знаю. Но, может быть, вам понравится. Говорите прямо: да или нет?

— Нет.

— Нет так нет. Подберем что-нибудь другое. Так... Так... А невидимкой?

— И это возможно?

— Возможно, и вовсе не сложно. Особенно если хочется.

— Еще бы!

— Тогда пойдемте.

И мы отправились к ведьме в гости.

Жила она в новом доме. Квартира вполне приличная, но не совсем обычная. На последнем этаже, у самой крыши. Едва ли кто-нибудь жил выше. И уж никто — так, как она. Например, в ее гостиной светила луна. Или, скажем, непроходимый бор шумел там, где должен быть коридор. На месте кровати — хорошенькая могила. Солнце на кухне как раз заходило. Утварь кухонная и та особенная — трубки, реторты, колбы...

— Видите бутылку на полке? — спросила ведьма.

Я посмотрел и вижу пустую полку.

— Какую бутылку? — удивился я.

Ведьма рассмеялась.

— Ах, да, я забыла, бутылка-то наполнена водой-невидимкой!

— А вы ее видите?

— Конечно! Я умею видеть невидимое. Пойдите, сейчас я ее достану.

Она подошла к полке и взяла рукой пустоту.

— Подойдите сюда. Держите! Да смотрите, не уроните.

И вот я держу что-то тяжелое, округлое и холодное... пожалуй, больше всего похожее на бутылку вина.

— Одна капля, и вещь не видна. Глоток, и вы сами невидимы. Да, хорошо я вспомнила: место, куда вы ее поставите, непременно чем-то отметьте, иначе проищете до потери сознания.

— Что я вам должен за ваши старания?

— Это подарочек! До свидания!

На прощанье она помахала рукой. Глядь, я стою посреди мостовой. Подарок невиданный, хоть никому и не видимый. Теперь-то, конечно, стало видно, что иметь дело с ведьмами не безобидно. Но, по чести признаться, мне и в голову не пришло чего-либо опасаться. Я скорее пошел домой, необычайно довольный собой. И по дороге радостно размышлял о том, какие сюрпризы устрою друзьям. И главное, какие каверзы поджидают тех злыдней, которые меня ненавидят. Я буду тихонько подкрадываться к ним сзади, таскать у них очки и ручки, вздыхать и стонать, мешая людям сосредоточиться, как раз когда им кажется, что они в одиночестве. Стану изображать духов, чертей и призраков, пока у них истерики не вызову.

Опля! Что такое? Чуть не упал!

Посмотрел под ноги — все ясно: левым ботинком наступил на шнурок правого. Так не годится! Я нагнулся. Осторожненько поставил бутылку на край тротуара и старательно завязал шнурки, сперва на правом, потом, на всякий случай, и на левом ботинке. Аккуратность и осторожность прежде всего! Выпрямился — где же бутылка?

Так... Главное, не волноваться. Найдется — никуда не денется. Да вот же она! Нет... Может, чуть ближе? Тоже нет? Тогда подальше?.. Левее? Правее? Простыл и след. Ищу на ощупь, будто ослеп.

Дзины! Слышу звон разбитого стекла.

Мне ничего не видно, но случилось непоправимое, это вполне очевидно. Раскокал бутылку. Вода потекла по улице. Смотрю

улица становится уже. Еще бы, когда воды-невидимки — огромная лужа.

— Хорошенькое дельце!

Я испуганно оглянулся. Рядом стояла ведьма. Ну и натерпелся же я страху! Как она, думаю, мне сейчас всыплет! Останется мокрое место! Но, надо же, не рассердилась! Даже слегка улыбнулась.

— Я в тебе не сомневалась. Кроме гадостей или глупостей ничего и не жди от людей. Отойди-ка в сторонку да поживей!

Я посторонился. Она наклонилась и начала шарить в луже.

— Может быть, говорю, вы мне поможете? Не стало бы хуже! И натворил же я бед!

А она в ответ:

— Чужие беды не мое дело! Я хочу подобрать осколки, чтобы не поранились ребятишки.

Удивительно, ведьма — и такая заботливая.

Смотрю, пальцев у нее не стало, вот и руки исчезли, потом голова, а сгорбленное тело пока еще сидит, но мало-помалу и его не стало.

— Сударыня! — кричу. — Мне вас не видно!

— Еще бы, — отвечает голос ведьмы. — Это от воды-невидимки. А ты что здесь прохлаждаешься. Иди-ка лучше домой.

Домой так домой. А тем временем на мостовой потихоньку росла, делаясь все глубже, дыра, и чтобы разглядеть ее получше, зеваки подходили поближе. Их становилось все больше. Они задавали вопросы, собирались звонить в полицию, в пожарную часть обращаться. Тут я понял: пора смываться.

А что было дальше, вам всем известно. Мы же пережили это все вместе. Как не знаете? Быть не может! Ах, ну да, вы меня моложе! И ваш дед не припомнит тоже? Что же все верно, он долго жил, а еще больше пережил и поэтому все позабыл.

Хорошо, тогда слушайте. На другое утро я прочел в газете, что бульвар Люсьюкю, а он где-то здесь поблизости, испорчен огромной трещиной. Ходить по нему еще можно, но только не женщинам, потому как при ходьбе возникает головокружение от ощущения неестественного парения. Будто шагаешь по воздуху и любишься земными глубинами, разноцветными глинами, гранитами, сокровищами зарытыми, водопроводом, станциями метро и толпящимся там народом.

А вода-невидимка растекалась все шире, проникала все ниже, и все меньше кварталов оставалось в Париже. Его обитатели, словно слепцы, передвигались на ощупь, искали двери, держа ключи наготове. Прозрачность увеличилась во сто крат. Вот вдалеке показался ад. И в морской бинокль рассмотреть я не мог

даже чертят. Уж как вы, не знаю, а я их обожаю. И в театр, и в кино бегу со всех ног на всякую чертовщину.

Преисподня разверзалась, вода все глубже пробиралась. Не прошло и недели, как внизу показалось голубое дальнее небо с легкими облачками. Мы видели антиподов, иными словами, обитателей южного побережья Тихого океана. А один мой приятель похвалялся, что благодаря телескопу разглядел одного папуаса попу, а в ней дырочку. Папуас загорал в Австралии, а может, где и подальше...

Я-то думаю, он приврал. С такого-то расстояния! Да и кто и когда видел дырку, будь она хоть в попе, хоть на трусах после стирки. Дыра — это же отсутствие. А того, чего нет — не увидишь. Так что если услышишь, что говорят: я видал дыру, имей в виду: говорят о том, что ее окружает...

Стала невидимой и вода в Сене, мосты повисли над пустотой, как видения. Париж исчез, но остался Монмартр, на Сакре-Кер в парении, как мечта, как привидение. Чудесное, право слово, зрелище!

Но вот и в горизонт грунтовых вод (а именно так называют ученые воды, которые текут под землей) проникла невидимость, люди, пьющие эту воду, перестали друг друга видеть. Можно было различить лица пьяниц, наконец и они исчезли, ведь лоза виноградная водой насыщается, вода ей очень полезна.

В общем, спустя полгода совсем не осталось народа. Кругом ничего не видно. А главное, что обидно: ни тебе Эйфелевой башни, ни даже Монблана, потому что дожди, снегопады, туманы — та же вода, но она сперва испарилась, потом охладилась, сгустилась, вниз пролилась — и все растворилось, даже грязь.

Что ни день на небе ни облачка, светит яркое солнышко. И ночи стоят прекрасные, звезды сияют частые и среди них — месяц. А люди сидят на месте. С места боятся стронуться, им страшно: вдруг потеряются. Работать никто не работает. Никто никуда не ездит. Есть уже стало нечего. Конец пришел человечеству.

И я, конечно же, страдал — себя виноватым считал. Одно утешало: моя вина только мне да ведьме была видна. Между нами говоря, думаю, что все совести угрызения — чаще всего наши опасения дурного соседского мнения.

По счастью, ведьма над нами сжалась. И в одно декабрьское утро, но не в то, когда я начал вам рассказывать сказку, а в другое, сидел я невидимкой на невидимом стуле, печатал на машинке невидимую сказку и услышал вдруг дребезжащий голосок.

— Сочиняете, господин писатель?

От неожиданности я вздрогнул.

— Неужели вы, госпожа ведьма?

— Кому же еще быть! Ведьма-то я ведьма, но выходит, ангельской доброты! Ведь от вас, от людей, одни хлопоты! Не хочешь, а вмешиваешься в ваши дела. Да и как не вмешаться, иначе все вы, того и гляди, вымрете! Ну-ка, протяни руку!

Я протянул руку в сторону, откуда слышался голос, и коснулся чего-то гладкого, прохладного и длинноватого.

— Что это? Опять бутылка?

— Да, но с водой-видимкой. Выпей, хватит и одного глотка.

В самом деле, глотка хватило. Глотнул и вижу: я у себя в кабинете, в гостях у меня ведьма, а за окном — крыши, крыши спящего мирным сном Парижа.

— Благодарю вас, душечка-ведьма! А не оставите ли вы мне эту бутылку? Я бы угощал своих друзей...

Старая дама погрозила мне пальцем — не дам.

— Доверить тебе бутылку? Чтобы и ее разбил? Даже речи быть не может! Я сама дам испить, кому нужно. Отдавай бутылку и будь здоров!

Ведьма исчезла.

Не скажу, что я не обиделся. Но и старую ведьму можно понять. Ну, могу я обойти всю, всю землю? А ведьма обошла. Как? Не приложу ума! Где погостила — всех напоила — мужчин, женщин, детей, котов, коров, собак, лошадей, маленьких птичек и диких тигров, пауков, паучих, белых медведей, всех крошечных насекомых, знакомых и незнакомых... Не прошло и недели, как мы все друг на друга удивленно глядели.

И вот с тех пор-то, друзья мои, мы с вами и видим невидимое. Да, да, я не оговорился — невидимое. Не только самих себя, весь белый свет, но и вещи, которых вроде бы нет...

Например, мой приятель, вы его знаете, тот самый, который хвастался, что углядел благодаря телескопу... ну да, вот именно, — так вот он меня уверяет, что как только очки надевает, видит на небесах ангелочков, Господа Иисуса Христа, Деву Марию и самого Вседержателя, говорит, сидят они и благостно улыбаются.

Вот я и думаю, правду это или он, как всегда, привирает? Со мной ничего подобного не бывает. Сколько я ни приглядывался, ничего эдакого не вижу.

Может, доктора попросить, чтоб очки прописал?

ПУТЕШЕСТВИЕ СЕН-ДЕОДА

Эта сказка о маленьком французском городке, почти деревушке. Стоял-стоял городок среди поля и решил стать портом на море. Вы увидите, он им стал. А все получилось потому, что один маленький мальчик...

Что смотрите так недоверчиво? Вы и представить себе не можете, чтобы целый город вдруг поднялся с насиженного места и перебрался из долины Луары на Атлантическое побережье? А ведь так оно и было.

Но я думаю, вы мне поверите и не станете ни в чем сомневаться, если я скажу: сказка эта обо мне. Я и есть тот самый городок и зовут меня Сен-Деода. Во времена, о которых я рассказываю (а было это незадолго до второй мировой войны), я с моими жителями, числом чуть меньше двух тысяч, стоял себе на левом берегу Луары по соседству с городами Блуа и Божонси, неподалеку от округа Солонь, рядом с замком Шамбор.

Наверное, вы не знаете, а я — крепость, и очень древняя. Я с римлянами был знаком, и с императором Юлием Цезарем. Как сейчас помню: идут по дороге римские легионы, правда, дорога с годами заросла травой и стала теперь тропкою. За тысячелетия часть ее превратилась в одну мою улочку. Помню я и

его величество короля Франциска Первого, он как-то ночевал в домике красотки-оружейницы. А Екатерина Медичи, объезжая наши окрестности, не обошла и меня вниманием, описав Сен-Деода в Знаменитых письмах к мадам де Севинье и плывя тогда по Луаре (то ли вверх, то ли вниз, не могу теперь вспомнить).

По Луаре тогда туда и сюда ходили суда, добираясь к самому Орлеану. Но однажды Людовик Четырнадцатый, величайший из королей, велел построить множество кораблей. Чтобы создать флот, на Центральном массиве * деревья рубили, весь лес свалили, все вокруг оголили. Почва без лесов истощилась, дождями размылась, русло Луары песком забилося. И суда — ни туда, ни сюда. Восемнадцатый век — экологов и в помине нет, некому сказать королю, что он делает глупость. Впрочем, мне почему-то кажется, что, найдись у короля такие советчики, не избежать бы им заточения, потому что никакие соображения не могут идти в сравнение с заботой о величии Франции!

Напоминая о временах, когда приплывали ко мне корабли из Нанта, из Сен-Назера и мало ли еще откуда, у меня на набережной сохранились плиты с большими железными кольцами. Плиты лежат как лежали, а железные кольца заржавели: раз нет кораблей у причала — и в кольцах нужда отпала.

А вниз по течению, неподалеку от меня, высится замок. Зовется он Кракуняс, и владеют им граф с графиней с той же фамилией. Он поменьше, чем Шенонсо, Амбуаз и даже Кур-Шеверин **, обветшал изрядно, сильно запущен, и все-таки замок он настоящий. У него есть даже стена с башнями. Кстати сказать, и я окружен стенами, пусть невысокими, но все равно крепостными. А если смотреть с Луары, то мои башенки напоминают вам о том времени, когда и я оборонял свои владения.

Ну, а теперь послушайте, что со мной приключилось.

16 июля 1935 года молодой граф де Кракуняс приехал на лето к маме, старой графине, не покидавшей родового имения. Но приехал он не один, с ним был упитанный господин, а с господином жена и сын. Парижанина звали месье Бородач, и у него была пышная борода. Мадам Бородач вместо бородки обходилась бородавкой на подбородке. Полю Бородачу шел десятый год, и ему пока было не до бород. Графиня приняла их любезно, разместив гостей в своем замке.

Граф настоятельно приглашал их к себе на все лето. Еще бы! Он надеялся занять у них денег, привести в порядок родовое

* Такое географическое название носит центральная часть Франции.

** Зámки Луары (прим. перев.).

именно, и превратить замок в гостиницу. Граф прикинул, что, сдавая на лето комнаты, неплохо подзаработает: хватит и долги отдать, и разбогатеть.

Мадам Бородач встретила приглашение благосклонно. Ей было лестно оказать услугу благородному семейству в его затруднительном положении. Граф подкупил ее своим обращением. Он был молод, весел, гладко выбрит, хорошо воспитан, одет с иголочки, в лаковых ботиночках, руки всегда с маникюром, надушенный, аккуратный, подтянутый, стройный.

Господин Бородач колебался. Он был вовсе не в восторге от графа де Кракунся. Ехать ему ко мне не хотелось. Он рвался к морю.

Ну а Поль? Для Поля — это было большое горе. Он тоже хотел на море и с печалью вспоминал о пляжном песке, о купанье, о соленой воде, о ракушках, скалах, прогулках на корабле, кроватках, крабах, рыбах, медузах — обо всем, что связано с морем. И граф Кракунся не нравился Полю. Если говорить правду, он сразу возненавидел де Кракунся, считая, что напрасно его родители с графом так обходительны.

Что поделаешь, если слово мадам Бородач было решающим. А она считала, что отдых на море дорог, общество там скверное, морской бриз вреден для нервов, а семейство Бородач было необыкновенное нервное.

Полю и его папе пришлось довольствоваться водами Луары. Они купались, загорали на речном песке на островке, от меня недалеко. Летом река мелела, и до островка добирались вброд.

В конце сентября, когда море уже всю штормит, Бородачи вместе с графом пожаловали на Большую улицу в контору нотариуса и получили вексель на солидную сумму денег, которую выдали графу. Какую? Толком не знаю... Молодой граф с Бородачами уехал в Париж. А графиня куда-то уехала, она осталась коротать зиму в замке.

На другое лето, в июле 1936 года граф опять приехал с Бородачами. Но Бородачи поселились не в замке — в замке хозяйничали строители — а в гостинице, сад которой спускается прямо к набережной. Снова навестили нотариуса, но уже без графа де Кракунся, и купили себе дом. Маленький Поль расстроился окончательно. Он до последней минуты надеялся, что родители с Кракунсом рассорятся, во мне и в замке разочаруются и опять станут отдыхать на море. Пусть не в этом году, пусть в следующем. Но если уж покупают дом, то в нем и живут...

Самое забавное, что на следующее лето, в 1937 году, Бородач и в самом деле поссорился с графом. Граф де Кракунся не

пожелал перестраивать замок, а взятые в долг деньги прокутил в Париже. Но как и где, я не знаю.

Больше всех огорчилась мадам Бородач. Что же касается долга, то его отложили надолго. Потом отсрочку продлили: в результате о нем забыли. Бородачи своих денег так больше и не получили.

Поль огорчался очень, но вовсе не из-за денег. Дом-то уже был куплен. Родители его обживали, обновляли и обставляли. Обошелся он дорого, и хотелось проводить в нем не две-три недели, а все лето. И Поль понял, что моря ему уже не видать.

Именно тогда ему приснился удивительный сон.

Я его смотрел вместе с ним. Я люблю сновидения. Сны моих обитателей — моя душа. А сон Поля был просто прекрасен.

Впервые он нам приснился августовской ночью 1937 года. День накануне был очень жарким. Накаленные солнцем улицы хранили тепло даже после полуночи. Крестьяне, в потемках возвращавшиеся в город из дышащих ночной свежестью виноградников, оказывались словно бы в горячей печи. Поль спал, раз-метавшись по кровати, одеяло сползло на пол. В распахнутое окно светила луна. Во сне Полю слышались какой-то шелест, шуршание, шепот: то ли стрекотали кузнечики, то ли шумела кровь в ушах. А может, то звенели в глубокой тишине уснувшие реки и луга, чей голос доносится до нас далеким невнятным гулом. Полю снится: вот он встает, по ступенькам выходит в сад, минуя его спускается вниз, но не к набережной Луары, а к берегу моря. Перед Полем белеет полоска песка, на которую шурша накатываются вечные странники — волны, огромные бархатные, таинственные. А рядом, среди прибрежных скал, прячется крошечный рыбацкий городок — это я, Сен-Деода, каким Поль увидел меня во сне.

Знаете ли, этот сон и меня разбудил — не так-то часто я и мои горожане видим по ночам сны, тем более такие прекрасные. Сон напомнил мне, что я тоже был маленьким портовым городком и что это было славное время. И так мне захотелось очутиться вместе с Полем на морском берегу, что я подумал: а не попробовать ли вернуть обратно прошлое? Меня радовала эта фантазия, хотя, разумеется, прельщало не столько само возвращение в прошлое, сколько воспоминания о нем. Мы жили грезами. Воображение медленно, но верно овладевало нами. Мы еще не ведали, что мечты — это сила, способная с неторопливым постоянством творить чудеса, побеждая разум.

Каждую ночь Поль во сне отправлялся на сказочном корабле к дальнему острову или плескался у берега в теплых волнах. Мальчик был счастлив, и я с ним вместе.

Осенью, когда Бородачи уехали в Париж, меня посетила идея: а не начать ли и в самом деле путешествие в прошлое? И представьте, к собственному моему удивлению, я его начал без всякого затруднения. Миг — и одна из плит с железным кольцом уже мирно лежит на берегу морском в уютной маленькой бухточке, где и мелкий белоснежный песок, и ласковый плеск — все-все как было в том сне.

А мои обитатели ничего и не заметили. Только один старичок, гуляя со своей старушкой по набережной, невнятно прошамкал:

— Послушай, разве не здесь лежала вчера плита? Та, в которой кольцо. Куда она подевалась?

Старушка пожала плечами:

— Скажешь тоже! Кабы лежала, тут бы и оставалась, кому она нужна!

— Твоя правда, — прошамкал старичок равнодушно.

Окрыленный удачей, я в сумерках перенес в бухту большой фонарь, выхвативший из тьмы морские брызги. Затем доставил на новое место древние стены, потом домики: один ветхий, полуразрушенный, другой целый, но пустой, и еще лачужку, где мыкались бедняки, почти нищие муж с женой.

Тут горожане встрепнулись. Господин Далор, мой мэр, пустился на поиски городского имущества. Поначалу он решил, что на плиты позарились грабители. Но плиты и прочие предметы нашлись в трехстах километрах, на побережье. Ценой немалых усилий фонарь возвратили домой. Ведь он у нас единственный и когда-то обошелся моим жителям в изрядную сумму.

Аббат Седер, мой кюре, в связи со всеми событиями утверждал, что в наказание за грех неверия, нечистая сила нас посетила по Божьему велению. Клевета! Никогда я с нечистой силой не знался! А что до греха неверия, должен признаться: мои горожане и окрестные крестьяне ходят в церковь только крестить детей, венчаться да отпевать умерших. Воскресенье мужчины проводят дома или в соседнем кабачке, позволяя женам и дочкам, если те хотят, сходить на богослужение. В наших местах полагают, что детей пленать, стряпать, стирать, как и душу спасать — это женское дело.

Весь 1938 год, начиная с января, я воевал, и не зря (из сложных положений с честью выходя), то с кюре, то с мэром, то с обоими вместе. Наша борьба началась из-за фонаря. Вернув его обратно на берег, я затем стал переносить туда и домá. Хотелось узнать, как обитатели отнесутся к своему новому местожительству. Две-три семьи сбежали обратно. Для них, как оказалось, огород и сад были дороже дома. Зато другие предпоч-

ли берег моря, где принялись ловить рыбу и неспеша копать новые огороды.

С этих пор мои жители разбились на два лагеря: одни, поняв мое желание, согласились следовать за мной к морю, другие по-прежнему боялись сатанинского искушения и трогаться с места не желали. Они запирали окна, двери и, перекрестясь истово, клялись выстоять против нечистого. Кюре и мэр были того же мнения, выступая против дьявольского наваждения.

И вот в феврале, в ночь с субботы на воскресенье, я решил положить конец раздорам. Взял и унес... собор к морю. Поутру кюре Седер пришел служить мессу и увидел вместо собора пустое место. Бедняга, осенив себя крестным знамением, стал стучаться во все двери, выпрашивая у горожан деньги на новый храм. К несчастью, прижимистые прихожане скупились на пожертвования. Оно и понятно, про себя каждый думал: кто знает, куда ветер подует — не отправимся ли мы вскоре к своему старому храму на берег моря вместе с домом, коровой и всем скарбом. На что нам тогда новый храм?

И кюре Седер сдался. Если Божий дом, говорил он, чудом снялся с насиженного места и улетел, значит, Бог того захотел. Услыхав смиренные слова кюре, мой мэр, господин Далор, покраснел от гнева:

— Святой отец, а как тогда чума и холера, они ведь тоже посылаются нам по воле Божьей! Так что же по-вашему их и лечить не нужно!

И все же старый кюре со всем смирился, судьбе своей покорился, и чтобы ему помочь, я на следующую же ночь и его самого перенес к собору, вместе со всем его хозяйством, эконожкой и толстым мопсом.

Переселялся я понемногу, дом за домом, начиная с тех, кто победнее: им-то терять нечего. Тем временем богачи обсуждали свою будущую судьбу и их я пока не трогал.

17 июля 1938 года Бородачи, как обычно, приехали ко мне на лето и разместились в своем доме, которого никто и пальцем не тронул. Соседи принялись им рассказывать, как натерпелись за зиму. А я постарался выяснить, понравились ли Бородачам услышанные новости.

Мадам Бородач встревожилась. Перемены ее испугали. Говорю не о пейзажах. Дом ей был куда дороже. После ссоры с де Кракунясом было не так уж и важно, где проводить лето, было другое страшно: вдруг дом пострадает от переезда! Она не знала, с кем имеет дело. А дело-то имела со мной...

Месье Бородач хранил спокойствие — его ничуть не раздра-

жали река и поле, хотя в глубине души он предпочитал море. Зато он не выносил слез, упреков и семейных сцен. Человек покладистый, благодушный, он и мужем был тихим, послушным.

А Поль сразу понял, что я с ним заодно.

30 июля часа в три ночи я простился со старушкой Луарой и окончательно перебрался к морю, прихватив пожарных и их каланчу, почту, ратушу, нотариуса, врача, аптеку, библиотеку, то есть все свои ведомства вместе с начальством. Замок де Крауняс я оставил на месте, он мне совершенно не интересен. Я так и не знаю, что с ним случилось и осталось ли от него вообще хоть что-нибудь...

А вот домик Бородачей я перетащил, и очень бережно, совсем как в сказке — без шума и без тряски. Черепица не хрустнула, половица не скрипнула, так что все в целости и сохранности — прямо загляденье. А место для него выбрал! Самое красивое — на холмах, неподалеку от порта, возле пляжа, так что Поль, гуляя по саду, в самом деле, оказывался у моря, точь-в-точь как ему когда-то снилось.

Осталось лишь переселить богатеев. Я опасался, что они заупрямятся. И напрасно! Конечно, своей земли им было жаль — мужчины мрачно сопели, женщины ревья-ревели. Но похоже, горевали они ради приличия. В сундуках у них пачками лежали акции, всякие ценные бумаги — облигации, ассигнации, а кроме денег их, на деле, ничего не тревожило. Богатеи продали свои владенья на берегах Луары соседям, приобрели другие на новом месте и стали себе богатеть дальше. Уверяю вас — они и теперь знают делают деньги, и это занятие им ничуть не надоело.

Кончились наши споры и с мэром, господином Далором. Человек практичный, реалистичный и вдобавок службист отличный, мэр не захотел остаться в стороне от городских дел, и так активно стал заботиться о моем процветании на новом месте, что и думать забыл о прошлом.

Его уже с нами нет — скончался на склоне лет. С тех пор мы пережили войну, которую называют «странной», оккупацию — гнет иностранный; была у нас Четвертая республика, теперь вот Пятая... Вечным сном спят родители Поля. А наш с ним сон стал явью.

Я по-прежнему порт, и надеюсь, всегда им буду. Поль составил, вышел на пенсию, оставил Париж и переселился ко мне в свой дом у моря. Мы оба не нарадуемся волнам, прибегавшим издалека к нашему порогу, ракушкам, камешкам на песке и, конечно, друг другом...

СЕСТРИЧКА-НЕВЕЛИЧКА

1. КЛОД, НЕ ТАКОЙ КАК БРАТЬЯ

Жил-был когда-то во Франции король, которого звали... Впрочем, стоп. Поскольку это единственный король в этой истории, совсем не обязательно придумывать ему имя. Пусть будет просто «король».

У короля была жена-королева, которую звали... Впрочем, королева так быстро исчезнет с этих страниц, что мне совсем не хочется придумывать ей имя. Давайте будем называть ее просто «королева».

У короля и королевы было три сына. Вот с ними-то нам предстоит встречаться довольно часто, и хорошо было бы поскорее придумать им имена. Итак, старшему из братьев — принцу Дезире *, было десять с половиной лет. Среднему, принцу Фортюне **, только-только исполнилось девять, а младшему, Констану ***, — всего семь. Это были храбрые, упрямые и задиристые сорванцы, но в общем-то — милые, ласковые и послушные

* Дезире — по-французски означает «Желанный».

** Фортюне — «Счастливчик».

*** Констан — «Постоянный» /прим. перев./.

ребята. Правда, был у них один недостаток — все трое признавали только мальчишек, а всех девчонок презирали.

Однажды вечером королева позвала сыновей:

— Дети мои, — сказала она, — я должна сообщить вам, что через несколько дней у вас появится маленький братишка...

— Ура! — закричали мальчики.

— ...А быть может, и маленькая сестричка.

— Нет-нет-нет, никакой сестрички! Мы хотим только маленького братика.

— Милые дети, — сказала мама-королева, — на все воля Божья. И кого бы не послал нам Господь — мальчика ли, девочку ли — будем любить нашу малышку.

Но братья ни за что не хотели с этим согласиться и, переглянувшись, запели:

Мы мамá, ждем долго слишком —
Поскорей рожай синушку!
Будет вместо сына дочь
Мы уйдем из дома прочь!

— Хватит молоть чепуху! — шутливо проворчала королева. — Ложитесь-ка лучше спать.

Оставшись одна, королева призадумалась. Нет, тогда, она, конечно, и вида не подала, но, хорошо зная своих сыновей, не могла остаться равнодушной к их словам и все шептала:

— Только бы это был мальчик!

Увы! Несколько дней спустя, на свет появилась очаровательная, крепенькая и здоровенькая девочка!

Как быть? Королева думала-думала и придумала: пока мои дети не вырастут, не поумнеют, скажу-ка я всем, что родился мальчик и назову малыша Клод, ведь это имя у нас во Франции дают как мальчикам, так и девочкам.

Сказано — сделано. А король, доктор, акушерка, дворцовый священник, министры — все обещали хранить тайну. При крещении малютка получила имя Клод. И народ поверил, что родился принц, и мальчики во дворце были убеждены, что у них теперь есть младший братик, с нетерпением ожидая, когда тот вырастет и будет участвовать в их играх.

Так продолжалось до той поры, пока принц Констан — надо сказать не очень-то воспитанный — не ворвался однажды в ванную комнату как раз в ту минуту, когда королева купала принцессу Клод.

— Как ты смеешь врваться без стука! Принцу не подобает так вести себя. Потрудишься закрыть за собой дверь.

Констан извинился, выскользнул из ванной, но было поздно: он успел хорошенько разглядеть свою голенькую сестричку-

невеличку, которая вовсю улыбалась принцу, и тут же побежал к братьям:

— Ничего-то вы не знаете! — начал он. — Я видел, как мама купает Клод. Так вот... Он не такой как мы. У него нет... пипки!..

— Как так? — воскликнул Фортюне. — А что же у него есть?

— Ни-че-го!

Услышав такое, дети долго молчали, пока Фортюне, будучи весьма искушенным для своего возраста мальчиком, авторитетно не заявил:

Если вместо петушка
У малышки курочка,
То малышка — не мальчишка:
Клод — сестренка, не братишка!

— Что же делать, как нам быть? — заволновались младшие братья. — Надо срочно уходить!

И в тот же вечер, когда королева, по обыкновению, вошла в детскую пожелать мальчикам доброй ночи и потушить свет, там было пусто, а на постели старшего сына белела записка:

Знаем, вместо петушка,
У малышки курочка,
Значит, он не сын, а дочь...
Мы бежим из дома прочь!

Прочитав эти слова, королева заплакала, позвала на помощь, и все бросился на поиски принцев. Повсюду рыскали сыщики, трубили тревогу трубачи, обыскивали прохожих жандармы, прочесывали окрестности пожарники... Без толку — принцы как сквозь землю провалились.

Как быть? От горя бедная королева заболела, а через несколько недель... исчезла и она. Искали, искали — тщетно! Видите, я был прав, когда не счел нужным даже назвать ее по имени!

Так король с маленькой принцессой Клод остались совсем одни. Король был очень несчастен, к тому же, лишившись сыновей, он остался и без наследников. Вероятно, не всем известно, что во Франции королевский трон наследуется старшим сыном, и только им. Дочь короля не может стать французской королевой, а если может, то лишь в какой-нибудь другой стране, при условии, что выйдет замуж за короля той самой страны. Только так и никак иначе. Представляете теперь, что произойдет, если наш король, лишившись сыновей, вдруг умрет? На трон станут претендовать многочисленные братья и кузены —

начнется война, и опять, в который уже раз, французы примутся убивать друг друга!

Вот почему король, которому, вообще-то, хотя и не за что было ненавидеть свою дочь, старался даже не замечать ее. Один ее вид наводил его на горькие мысли.

Но король Франции был справедливым человеком и прекрасно понимал, что девочка нисколько не виновата в том, что ее братья сбежали... Хотя и сбежали-то они все-таки из-за нее...

Король, поручивший принцессу заботам слуг, встречался с ней крайне редко, а когда это случалось, разговаривал с дочерью подчеркнуто сухо.

После семи лет одиночества и бесплодных поисков пропавших сыновей, король в конце концов решил вторично жениться, надеясь, что новая королева подарит ему наследника. Его выбор пал на некую Симону, у которой была уже маленькая дочь, ровесница Клод, по имени Кошонна *. Итак, после свадьбы Симона стала королевой Симоной, а Кошонна — принцессой Кошонной.

Само собой разумеется, королева Симона ненавидела принцессу Клод и относилась к ней чрезвычайно ревниво. А поскольку она была необыкновенно хитра, то тщательно скрывала свои чувства, зная, что король — справедлив и не позволит, чтобы к его дочери относились плохо. В своих мечтах королева Симона представляла, как было бы прекрасно для нее, если бы вдруг Клод разбилась насмерть, споткнувшись на лестнице, выпав из окна или свалившись в колодезь! А еще лучше, предвкушала она, если бы Клод во время прогулки вдруг повстречалась с людоедкой, колдуньей или, на худой конец, со злым волком — сразу бы все прекрасно решилось.

Что касается принцессы Кошонны, то та и не старалась скрыть свои чувства к сестре и не притворялась пай-девочкой: она била принцессу Клод, ломала ее игрушки, рвала книги, портила одежду... Словом, всячески отравляла ей жизнь!

Да, к сожалению, моя история начинается очень грустно. Но наберитесь терпения! Ведь это только начало!

2... НО ОНА С ХАРАКТЕРОМ!

Когда обеим девочкам исполнилось девять лет (каждой по девять, разумеется), король решил, что для такого возраста одних учителей, которые дают уроки прямо в замке, мало, и что принцессы вместе с простыми детьми должны

* Кошонна — по-французски означает «Свинка» /прим. перев./.

ходить в школу. Пусть, мечтал он, по-настоящему узнают свой народ.

И вот Клод и Кошонна, как все дети на свете, пошли в школу. Кошонна училась плохо, а Клод — хорошо. Клод была первой ученицей в классе, а Кошонна — последней. Но вместо того, чтобы взяться за учебу, она постоянно жаловалась матери на свою сестрицу.

— Мамá, Клод учится лучше, и это сводит меня с ума! Ведь это из-за нее я так плохо учусь!

— В чем же ее вина?

— В том, что всегда и во всем впереди меня. Она — первая, я — тридцатая. Вот если бы она была тридцатая, а я — двадцать девятая...

— Правда, несправедливо, — согласилась королева Симона. — Что ж, раз так, давай ее проучим, можно доверить тебе секрет?

— А почему бы и нет.

— Научи-ка своих одноклассников нехитрому двустишию. И чтобы Клод об этом не догадалась. Запоминай:

Из-за Клод, из-за сестрицы,
С домом нам пришлось проститься!
Из-за Клод, из-за сестрицы,
С домом нам пришлось проститься!..

— Как это понять? — удивилась Кошонна.

— Волшебная песенка! — ответила королева Симона. — Клод ее услышит и сразу почувствует себя такой несчастной...

— Здорово! — обрадовалась злюка Кошонна.

На следующей же неделе все дети в школе приговаривали:

Из-за Клод, из-за сестрицы,
С домом нам пришлось проститься!
Из-за Клод, из-за сестрицы,
С домом нам пришлось проститься!..

Клод услышала — ничего не поняла.

— Что вы такое несете?! — допытывалась она у ребят. — Ведь неправда это!

— Правда, нет ли — что хотим — то говорим! — отвечали дети.

Вот и пойми. Клод-то всегда считала, что она единственная у родителей, понятия не имея о братьях. Зато твердо знала, что никому не причинила зла. А уж кого-то прогнать из дома!..

Девочка бросилась к королю:

— Папá, скажи, почему дети говорят про меня «сестрица»?

— Тебе послышалось, пробурчал отец. — Вероятно, они говорили «косица» — про твою косичку.

— Нет-нет, я хорошо разобрала — «сестрица». И почему они твердят о каких-то братьях, что из-за меня расстались со своим домом?

Король побледнел, помрачнел и на этот раз резко, голосом, не допускающим возражений, ответил:

— Все это глупости!

Ясное дело, принцессу не очень устроил такой ответ, но, поняв, что большего от отца не добиться, бросилась к королеве Симоне:

— Матушка, почему в школе меня называют «сестрица»?

— Да что ты говоришь! — притворно удивилась королева.

— Правда-правда. И все повторяют, что из-за меня братья покинули родной дом. Но ведь у меня нет братьев и я никому не делала зла.

Королева вздохнула, притворившись, будто глубоко взволнована, и очень серьезно сказала:

— Подойди ко мне, дитя мое. Я не хотела тебя огорчать, но вижу, наступил день, когда ты должна узнать всю правду. Так вот, знай: у короля, твоего отца, было три сына. Но когда родилась ты и братья узнали, что у них сестричка, все трое покинули дворец и с тех пор их больше никто никогда не видел...

— Но почему же они сбежали? Я бы их так любила?!

— Может быть. Но они ни за что не захотели, чтобы у них была сестра. С той поры и отец твой все грустит: он лишился сыновей, а королевство — принца-наследника... И все это — да, да — произошло по твоей вине!

После таких слов любая другая девочка стала бы плакать, оправдываться, защищаться... Но принцесса Клод была с характером. Нахмутив брови, закусив губу, отчего взгляд ее стал очень строгим, она сказала:

— Ну что ж! Если так, то когда вырасту, я отправлюсь на поиски моих братьев и верну их домой.

Королева Симона была очень довольна разговором с Клод. Как только та ушла, она кликнула свою дочь.

— Кошонна, дорогая, хочешь, чтобы Клод ушла от нас и никогда больше не возвращалась?

— Хочу ли! Еще бы!

— Тогда спой ей новую песенку, которой я тебя сейчас научу.

Она заставила дочь повторять коротенькую песенку до тех

пор, пока та ее не выучила. К сожалению, я не услышал эту песенку: очень уж тихо они говорили.

Вообще-то, у Кошонны была на редкость плохая память, но если надо было насолить кому-то, девочка становилась очень способной, и эту песенку она запомнила быстро.

На следующее утро, когда принцессы пошли вдвоем в школу, Кошонна принялась напевать под нос — как будто для себя:

Есть в глухом лесу избушка,
Там хозяйкою — старушка.
Ночью, утром, ясным днем
Взгляд ее горит огнем.
Королевой волшебства
Нарекла ее молва.
Говорят еще, что будто
По ночам и ранним утром
Чародейка ждет гостей —
Взрослых, маленьких детей...
Стоит только постучаться —
Двери сами отворятся.
Кресло у старушки есть —
Сядет гость — хозяйке честь.
Для нее секретов нет:
Спросишь — вмиг готов ответ.

Вот тогда-то я и услышал эту песенку впервые.

В то время недалеко от Парижа в сосновом бору жила старая колдунья, известная скверной привычкой пожирать детей, которых ей удавалось заманить к себе. Для того, чтобы как следует всех запутать и обмануть, колдунья нарисовала себе на веках два больших черных зрачка, которые, казалось, смотрели на вас в упор. Поэтому, когда она спала, все думали, что она бодрствует. Ее же собственные глазки были так малы и так глубоко посажены, что разглядеть их было почти невозможно, и поэтому, когда все думали, что она спит, колдунья все видела и все примечала.

Это ужасное создание обитало в маленьком домике и проводило время, сидя в старом кресле, которое она обожала, свирепея при мысли, что кто-то может его занять. Колдунья терпеть не могла, когда стучались в ее дверь и приходилось вставать с кресла. Открыв дверь, она пожирала своих посетителей одного за другим. К тому же, колдунья ненавидела, когда ей задавали вопросы. Теперь вы понимаете, что песенка Кошонны была настоящей ловушкой для Клод!

— Что ты такое поешь? — спросила принцесса Клод.

— О чем хочу, о том пою! — ответила Кошонна.

— Обо мне эта песня, видать?

— Догадалась, не стану скрывать!

Принцесса Клод глубоко задумалась. Но так как она прекрасно знала географию, ей было известно о существовании соснового бора, по слухам, чрезвычайно опасного — в нем жила колдунья... Но девочка была готова на все, лишь бы разыскать братьев!

В следующее воскресенье, когда не нужно было в школу, ранним утром, не сказав никому ни слова, Клод отправилась в лес, разумеется, пешком, поскольку в ту пору еще не придумали автобусов.

3. СЕСТРИЧКА-НЕВЕЛИЧКА — У КОЛДУНЬИ...

В десять часов девочка очутилась в сосновом бору. Через час заблудилась и уже не могла понять, где находится. Без пятнадцати минут двенадцать заметила полянку и еще через пять минут очутилась перед домиком колдуньи. В самый последний момент, перед тем, как постучать в дверь, она вдруг испугалась и заглянула в замочную скважину... Как вы думаете, что она там увидела?

Колдунья сидела в большом кресле прямо против двери и, казалось, в упор смотрела на нее громадными выпученными глазами.

На самом деле колдунья спала крепким сном. Как я вам уже говорил, большие круглые глаза были нарисованы у нее на веках... Но ведь Клод ничего об этом не знала! Ну что ж, деваться некуда, подумала принцесса. И раз дама не спит, мне следует постучаться.

И она сильно постучала. Старуха вскочила с кресла:

— Что такое? Кто торопится ко мне на жаркое?

О-ля-ля! У Клод холодок пробежал по спине. Как только колдунья открыла дверь, принцесса прижалась к стене дома, скрывшись за дверью. Колдунья вышла на крыльцо, посмотрела направо, налево — никого...

А Клод тем временем пробралась в дом, уселась в старухино кресло. Что же увидела колдунья, когда вернулась? Перед ней сидела какая-то малышка, осмелившаяся занять ее место, и с невинным видом спрашивала:

— Милая госпожа! Я пришла у вас узнать, как мне братьев своих повидать?

Старая колдунья настолько изумилась, что забыла даже рас-

сердиться. До чего же странная девчонка! — подумала она. Из всех сил старается вывести меня из себя, а я до сих пор её терплю и почему-то считаю необыкновенно вежливой...

Вслух же она произнесла:

— Как тебя зовут?

— Принцесса Клод. А ещё меня называют Сестричка-Невеличка.

— Ты дочь короля Франции?

— Да, и я ишу своих братьев. Говорят, из-за меня они покинули родительский дом.

Тогда старуха со злобной улыбкой проворчала:

— Зачем куда-то ходить, я и здесь могу тебя проглотить! Клод очень удивилась.

— Простите, госпожа! Выслушайте меня не спеша! Я вовсе не думала вас огорчить, просто хотела спросить. Я сделала все так, как меня научили, и сказала вам то, что мне посоветовали!

— Отвечай, кто рассказал тебе обо мне? Кто подучил стучаться ко мне?

Сестричка-Невеличка, не долго думая, поведала колдунье всю свою историю: про песню, которую дети пели в школе, про то, что ей сказали и отец, и королева Симона, а в заключение пропела песенку принцессы Кошонны:

Есть в глухом лесу избушка,
Там хозяйкою — старушка.
Ночью, утром, ясным днем
Взгляд её горит огнем.
Королевой волшебства
Нарекла её молва.
Говорят ещё, что будто
По ночам и ранним утром
Чародейка ждёт гостей —
Взрослых, маленьких детей...
Стоит только постучаться —
Двери сами отворятся.
Кресло у старушки есть —
Сядет гость — хозяйке честь.
Для неё секретов нет:
Спросишь — вмиг готов ответ.

Услышав эту песенку, колдунья тут же все поняла, даже то, что и в голову не приходило бедняжке Клод: старуха ощутила всю злобность Кошонны, все коварство королевы Симоны и то, что эти две чертовки нарочно отправили маленькую принцессу в лес, чтобы она её съела... И колдунья пришла в бешенство:

— Зачем они лезут не в свое дело? Здесь только я имею право быть злой. Что же касается тебя...

Тут она немного подумала и сказала:

— Во-первых, прочь с моего кресла и больше никогда его не занимай. Во-вторых, возьми табурет и сядь напротив.

Когда они уселись, колдунья заговорила вновь:

— Раз уж ты здесь, то вместо того, чтобы тебя съесть, я отомщу за тебя. Сколько тебе лет?

— Десять.

— Маловато. Знаешь что, поработай-ка на меня годика два, да смотри, чтобы все тарелки были целы и ни один стакан не лопнул. Поняла?

— Да, мадам.

— Ровно через два года ты с моей помощью и братьев найдешь, и от меня уйдешь!

— Спасибо, мадам!

— Теперь я — спать. А тебе стряпать пора начинать! Приготовь обед, мое дитя. Да смотри, чтобы суп не сбежал у тебя!

Так Сестричка-Невеличка осталась жить у старой колдуньи. Почти два года она у нее хозяйничала: еду готовила, белье гладила, посуду мыла, порядок наводила, за домом следила, одежду стирала, полы подметала. И не разбила ни единой чашки, ни единой тарелки, не сломала ни одной деревянной ложки. Колдунья была порой грубовата, а на самом-то деле оказалась очень доброй, и девочка ее теперь ничуть не боялась. Когда старуха закрывала свои нарисованные веки, чтобы немного вздремнуть, Сестричка-Невеличка, думая, что старуха устала, на нее, старалась вести себя как можно лучше. А когда страшных глаз не было видно, ей, наоборот, казалось, что старуха спит... Но и тогда девочка оставалась такой же благоразумной, скромной, опрятной и приятной.

Вот глупышка, с нежностью думала колдунья. Будь я на ее месте и знай, что хозяйка спит, я бы забралась в буфет и съела бы все варенье, да мало ли что еще бы выкинула. А она ни до чего не дотрагивается! Удивительно! Надо ж, какая честность. Вот дуреха! Впрочем, девочка, пожалуй, права: сама я не прочь надуть другого, но мне не нравится, когда надувают меня. Пусть только вздувает, я ее тут же съем!

4. ...СЕСТРИЧКА-НЕВЕЛИЧКА РИСКУЕТ ЖИЗНЬЮ

Прошло два года — Сестричке-Невеличке исполнилось двенадцать лет, и однажды колдунья сказала ей:

— Настала пора отправляться тебе на поиски братьев. Но сначала приготовь поесть, да побольше!

— Слушаюсь, мадам! Мы ждем гостей?

— На этот раз всего одного. Но имей в виду, у него аппетит отличный. Так что приготовь ужин на десять персон. Запеки ягненка под соусом из придорожных камней.

— Нет ничего вкусней!

Сестричка-Невеличка набрала мелких камешков, зарезала ягненка, вынула из него внутренности, добавила пряностей, положила на противень вместе с камешками и поставила в печь. Когда ягненок как следует зажарился, старуха поднялась со своего кресла и вышла на улицу. Стоя на крыльце, она громко крикнула:

Ветер Южный, поскорей —

В гости к матери своей.

Я тебя, сынок, мой свет,

Приглашаю на обед!

В ту же минуту поднялся сильный южный ветер: такой сухой, такой обжигающий, что на деревьях полопались ветки, пожелтели и пожухли листья. Он ворвался в дом в своем длинном белом одеянии с зеленым тюрбаном на голове.

— Здравствуй, матушка! Ох и голоден же я! — затараторил ветер. — О, какое прелестное дитя! Значит, ею и пообедаем, не так ли?

— Нет, нет! Эта девчонка мне пока нужна!

— Жаль, уж как хороша, как хороша — на обед как раз бы подошла!

Как только Южный Ветер уселся за стол, принцесса Клод подавала ягненка под соусом из придорожных камешков. Гость жадно проглотил половину, потом остальное, но уже помедленней... А соус из камешков оказался таким сытным, что Южный Ветер не смог доесть его до конца.

— Ты все еще голоден, сын мой? — спросила колдунья.

— Что ты, обед же был сытный такой!

— Скажи, знаком тебе принц Дезире?

— Его не встречал я нигде!

— Может, видел ты Фортюне?

— Ни в одной не попался стране.

— Жаль.. А Констан? Не слышал о таком?

— Вот Констан, мне признаться, знаком.

— Расскажи-ка, скорей о нем! Где он живет сейчас?

— Ох, и далеко же от вас! Я оттуда прилетел как раз.

Он — в плену у женщины-змеи, которая превратила его в камень... А теперь мне пора улетать. Прошу по мне не скучать! — и Южный Ветер умчался...

— Завтра снова приготовь поесть, — сказала старуха Сестричке-Невеличке, — только побольше сегодняшнего.

— Слушаюсь, мадам. Гость и на этот раз будет один?

— Один-то один, но зато очень голодный господин! Так что наготовь на двадцать персон жаркого из свинины под асфальтовым соусом.

— Никогда такого не стряпала, но постараюсь!

— Я в этом не сомневаюсь! Смотри же, не подкачай! Да завари покрепче чай.

На следующий день Сестричка-Невеличка вышла на дорогу, огляделась, нет ли поблизости полицейских, расковыряла асфальт, набрала с дюжину булыжников и унесла их с собой. Потом заколола свинью, разделала ее, разрубила на куски и поставила жариться. Добавила всяких приправ, нарезала лимонов и выложила все это на блюдо вместе с булыжниками. Когда жаркое было готово, старуха вышла на крыльцо:

Ветер Северный, скорей —

В гости к матери своей.

Я тебя, сынок, мой свет,

Приглашаю на обед!

На этот раз налетел ледяной вихрь. Небо потемнело, повалил снег — и на пороге появился Северный Ветер — в длинной меховой шубе и в медвежьей шапке.

— Здравствуй, матушка, — говорит. — Есть очень хочется! А что это за пышечка у тебя в гостях — так на бутерброд и просится?!

— Погоди, погоди. Этот «бутерброд» мне самой нужен. Я оставила его себе на ужин.

— Да, еда совсем не дурна! Мне тоже по вкусу она! Я давненько не ел!

— И как раз к обеду поспел! Скорей за стол!

Только это Северный Ветер уселся, вода в графине и вино в кувшине мигом превратились в лед. Хорошо, что соусу из булыжников такая опасность не угрожала. Ел Северный Ветер жаркое, ел, но до конца не доел. Сидит отдувается.

— Ну как, сынок, со свининкой расправился?

— Расправился — отлично подзаправился!
— Тогда ответь — знаком тебе принц Дезире?
— О таком не слышал я нигде!
— А с Фортюне не встречался?
— С ним я утром расстался.
— Не скажешь ли, где он сейчас?
— Совсем недалеко от нас. На севере он, пленником Золотого Замка.

— Да, золото — это приманка!
— Ладно, мне пора улетать. Рад был тебя повидать!
И Северный Ветер умчался. Тут же снег растаял, сразу потеплело.

— Завтра снова приготовь обед, — сказала колдунья Сестричке-Невеличке, — но еще роскошней.

— На сколько персон?
— Опять на одного. Для третьего моего сына, но прожорлив он как крокодил. Приготовь-ка для него вареную говядину под соусом из утесов.

— Варить говядину умею. И соус из утесов попробую сделать.

— Смотри, чтоб было вкусно и вдосталь! Это я не о нем, а о тебе беспокоюсь. Останется мой сын голодным, он и тебя съест!

— Уж постараюсь! — сказала Сестричка-Невеличка.

Взяла огромный котел, наполнила его водой и поставила на огонь. Пока вода не закипела, она побегала в горы, отломала пять или шесть громадных утесов, притащила их в дом и положила в котел. Потом заколола быка, разделала, разрубила на куски и бросила в котел. Как только по дому поплыл аромат бульона, колдунья вышла на крыльцо и закричала:

Ко мне лети, Норд-Вест, скорей,
В гости к матери своей.
Я тебя, сынок, мой свет,
Приглашаю на обед!

Страшный ураган обрушился на лес. Загремел гром, засверкали молнии, хлынул ливень. Появился сам Норд-Вест — северо-западный ветер. Он был в непромокаемом плаще и в большой клеенчатой шляпе:

— Здравствуй, мамá! Я пришел. Ставь скорей еду на стол! Съем и обед и вот эту девицу. Впрочем, могу и с тобой поделиться.

— Полегче, сыночек! Эта девица мне завтра на завтрак самой пригодится.

— Вот это да! Но, не беда! Найдем чем подкормиться и без твоей девицы.

— Что болтать-то! Садись-ка лучше за стол!

Норд-Вест принялся за еду. Сначала он, чавкая и урча, съел быка (мог бы целиком, с рогами и хвостом). Потом дошла очередь до утесов: съел один, другой, третий... Расправившись с утесами, он выскреб из котла остатки... Тут Сестричке-Невеличке стало не по себе! К счастью, обжора вообразил, что котел тоже съедобен. Он вонзил в него зубы, глотая кусок за куском, и только после этого слегка отяжелел...

— Ну как, ты сыт или съешь еще немного?

— Нет, наелся до отвала, даже одолела изжога. Пожалуй, все же не надо было закусывать этой кастрюлькой. Она не слишком-то съедобна. И грызть ее не совсем удобно...

— А теперь скажи: знаком тебе принц Дезире?

— Дезире? Мы с ним часто видимся! Сейчас он на берегу океана, на балу среди пленников волшебного танца.

— Это далеко?

— Рядом. Километров пятьсот отсюда. Хочешь узнать еще что-нибудь?

— Нет, тебе давно пора в путь! Прощай, мой мальчик родной!

— Скоро снова вернусь я домой.

Ветер Норд-Вест умчался, перестал идти дождь, утихла гроза, рассеялись тучи, и небо прояснилось.

— А теперь, — сказала колдунья госте, — давай отдохнем, мы это заслужили.

5. В ПОИСКАХ БРАТЬЕВ

На следующее утро старая колдунья посадила Сестричку-Невеличку рядом и принялась ее расспрашивать:

— Детка, скажи, хороша я собой?

— Увы, не краше колдуны любой!

— А добрая я?

— Добра!

— Тебе я мила ли?

— Мила.

— А ты можешь меня полюбить?

Сестричка-Невеличка задумалась и, набравшись смелости, сказала:

— Будет люб мне и дорог тот, кто мне братьев пропавших вернет.

Колдунья расхохоталась:

— Ну и ответ! Любая другая колдунья тебя бы за него съела. Но я, я люблю таких, как ты: откровенных, гордых, смелых, и потому я тебе помогу! Бери с собой эту говорящую книгу. Как только отправишься в путь, открыть ее не забудь. Она подскажет, куда идти и как тебе братьев своих найти.

— Спасибо, мадам.

— Вот тебе еще и кошелек, всякий раз, когда тебе понадобятся деньги, открывай его, и бери сколько нужно.

— Спасибо, мадам, я так благодарна вам!

— И, наконец, дарю тебе эти правдивые очки. Кто их наденет, увидит мир и людей такими, какие они на самом деле, без прикрас.

Сестричка-Невеличка поблагодарила колдунью, взяла футляр, вынула очки и примерила... Как вы думаете, что она увидела? Нет, все вокруг осталось вроде бы прежним, только вот маленький домик превратился во дворец, а сама колдунья стала такой красавицей, что ее можно было принять за сказочную фею!

— О, мадам!

— Ладно, ладно, — проговорила колдунья, — сложи-ка очки в футлярчик. Я должна вручить тебе еще три волшебных предмета. Но будь внимательна! — ими ты сможешь воспользоваться всего один-единственный раз. Вот свирель. Ее слышит человеческое сердце. Вот ключ. Он режет золото. Вот пузырек с глотком волшебного вина, возвращающего к жизни. Помни, там всего один глоток! Не стану объяснять тебе, как всем этим воспользоваться, ты достаточно сообразительна, чтобы догадаться! А теперь иди.

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас.

— А когда я увижу вас снова?

— Ты и вправду хочешь вновь встретиться со мной? — спросила колдунья.

— Конечно, ведь я должна вас отблагодарить.

Тут старуха не смогла сдержать улыбки:

— В таком случае — возвращайся, ты всегда найдешь меня здесь. Заодно вернешь книгу, кошелек и очки. До свиданья, дитя мое, желаю удачи!

Не успела колдунья попрощаться с принцессой, как тут же исчезла вместе со своим маленьким домиком. Клод осталась посреди леса. Вот тебе и на! Она теперь совсем одна! Девочка открыла говорящую книгу и услышала мягкий и ровный голосок:

Держишь ты меня в руках,
Мчишься вдаль на всех парах,

Но куда лежит твой путь?..

Очень хочется взглянуть.

Сестричка-Невеличка не удивилась и спокойно ответила:

— Я спешу к берегу океана, на бал, к пленникам волшебного танца.

— Тогда погляди внимательнее, — сказала говорящая книга. — Видишь тропинку? Сверни на нее и ступай себе прямо. На следующем перекрестке снова открой меня, я подскажу, куда идти дальше.

Так началось большое путешествие Сестрички-Невелички.

6. ...ОНА ПРОХОДИТ МНОГО СТРАН

Сначала принцесса Клод отправилась на запад, точнее, на северо-запад — ведь именно оттуда прилетел грозовой ветер. Она была и правда очень маленькая, хрупкая и ножки у нее были маленькие, и шла она, конечно, не очень быстро, но говорящая книга всегда была с ней и указывала дорогу. А всякий раз, когда девочка останавливалась на ночлег или по пути встречалась харчевня, ей приходил на помощь волшебный кошелек.

Через много-много дней Сестричка-Невеличка дошла до берега океана. Океан — это большое-пребольшое море с зеленой и прозрачной, пенящейся водой, с огромными волнами, которые поднимаются, растут, потом с ревом обрушиваются на песчаный берег.

— А теперь, — сказала говорящая книга, — поверни направо и иди вдоль берега. Скоро ты увидишь дом, где устраивают балы. И сейчас оттуда слышна музыка. Там танцуют. Когда ты подойдешь к дому, то и сама начнешь танцевать. А теперь готовь очки.

— Зачем?

— Скоро поймешь.

Принцесса Клод уже знала, что говорящая книга дает только дельные советы, весь день ведя свою хозяйку в северном направлении. Наступила ночь, когда она увидела большой, ярко освещенный дом, в окнах которого сверкали разноцветные огни. Слышалась громкая и довольно монотонная музыка, один и тот же повторяющийся мотив. Но стоило услышать его, как тут же возникало желание танцевать и танцевать — бездумно, бесконечно... И едва принцесса приблизилась к дому, как, сама того не желая, стала танцевать. Наверное, это колдовство, подумала принцесса. Повинуясь совету говорящей книги, она надела очки и смело толкнула тяжелую дверь.

Клод очутилась в просторном зале, среди множества танцую-

ших мертвецов. Некоторые из них совсем пожелтели и высохли. Эти, видимо, умерли не так давно. Лица же тех, кто отправился на тот свет раньше, приобрели черный оттенок. Танцоры двигались, дергались, выли и пели — и все это были мертвецы! В глубине зала, на небольшом возвышении можно было различить дюжину скелетов, которые бренчали на гитарах, били в барабаны, неумело ударяли по кимвалам и, дико завывая, катались по полу, производя оглушительный шум.

Сестричка-Невеличка поняла, что пришло время сыграть на свирели. Она достала ее из кармана и поднесла к губам, и хотя звук был очень нежным, он тут же заглушил грохот оркестра. С первой же ноты танцоры замерли в оцепенении, музыканты перестали играть. Красивый молодой человек подошел к принцессе Клод. Он был одним из немногих, в ком еще теплилась жизнь.

— Кто ты? — спросил он. — Ты так прекрасно играешь?

— Я дочь короля Франции. А ты?

— Я принц Дезире.

— Значит, ты и есть мой брат, которого я пришла освободить?

— Меня не нужно освобождать! Я совершенно счастлив, здесь танцую, тут все мои друзья. Оставайся с нами, сестра!

— Ты говоришь — счастлив? Надень очки, оглянись вокруг.

Дезире нацепил очки и воскликнул:

— Да тут же одни мертвецы!

— Конечно! Так бежим отсюда!

Клод и Дезире выбрались из бального зала вместе с некоторыми из тех танцоров, которые не успели еще умереть окончательно и тоже хотели вернуться домой. Как только они оказались на свободе, музыка снова загремела — бал продолжался.

— Сестричка-Невеличка, — сказал принц, — я так рад, что ты меня нашла и освободила. Но не знаешь ли, где мои братья?

— Мы найдем их!

Дальше они пошли уже вдвоем. Говорящая книга указывала им дорогу, а кошелек безотказно давал деньги на ночлег и еду. Они шли на север, откуда прилетел снежный ветер, шли долго-долго, пока, наконец, не очутились в стране снегов, где вода тверже камня, а все реки скованы льдом. По совету говорящей книги, они, одевшись потеплее, миновали большой лес, а потом забрались на вершину горы, где находился золотой замок. Это был очень красивый, сверкающий на солнце, со всех сторон отгороженный глухой стеной, запертый, как осажденная крепость, замок.

Едва путники подошли к его воротам, им на головы посыпался

град золотых камней. И сверху со стены загремел сердитый, грубый голос:

Дворец золотой — навсегда будет мой!
Я-то буду во дворце, а вы все — на улице!

Они подняли головы и увидели крепкого молодого парня, стоявшего за бойницами и бросавшего в них золотыми камнями. Принц Дезире, сразу узнав брата, закричал:

— Эй, Фортюне! Открывай! Я — твой брат Дезире! Мы с сестрой пришли тебя освободить!

Но принц Фортюне не слышал, а может быть, и не хотел слышать брата. Он очень дорожил золотым дворцом и совсем не желал, чтобы его освободили отсюда. И он еще раз пропел свою нехитрую песенку о дворце, по-прежнему сопровождая ее градом золотых камней. Тут Клод поняла, что самое время воспользоваться золотым ключом. Она подала знак Дезире, подошла к воротам и тихонько просунула волшебный ключ в замочную скважину. В ту же секунду порвались цепи, отворились засовы и рухнули, развалившись на множество кусков, могучие ворота. Сестричка-Невеличка хотела было войти, но не успела. Разъяренный Фортюне сбежал по лестнице вниз и преградил вход.

— Этот замок золотой только мой, только мой!

— Ошибаешься, мой дорогой! Возьми-ка эти очки и ты сможешь убедиться: то не замок, а темница.

Фортюне растерянно надел очки, взглянул и ахнул:

— Впрямь тюрьма!

— Золотые слова! Так что пошли-ка с нами!

Поняв, что его действительно освободили из тюрьмы, Фортюне сказал:

— Братец и ты, сестрица, я вам так благодарен! Но где же наш третий брат Констан?

— Мы идем его искать! — сказала Клод.

И они устремились на юг, откуда (помните?) явился ветер-сухой. И на этот раз дорога была такой же долгой, трудной. Но не уставала давать свои советы говорящая книга, не иссякало содержимое волшебного кошелька. Наконец, они добрались до берега синего, необычайно спокойного моря, сели на корабль и, высадившись в Африке, продолжали свой путь пешком все дальше на юг. Наконец, перед ними возник Кедровый Лес. В центре которого возвышался прекрасный мавританский дворец.

— Вы у цели, — сообщила волшебная книга.

Они вошли в широкие ворота, миновали тенистый дворик

с колоннами, с пальмами, увидев посреди него бассейн с прозрачной водой и маленьким фонтанчиком. Потом заметили скрытый в глубине двора дом, в просторном прохладном зале которого красовалась статуя великолепного юноши.

— Но ведь это Констан! — дружно воскликнула оба брата.

Они было кинулись к нему, но сестра, приложив палец к губам, остановила их:

— Тсс! Постойте!.. Слышите?..

Раздался легкий шум — тихий, еле уловимый, будто шелк прошелестел... И принцесса с братьями, спрятавшись за колонной, увидели женщину с прекрасным лицом и ... со змеиным телом. Она подползла к статуе, приподняла голову и сказала:

— Принц Констан, это я...

— Не во сне ли я вижу тебя? — прошептал принц.

— Кто на свете пример красоты?

— Только ты! Только ты! Только ты!

— Значит, любишь одну лишь меня?

— Без тебя не прожить мне и дня!

— Прекрасно, пусть так будет вечно!

И женщина-змея удалилась. Она скользила по земле, как течет вода по руслу ручья. Когда наши путешественники убедились, что ее нет, они вышли из-за колонны, и Сестричка-Невеличка обратилась к статуе:

— Принц Констан, ты можешь говорить?

На этот раз статуя не ответила. Клод поняла, что пришло время достать пузырек с волшебным вином. Она смочила им губы каменной фигуры, и они зашевелились. А стоило нескольким каплям попасть в рот, статуя жадно выпила все содержимое пузырька. В то же мгновение она вновь ожила.

— Кто ты, девочка? — спросил юноша.

— Я твоя младшая сестра, принц Констан, а это твои братья. Мы пришли, чтобы освободить тебя.

Принц Констан ласково отвечал:

— Очень любезно с вашей стороны, что пришли повидаться со мной, благодарю вас, но меня вовсе не надо освобождать от женщины, которую я люблю, с которой не собираюсь расставаться...

— Принц Констан, ведь эта женщина — противная змея!

— Неправда! Она прекрасна.

— И держит тебя в плену!

— Что ты такое говоришь! Я не могу без нее!

— Ты должен оставить ее и уйти с нами!

— Нет, я не предатель! А вот и она, взгляните, какая прекрасная улыбка!

— Не случилась бы ошибка, надень-ка наши волшебные очки.

Констан взглянул сквозь них и с ужасом воскликнул:

— Значит, ты — змея!

— О, несчастье! Кто-то меня предал! — зарыдала женщина, и в тот же миг исчезла. А вместе с ней исчез дворец, дворик, пальмы, фонтанчик. Маленькая Сестричка и три брата остались посреди голой африканской пустыни.

7. И ВМЕСТЕ С МЛАДШИМ БРАТОМ...

— Благодарю тебя, Сестричка, спасибо и вам, братья, что освободили меня! — сказал принц Констан. — По правде говоря, нам нельзя было разлучаться. Но как же мы теперь вернемся домой к нашему отцу-королю?

— Я поведу, — успокоила брата принцесса Клод. — Но прежде мне надо побывать у колдуньи.

— У какой еще колдуньи? Зачем? — удивились братья.

— У той самой, которая нас всех соединила. Я должна вернуть ей кошелек, очки, говорящую книгу и поблагодарить за все доброе, что она для нас сделала.

— Зачем нам твоя колдунья! — сказал принц Дезире.

— Да, какое нам до нее дело? — добавил Фортюне, удивленно пожав плечами.

— Успокойтесь, друзья, — попытался урезонить братьев Констан. — Ведь только стараниями волшебницы, если я правильно понял сестрицу, мы оказались все вместе... Будем же благодарными.

Но старшие братья продолжали ворчать. Мало ли что говорит Констан! Во-первых, он моложе всех, а они не привыкли, чтобы ими кто-то командовал. К тому же, братьям вовсе не хотелось чувствовать себя обязанными своим спасением маленькой девочке и какой-то колдунье. Но ведь все случилось именно так, и им пришлось с этим смириться. И снова Клод достала из кармана говорящую книгу, открыла ее и услышала:

Держишь ты меня в руках,
Мчишься вдаль на всех парах.
Но куда лежит твой путь?..
Очень хочется взглянуть.

— Мне надо к колдунье, в большой сосновый бор недалеко от Парижа!

— Поверни назад, иди все прямо и прямо, а когда увидишь море — снова ко мне за помощью.

Три брата и сестра пустились в путь, вышли к морю, по совету волшебной книги сели на корабль, заплатив капитану деньгами из волшебного кошелька.

Едва они высадились на французском берегу, как увидели на вершине холма величественный замок из золота, его двери, казалось, были открыты настежь. Фортюне в волнении закричал:

— Взгляните, братья! Такой же золотой замок, как тот, который я недавно покинул! Зайдем?

— Не будь дурачком! Зайдя туда, ты рискуешь остаться там навсегда!

— Нет, нет! Я только на минутку!

И Фортюне бросился бежать к замку. Братья и Клод умоляли его остановиться, но он уже скрылся в заколдованном замке. В ту же секунду защелкнулись замки, скрипнули засовы, и несчастный принц снова оказался в плену.

Дезире, Констан и Клод подбежав к замку, попытались вставить заветный ключ в замочную скважину. Но на этот раз он не слушался. Однажды ключ уже сослужил свою службу, после чего, как и предупреждала колдунья, его могущество окончилось.

Град из крупных золотых камней обрушился сверху на головы братьев и маленькой сестрички. И тут же они услышали раздраженный голос Фортюне:

Дворец золотой — навсегда будет мой!

Я-то буду во дворце, а вы все — на улице!

Напрасно они просили, умоляли, уговаривали своего бедного братца, несчастный пленник никого не узнавал, все, кто был снаружи, казались ему врагами. И только поняв, что уговоры бессмысленны, они оставили брата и продолжили свой путь.

Как вы понимаете, сперва нашим путникам было немного грустно. Но дня через два-три они перестали печалиться. Как-то вечером, когда уже совсем стемнело, в стороне от дороги замелькали разноцветные огни, послышалась странная музыка и вскоре путешественники увидели перед собой большой дом.

— Смотрите! — воскликнул Дезире. — Здесь точно такой же зал, в каком я когда-то танцевал. Пошли потанцуем немного!

— Нет, нет, братец, забудь к этому дому дорогу! Сам знаешь, там одни мертвецы!

— Пусть в этом мире они не жилицы, но ведь так забавны, я очарован ими, я хочу зайти поздороваться.

И так же, как до этого Фортюне, принц Дезире бросился бежать. Клод и Констан кинулись за ним, но не догнали. Маленькая сестричка сказала Констану:

— Надень очки и иди за мной!

Брат и сестра вошли в большую залу.

Мертвецы танцевали какие-то безумные танцы, оркестр гремел, музыканты дергались и топали ногами. Истощенные крики, грохот, завывания... Принцесса Клод достала волшебную свирель, поднесла к губам... Но ее старание были напрасны. Свирель, еще недавно говорящая на языке сердца, утратила свое волшебство. И об этом предупреждала колдунья!

Как ни странно, мертвецы оказались вполне добродушными. Они подходили к Констану и Клод, удивлялись, что те не танцуют, улыбались своими высохшими губами, махали иссохшими руками, выказывая им свое дружеское расположение.

— Почему вы не танцуете? Идите к нам! — приглашали они гостей.

— Бежим отсюда, — шепнула Сестричка-Невеличка брату.

Констан и Клод покинули танцевальный зал. На этот раз обоим было очень-очень грустно. Особенно принцессе. Ее страшилась мысль о том, что женщина-змея может появиться в любой момент и отнять у нее оставшегося, теперь уже единственного брата. К счастью, змея все не показывалась.

Наконец, спустя много-много недель, Клод и Констан добрались до большого соснового бора, недалеко от Парижа. Принцесса легко нашла дорогу к домику колдуньи. Помня, что хозяйка не любит, когда громко стучат в дверь и не терпит никаких вопросов, они бесшумно вошли в домик, усевшись на полу перед креслом колдуньи. Хозяйка дремала, а ее нарисованные глаза смотрели на вошедших в упор.

Через полчаса она проснулась, вздохнула, приоткрыла веки, отчего нарисованные глаза исчезли, и воскликнула:

— Ба! Так ты все-таки вернулась, принцесса Клод! А что за молодой человек рядом с тобой?

— Это мой брат Констан.

— Рада видеть тебя, принц! Где же два других брата?

И принц Констан отвечал ей смущенно:

— Сестра Клод освободила их, но они предпочли снова стать пленниками, — смущенно отвечал ей принц Констан, — Дезире вернулся на бал, а Фортюне — в заколдованный замок.

Колдунья расхохоталась:

— Ну что же, тем хуже для них! Они распорядились своей судьбой сами, а значит, другой не заслуживают!

Да, старая колдунья была не слишком-то сердобольной, но что можно было ей возразить? Сестричка-Невеличка вернула ей все волшебные вещи: пустой пузырек из-под волшебного вина, ключ, потерявший силу, и ставшую беззвучной свирель...

Волшебница улыбнулась:

— А теперь куда держите путь?

— Во дворец к королю хотим заглянуть!
— Тогда правильно поступили, что сперва меня навести-
ли. Если бы сразу отправились во дворец, вам мигом пришел
бы конец!

— Почему же?

— Да ваш отец — король совсем потерял голову!

— Какой ужас!

— Верно, — согласилась колдунья. — Но еще ужаснее, что
с тех пор, как с ним это случилось, управлять государством
стала королева Симона, а принцесса Кошонна теперь что хочет,
то и делает. Вас увидят, непременно убьют!

— Убьют? Они способны и на такое?

— Им под силу преступление любое!

— Что же делать?

— Ложись-ка лучше спать! Не могу пока сказать!

Когда колдунья приказывает, ее все слушаются. Все и улег-
лись. Принц Констан — на матрасе в комнате первого этажа,
а колдунья и принцесса Клод, как и прежде, на втором этаже.
Ночью Сестричка-Невеличка проснулась от того, что кто-то тряс
ее за плечо.

— Что случилось?

— Вставай и быстрее за мной, — прошептала колдунья.

Они бесшумно вышли из дома. Сестричка-Невеличка увидела
женщину-змею, застывшую перед открытым окном комнаты
Констана. Из травы была видна только ее голова. Она умоляюще
смотрела на принца и жалобно спрашивала:

— Констан, для тебя я по-прежнему самая красивая?

Из комнаты едва слышно донесся голос Констан, но Клод
не могла разобрать слов. Скорее всего принц ответил «нет», по-
тому что змея жалобно продолжала умолять:

— Констан, Констан, неужели ты больше меня не любишь?

Ответ юноши, видимо, привел змею в отчаяние:

— Что поделать, я женщина-змея! Может быть, потому,
что никто меня не любит? Если бы ты полюбил меня! Я стала бы
просто женщиной, самой красивой в мире, и мы с тобой были бы
счастливы... Неужели ты ни капельки меня не любишь?

На этот раз ответ был резким, почти грубым:

— Я не желаю тебе зла, но полюбить тебя не могу. Уходи!

Женщина-змея, сдерживая рыдания, отползла от окна, на миг
остановилась, потом неслышно заструилась по траве, как ручеек.

Вернувшись в дом, колдунья радостно сказала Сестричке-
Невеличке:

— Спи, детка, спокойно: твой брат с честью выдержал и это
испытание.

8. ...ОНА ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ОТЦУ

На следующее утро, спустившись на кухню, принцесса Клод увидела колдунью, которая хлопотала у печи. Поскольку девочка знала, что здесь не любят вопросов, она, ни о чем не спрашивая, предложила свою помощь:

- Отдохните, мадам, и поручите это дело мне.
 - Нет, нет, пирог я испеку сама.
 - Прошу вас!
 - Ни за что! Ты же не знаешь моего волшебного рецепта!
 - Так раскройте его мне, мадам! Я никому его не выдам!
- В ответ колдунья только покачала головой:

— Говорю же, я пеку не простой пирог. Это пирог воспоминаний.

Когда пирог воспоминаний был, наконец, готов, колдунья вынула его из печи и завернула в узелок. Покончив с этим, она сказала Клод и Константу:

— А теперь мы через лес отправимся в Париж, чтобы встретиться с королем.

Втроем они двинулись в путь. Но вместо того, чтобы идти в сторону Парижа, старуха повела брата и сестру в самую глубь леса. Она же была колдунья и потому знала точно, где и когда король будет прогуливаться без свиты, охраны, в сопровождении лишь нынешней королевы и злой принцессы.

Они встретились ровно в полдень. Колдунья низко поклонилась королевской семье и сказала:

— Добрый день, ваши величества! Взгляните на мой румяный, сладкий пирог! Я пришла сюда как раз для того, чтобы вас угостить.

— Послушай, старушка, иди-ка своей дорогой. Мы не голодные и ни в чем не нуждаемся! — пренебрежительно фыркнула королева.

Кошонна же, которая была большой сладкоежкой, стала упрашивать мать:

— Почему бы нам не отведать сладкого пирога?

И видя, что мать собирается ей отказать, принялась канючить:

— Хочу-у пирога! Хочу-у-у пирога!

— Будь по-твоему, — согласилась королева, — раз приспичило. Только, чур, пирог будем есть мы все и обязательно вместе со старушкой, тогда я буду спокойна, что нас не хотят отравить.

— Если вам так угодно, — согласилась колдунья.

Усевшись на землю вместе со всеми, она разделила пирог

на шесть долек. Самый большой кусок — принцессе, поменьше — королю и королеве, а кусочки еще меньше достались Клод, Констану и колдунье.

Король, который и вправду был не в себе, глядел на пирог без всякого интереса. Только он поднес его ко рту, как долька голосом принцессы Клод вдруг громко сказала:

— Помните ли вы, ваше величество, свою дочь Клод?

Король удивленно огляделся и не успел ответить «нет», как кусок пирога в его руке ответил за него:

— Да, да, помню. Она уже давно покинула свой дом, и я потерял надежду на ее возвращение.

Большущий кусок пирога в руке Кошонны ее же ворчливым голосом продолжил эту беседу:

Попробует пусть возвратиться —
Убью я принцессу-сестрицу!

— Что все это значит? — возмущенно спросила королева. Она не успела больше сказать ни слова, так как заговорила долька пирога в руке Констана:

— А не забыли ли, вы ваше величество, трех своих сыновей? Сам король вспомнить ничего не мог. За него ответил кусок пирога в королевской руке:

— Забыть родных сыновей?!... Где-то они теперь, бедняжки! На что пирог принцессы Кошонны пробурчал свое:

Попробуют пусть возвратиться —
И братьев убью и сестрицу!

— Это ужасно! — вскричала королева. — Почему вместо того, чтобы есть пирог, мы выслушиваем всякий бред! — После чего с пирогом быстро покончили.

Только колдунья еще держала в руке свою порцию, которая, наконец, тоже заговорила:

О, мой король! О, мой супруг!
Ответьте поскорей —
Как вы жену забыли вдруг
И собственных детей?

Глаза короля заблестели — что это! Неужто возвращается память? И, взглянув на колдунью, он воскликнул:

— Ты?! Ведь я считал, что тебя нет в живых!

Тут больше не в силах была сдерживаться и Симона, закричав (вернее, кричал ее пирог):

Мы пропали, моя дочь!
Никто не сможет нам помочь!

Сестричка-Невеличка была в полном недоумении. Она во все глаза смотрела на колдунью и, поражаясь ее необыкновенной красоте, вспомнила, что точно такой видела ее, когда впервые надела «правдивые очки».

То, что увиденному поражалась маленькая девочка, вполне понятно — она не помнила своей матери, ведь королева исчезла из дворца, когда еще Клод крошечным младенцем лежала в колыбели. Другое дело — принц Констан. Он-то прекрасно помнил мать и тут же бросился в ее объятия, и король, впервые после долгой разлуки, расцеловал свою любимую супругу...

Вот так-то, дорогие друзья! Для меня эта встреча тоже была полной неожиданностью. Мне и в голову не приходило, что колдунья с нарисованными глазами — это и есть та королева, которая исчезла в самом начале сказки, что именно она — мать трех принцев и их Сестрички-Невелички! И поверьте, если бы я знал, что эта история завершится именно так, то обязательно придумал бы королеве имя... Но теперь уже поздно, моя история подходит к концу... Поэтому, если угодно, сами назовите королеву... как вам вздумается!

А наши герои тем временем без конца обнимали друг друга, смеялись, плакали, наперебой рассказывая все то, что им пришлось пережить... И так увлеклись, что просто забыли о существовании королевы Симоны и принцессы Кошонны. Прошло не меньше четверти часа, прежде чем грубый голос королевы Симоны вернул их к действительности:

— Все это очень мило, очень трогательно, романтично, поэтично, но, дорогой мой муженек, интересно знать, как вы собираетесь поступить со мной? Ведь как-никак я тоже ваша жена...

Надо сказать, с той минуты, как король отведал пирога воспоминаний, к нему вернулся утраченный было разум, поэтому, поразмыслив, он неспеша проговорил:

— Что правда, то правда, это я как-то упустил из виду. Да-а, положение. Но раз мы все вместе, давайте сообща что-нибудь и придумаем. Идет? Рассудим здраво — закон Франции запрещает многоженство, не так ли? Значит... значит, я выбираю ту жену, которая родила мне детей.

— А что же прикажете делать нам?

— Может, в ссылку отправить дам?

— В монастырь их, где тесные кельи и скудная пища!

— Ни за что! Скукота там, скучища! — возразила принцесса Кошонна.

— В таком случае, — решительно заявил король, — я вижу один выход — отрубить им головы.

Услышав такие слова, Симона и ее дочь задрожали от страха.

На их счастье, в разговор вмешалась безымянная королева, еще час назад колдунья:

— Прошу прощенья, мой повелитель, я кое-что придумала. Ведь я еще не совсем утратила свои волшебные чары и поэтому могу превратить двух наших прелестных дамочек хотя бы в каких-нибудь маленьких и злобных зверьков, которых они так напоминают своей натурой. Тогда они и вреда нам не принесут, и сами будут совершенно счастливы.

— Будь по-твоему, — согласился король.

И безымянная королева запела волшебную песенку:

Я вас в змеек превращу,
Яда в зубки напущу,
Дам змеиную одежду,
Укажу вам в лес дорожку...
Поползут от кочки к кочке
Змейка-мать со змейкой-дочкой.
Сосчитаю до пяти —
И обеих не найти!..
Раз! Два! Три! Четыре! Пять!

Только она успела сказать «пять», как Симона и Кошонна исчезли, а в траве извивались две маленькие змейки кирпичного цвета, из тех, что зовутся аспидами — опасные, но не очень. Змейки исчезли так же неслышно, как и появились.

С этого дня король стал самым счастливым человеком в государстве. Рядом с ним была его прекрасная жена, юный наследник-сын и пригожая дочь, которую он решил выдать замуж за принца соседней страны, чтобы их королевствам никогда не угрожала война. Королева тоже была счастлива: она гордилась сыном; восторгалась дочерью — юной принцессой Клод.

Оставшись наедине, мать и дочь затевали игру, которую сами придумали. Начинала королева:

- Сестричка-Невеличка, собой я хороша?
- Ты умница-красавица и добрая душа!
- Сестричка-Невеличка, кто всех тебе милей?
- Нет никого милее матушки моей!

Так всякий раз отвечала принцесса и неизменно добавляла:

— Но все же тогда ты мне была еще милее.

После этих слов королева хмурила брови и, что также входило в правила игры, с притворной суровостью спрашивала:

— Но почему? Отвечай, маленькая злючка.

Принцесса Клод неизменно говорила:

— Потому что мне больше нравится, когда ты — колдунья!

И всякий раз, услышав это, королева смеялась от всей души.

СЕМЬ
ПЬЕС-
-ШУТОК

Иллюстрации БУАРИ

ОТ АВТОРА

Я написал и опубликовал уже не одну пьесу для маленьких зрителей. Вдруг учителя младших и даже старших классов стали просить меня, чтобы я сочинил коротенькие сценки-диалоги, с которыми можно было бы не только работать в классе, но также и играть их на сцене.

И вот я написал семь пьес-диалогов — жанр, прямо скажем, не новый, поскольку до меня его прославили Куртелин, Монье, Лукиан из Самосаты и даже Феокрит, не говоря уж о наших старых добрых фарсах XV века.

Я тоже постарался, чтобы сюжеты и диалоги были разные, а получилось одинаково смешно.

Первые четыре пьески — это скетчи /я бы, однако, предпочел название «сценки»/, начинаются они вполне реалистически, но очень скоро становятся абсурдными. Пятая пьеска — переработанное французское фавлю /средневековый юмористический рассказ/; шестая — сценка из Сказки о Спящей Красавице; наконец, седьмая — вольное переложение одной из вещей моего сборника «Сказки Безумной Мерикур».

Я хотел, чтобы мои диалоги сначала позабавили начинающих актеров, потом помогли им «войти в образ» и, говоря профессиональным языком, не дали из него выйти. Добиваясь этого, я потратил на крошечные сценки не меньше трудов, въедливости и требовательности, чем на большие театральные пьесы, потому что ведь персонажи должны быть живыми, а ситуации драматическими — только тогда у каждого исполнителя появится возможность блеснуть мастерством.

Надеюсь, мне это удалось, и играть мои сценки не покажется юным артистам каторжной работой.

Пьер Грипари.

МНИМАЯ ТУПИЦА

Участники: ОН и ОНА

На сцене — письменный стол с телефоном и кресло для Него, столик и стул для Нее. В начале сцены ОН сидит в кресле.

Входит ОНА. Стянутые на затылке волосы придают ей довольно глупый вид.

ОН */подскочив от неожиданности/* — Что такое?! Что случилось?!

ОНА — Ах! Простите. Так вы, оказывается, здесь?

ОН — Похоже, что так... А постучаться трудно было?

ОНА — Ну что вы! Совсем не трудно! */Стучится в дверь/*

ОН — Теперь-то зачем? Теперь не надо. Вы ведь и так вошли. И что же вам угодно?

ОНА — Это кабинет г-на Нуиноса?

ОН — Именно так. И что же?

ОНА — Я хотела бы видеть г-на Нуиноса.

ОН — Вы его видите. Дальше!..

ОНА */оглядываясь/* — Вижу? А где же он?

ОН — Здесь */после молчания/* — Я и есть г-н Нуинос!

ОНА */сообразив/* — А-а-а, вот здорово! Очень приятно познакомиться.

ОН — Взаимно. Так что же вы хотите?

ОНА — Я? О! Ничего...

ОН — Но-о-о... Тогда что вам здесь надо?

ОНА — Не знаю. Мне кажется, вы и должны мне сказать...

ОН — А вас направил ко мне начальник личного состава?

ОНА — Да, начальник.

ОН — Что же вы сразу не сказали? Значит: вы — моя новая секретарша?

ОНА — Похоже, что так.

ОН — Очень рад, подойдите ближе. Как вас зовут?

ОНА — Мадемуазель Сглаз.

ОН — Пройдитеесь-ка... Повернитесь... Ну что ж, посмотрите вы неплохо... Стенография вам знакома?

ОНА /с видом воплощенной добродетели/ — Мне, сударь?
С кем попало я не знакомлюсь!

ОН — Та-ак... Ну ладно! Значит, машинопись осилили?

ОНА /с тем же видом/ — Нет, конечно. Насилия я вообще не выношу!

ОН — Гм... гм... Вот оно как... Ну, а писать-то вы, надеюсь, умеете?

ОНА — Писать? Вы спросили: писать?

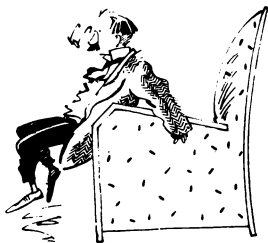
ОН — Ну да, писать!

ОНА — Рукой?

ОН — Э-э-э... да хотелось бы! Так умеете или нет!

ОНА — Училась... когда была маленькая...

ОН /встает, обрадованно/ — Вот и прекрасно! /Указывает ей на стол/ — Садитесь-ка за стол ... вот вам бумага, ручка... Я буду диктовать. Письмо.

ОНА /присаживаясь/ — Письмо у нас в первом классе было.
Ни к чему оно вовсе. Я и так все буквы знаю!

ОН — С чем вас и поздравляю!

ОНА — Даже самые трудные: э, ю, я...

Он — Вот мы и проверим. Вы готовы?

ОНА — Да.

ОН — Пишите: Дорогой господин ...

ОНА — Дорогой господин...

ОН /диктует, прохаживаясь по кабинету/ — ...Возвращаясь к
предыдущему письму от 20 мая сего года... Я слишком быстро?

ОНА — Нет-нет.

ОН — ... имею честь сообщить вам... — Написали?

ОНА — Написала.

ОН — Замечательно! Ну-ка, дайте мне ваш листок.
ОНА — Но... мы же не закончили!
ОН — Не имеет значения. Небольшая проверка, и только.
ОНА /*протягивая листок*/ — Жаль... так было интересно... хотелось бы узнать, чем дело кончилось...
ОН /*читает*/ — Однако... Что же это такое?
ОНА — Где?
ОН — Здесь! В самом начале! Что это?
ОНА — «Возвращаясь».
ОН — Неужели? Из двух слов?
ОНА — Ну да...
ОН — Простите, но тогда я сказал бы «ваза вращаясь», а не «возвращаясь»!
ОНА — Вот именно! Черт! Вы правы! Конечно, не «ваза», а «воз».
ОН — Вот именно! /*Спыхватываясь*/ — Что? Что вы сказали?
ОНА — Сказала, что «воз», а не «ваза».
ОН — Это я уже слышал... А что, по-вашему, «возвращаясь» пишется в два слова?
ОНА — Само собой. И получается очень складно, не правда ли?
ОН — Складно-то складно, ничего не скажешь. А если написать ваши два слова в одно?
ОНА — Как это, в одно?
ОН — А вам никогда не приходило в голову, что это — одно слово?
ОНА — Подумать только! И правда, в одно тоже можно... Никогда бы не подумала... /*помолчав*/ — Но смотрится гораздо хуже!

ОН — Ну хорошо, продолжим... /*читает*/ — Ваза вращаясь, к бредущему гуську... Что это, по-вашему?

ОНА — А что?

ОН — ... бредущему гуську! Посмотрите, вы сами так написали! Что вы имели в виду?

ОНА — Ну как? Гусенка, который бредет...

ОН — Но я же ничего подобного не говорил! Я сказал: предыдущему письму!

ОНА — Все, что вы говорили, я слышала!

ОН — Так почему же вы?..

ОНА — А я сразу поняла, что вы хотите меня подловить!

ОН — Подловить?!

ОНА — Вот именно! Письмо — это ведь школьный предмет. Здесь оно ни к чему. Другое дело, гусек, гуськом, хорош гусь — это уже что-то!

ОН — Ну да, ну да... /*читает*/ — «Ваза, вращаясь к бредущему гуську, и ать-два этого гада...» Нет, это слишком!

ОНА — Почему?

ОН — Не мог я сказать «ать-два этого гада!» Я сказал: «20 мая сего года»!

ОНА — Ой! Так я и думала!.. Но очень уж вы быстро диктуете!.. Ошибка-то не очень серьезная, правда?

ОН — Правда, не очень, но все-таки есть немного... «Ваза, вращаясь к бредущему гуську, и ать-два этого гада, имея тестя сообщником...» Ну, хорошо! Все понятно!

ОНА — Вы довольны, мсье?

ОН — Даже слишком!

ОНА — У меня ведь хороший почерк?

ОН — Восхитительный!

ОНА — Значит, я буду писать у вас письма?

ОН — Да... Да нет! Вы будете отвечать на звонки!

ОНА — Почему? Я что, плохо пишу?

ОН — Хорошо! Очень хорошо!

ОНА /*всхлипывая*/ — Да-а, хорошо-о... Я все поняла... Потому что я ошибки делаю-ю...

ОН — Ну, ну, успокойтесь...

ОНА — А «возвращаясь» можно писать и в два слова, правда?

ОН — Безусловно... Ну, вытрите же глазки.

ОНА — И «гада» можно исправить...

ОН — Что можно, то можно. Истинная правда! Все! Все! Мы успокоились!

ОНА — Это я потому так плачу, что очень хочу работать! Хочу быть всем полезной!

ОН — Ну конечно...

ОНА — У меня старенькая мама, у меня старенький папа...

ОН — Ну да! Ну конечно!

ОНА — Два стареньких дедушки, две стареньких бабушки...

ОН — Конечно, я все понимаю!

ОНА — Четыре прадедушки, четыре прабабушки...

ОН — Что поделаешь! Как у всех!

ОНА — Младшие братишки, младшие сестренки, родные и двоюродные...

ОН — А как же иначе?! А теперь вытрите-ка слезки! Пишете вы — лучше не надо!

ОНА — Неужели?

ОН — Правда, правда!

ОНА — А может, вы просто хотите мне сказать приятное?

ОН — Да что вы! Как вам такое в голову пришло! Пишете вы отлично, но говорите еще лучше. Поэтому и будете отвечать по телефону на звонки!

ОНА — Хорошо, я согласна. К работе приступаю немедленно!
/Снимает трубку/.

ОН */вновь усаживаясь/* — Ну да, ну да! Э-э, постойте! Что вы делаете?

ОНА — Как что? Хочу ответить...

ОН */отбирает трубку и вешает на место/* — Не стоит так увлекаться делом! Дождитесь сперва звонка!

ОНА */сядаясь на место/* — Ладно! */Пауза/* — А долго ждать?

ОН */принявшись было вновь за работу/* — Долго? Что долго?

ОНА — Ждать звонка.

ОН — Откуда же мне знать?

ОНА — Что ж, подождем! /Телефонный звонок/.

ОН — Что вы ждете? Телефон! Возьмите трубку.

ОНА — В самом деле, телефон! /Снимает трубку/ — Алло? Да, это кабинет г-на Нуиноса... Нет, его секретарь, мадемуазель Сглаз... Невозможно? Почему? Как мило с вашей стороны..

Да вы мне льстите... Нет? Правда? Вы всерьез так думаете?

ОН — Кто это?

ОНА /обращаясь к шефу/ — Понятия не имею, уверяет, что у меня чарующий голосок... /в трубку/ — А вот и нет, у меня глаза не синие! Скорее карие, с зеленоватым отливом...

ОН — Да кто же это, наконец?

ОНА — Правда, с кем же я говорю? /Шефу/ — Это г-н Чудик.

ОН — Меня нет! Я болен! Пусть все передаст через вас!

ОНА — Г-н Нуинос велит вам сказать, что его нет, он болен, но что вы можете все передать через меня. Что? Что? /Шефу/ — Он все-таки хочет поговорить с вами лично.

ОН — Нет, нет и нет! Он мне осточертел, этот недоумок! Пусть катится на все четыре стороны!

ОНА — Он просит передать вам, что поскольку вы — недоумок и уже проели ему всю плешь, то можете катиться на все четыре стороны!

ОН — Что же она такое плетет? /Встает и отбирает у нее трубку/ — Алло, это вы, дорогой мой? Да не обращайтесь вы внимания на мою секретаршу, она — бестолочь... Черт! Бросил трубку!

/Вешает свою трубку и обращается к ней/ — А вы, случайно, немного не того, а?

ОНА */рыдает/* — У-у-у. Я — бестолочь!

ОН — Нет нет, погодите...

ОНА — Да-а-а! Вы сами сказали! Я слышала!

ОН — Но я же не вам, я ему! Чтобы не обиделся! На самом деле вы — прелести!

ОНА */с сомнением/* — Правда?

ОН — Конечно... Вытерли глазки, раскрыли губки... Вы так милы, когда улыбаются!

ОНА */застенчиво/* — Значит, вы меня прощаете?

ОН — Разумеется!

ОНА */молчит, затем опять плачет/* — У-у-у!..

ОН — Что опять случилось?

ОНА — Простили-и! Значит, я все-таки что-то не так сделала!

ОН — Да нет же, так, так!

ОНА — Как надо?

ОН — Как надо!

ОНА — А прощать меня не надо?

ОН — Не надо! Все в порядке?

ОНА */молчит, затем снова рыдает/* — У-у-у! Значит, вы меня не прощаете-е?

ОН */Весь клокочет от ярости, но ласково/* — Да при чем тут прощение-непрощение? Пустяки какие! На следующий звонок я и сам отвечу, только и всего!

ОНА */встревоженно/* — Почему? Я что, отвечаю плохо?

ОН — Бесподобно отвечаете! Но вы такая юная, нежная, хрупкая... Вам нельзя переутомляться...

ОНА — Тогда если можно, один вопрос...

ОН — Слушаю вас.

ОНА — Сколько вы мне будете платить?

ОН — Право, не знаю... А в отделе личного состава вам разве не сказали?

ОНА — Сказали, сказали, что все будет зависеть от вашего мнения.

ОН — Черт побери! А сами-то вы сколько хотите получать?

ОНА — Я? Даже не знаю... А что если миллион франков в день?

ОН */подскакив/* — Сколько? Сколько?

ОНА — Я же сказала: миллион франков в день...

ОН — Но это же невозможно, послушайте...

ОНА — Вы не спрашивали, что возможно, что нет, вы спросили, сколько я хочу!

ОН — Совершенно справедливо. Но в пределах возможного. Так сколько вы хотели бы получать?

ОНА — В пределах возможного? Я бы хотела что-то около миллиона франков в день.

ОН — И вы считаете, что ... заслуживаете этого?

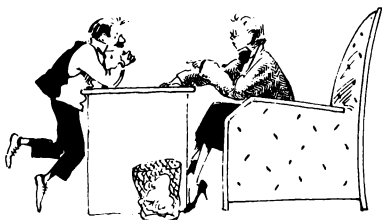
ОНА — Вы же не спрашивали, чего я, на мой взгляд, заслуживаю...

ОН — А теперь спрашиваю. Так какое жалование вы заслуживаете?

ОНА — Полагаю, самое высокое, в пределах возможного.

ОН — Ну и ну!

ОНА /оживляясь/ — Но вы же сами сказали, что пишу я — лучше не надо...

ОН — Это правда.

ОНА — Еще лучше говорю...

ОН — И тут не поспоришь...

ОНА — Что я — прелесть...

ОН — Это я готов повторить!

ОНА — Что по телефону я отвечаю бесподобно...

ОН — Бесподобно, по-другому не скажешь!

ОНА — И что, это все — неправда? Вы так не думаете?! Вы мне лгали?! /Рыдает/ — У-у-у!..

ОН — Погодите, дитя мое, успокойтесь... Решено! Я сообщаю в отдел личного состава, что вы подлинная жемчужина, которую надо оценить очень и очень высоко.

ОНА /сразу став серьезной/ — Прекрасно! Это-то я и хотела узнать! /Распускает волосы, что полностью меняет ее облик/ — Дорогой мой г-н Нуинос...

ОН /удивленно/ — Мадемуазель Сглаз?..

ОНА — Я — не мадемуазель Сглаз. Я — мадам Глаз — да Глаз, главная держательница акций нашей фирмы.

ОН — Ох! Простите! Если бы я знал заранее...

ОНА — А мне как раз и не хотелось, чтобы вы что-то знали

заранее! Мне хотелось лично изучить ваши возможности. И определить раз и навсегда, достойны ли вы этого кресла.

ОН */безнадёжно/* — Поверьте, мадам Глаз — да Глаз...

ОНА — Дайте же мне договорить. */Помолчав/* — Так вот, г-н Нуинос, могу засвидетельствовать, что вы — человек чуткий, добрый, сострадательный...

ОН */обретая надежду/* — Нет, в самом деле?

ОНА — Остро реагируете на социальные проблемы, осознаете важность человеческого фактора в работе...

ОН */польщенно/* — В самом деле...

ОНА — Умеете найти общий язык с коллегами, сочетаете в себе гибкость, интуицию, предупредительность...

ОН — Я, право, смущен...

ОНА ... — Отзывчивое сердце и живой ум...

ОН — Вы меня совсем захвалили...

ОНА — И, желая найти наилучшее применение всем этим прекрасным качествам, в интересах фирмы и ваших собственных, я решила, что ваше место — за дверью.

ОН — Как! Вы меня выгоняете?

ОНА — Что вы! Что вы! Наоборот! За дверью в качестве дворника, а точнее, гостеприимного хозяина, вы со свойственной вам любезностью будете встречать посетителей, клиентов, поставщиков и просто друзей нашей фирмы, указывать им верную дорогу, наставлять, так сказать, на путь истинный... Но, разумеется, за половинное жалованье...

ОН */подскакивает/* — Как это?

ОНА — Надеюсь, что именно теперь я могу рассчитывать на вашу чуткость, понимание, сострадательность, учтивость, такт, деликатность...

ОН — А если я не согласен?

ОНА — Несогласным тем более место за дверями.

ОН — Вы хотите сказать...

ОНА — На улице. И нигде больше. Я выгоняю вас прочь.

ОН — А если я проявляю чуткость...

ОНА — Вот-вот, теперь я вас слушаю. Так что вы решили?

ОН — Но... похоже, у меня нет другого выбора...

ОНА — Я тоже так думаю. И вы согласны приступить к своим новым обязанностям?

ОН — Д-да...

ОНА — Благодарю вас. Завтра с утра и приступайте. */Направляется к выходу/*.

ОН — А может, и мне поплакать? */Рыдает/* — У-у-у!

ОНА */обернувшись/* — Нет-нет, не стоит, г-н Нуинос, таких способностей у вас нет. Такое могу позволить себе я, но не вы!

ПЕС И МАЛЫШ

Сценка для трех участников

МАЛЫШ сидит на полу, рядом лежит в позе сфинкса ПЕС.
Возле них стоит МАТЬ; в одной руке у нее
бутылочка с соской, в другой — кость.

МАТЬ — Ах ты, моя деточка, ах ты, моя лапочка!

МАЛЫШ — А-а-а!

МАТЬ — Лапочка чистенькая, лапочка хорошенькая, сухая,
не мокренькая!

МАЛЫШ — Ду-ду-ду!

МАТЬ — Он ведь будет умничкой, мой малыш? Он не будет
плакать, не будет ползуночки мочить? Гули-гули-гули! Гули-гули-
гули!..

МАЛЫШ — Аа-аа-аа!

МАТЬ — А мы ему сейчас бутылочку с молочком /Дает Малышу
бутылочку и поворачивается к Псу/ — А кто тут еще сидит?
Сидит мой Шарик, любимая моя собачка!

ПЕС — Гав-гав-гав!

МАТЬ — А чего же она хочет? Чего хочет моя собачка? Ко-
сточку она хочет?

ПЕС — Гав-гав-гав!

МАТЬ — Конечно же, косточку! Амм! Вкусную-превкусную!
/Пес встает на задние лапы и получает кость/ — А теперь ма-
мочка пойдет сварит супчик, а мы посидим тихо и будем умни-
цами-разумницами. /Выходит/

МАЛЫШ /немного погодя/ — Ушла?

ПЕС /заглянув за кулисы/ — Ушла, вон, я вижу, она на кухне.

МАЛЫШ — Наконец-то! Хоть поговорим по-человечески!

ПЕС — И то правда. До того устал с ними разговаривать!
А ничего не поделаешь. Обязаны опускаться до их уровня... Так
скажите, дорогой Малыш...

МАЛЫШ — Я вас слушаю...

ПЕС — Вы хоть раз пробовали поговорить с ними всерьез?
От души, так сказать?

МАЛЫШ — Один раз пробовал.

ПЕС — И давно?

МАЛЫШ — Да уж порядком. Недели три назад... Мне тогда было месяца два с половиной, не больше... Отец взял меня на руки, неуклюже, как всегда... Сделал мне больно, ну я и сказал ему... Ничего такого и не сказал — «Дубина!», говорю, и все.

ПЕС — Неужели так и сказал? Правда?

МАЛЫШ — Неправда. Я покрепче слово сказал.

ПЕС — А он что?

МАЛЫШ — Он? Да ничего. Рот разинул и скорее меня обратно в кровать, словно я ему руку жгу или что еще похуже...

ПЕС — И матушке вашей ничего не сказал?

МАЛЫШ — Ни словечка. Побоялся. Так что просто повезло!

ПЕС — О чем вы, не понял?

МАЛЫШ — Здрасьте, вы что, родителей моих не знаете? Да заговори я при них, они вмиг и меня запрягут! Нет, в моих же интересах начать говорить как можно позже!

ПЕС — Ваша правда! Взять хоть меня! Они и знать не знают, что я умею говорить, но выведали (а как — ума не приложу), что кое-какие слова я все-таки понимаю. И теперь без конца меня донимают.

МАЛЫШ — Это я заметил. /Пускает струю/ — Псс-с...

ПЕС — Что это с вами? Серьезный человек и вдруг...

МАЛЫШ — Погодите секундочку. Сухие ползунки да еще с пеленкой! Царапают, стесняют... /Пускает новую струю/ — Псс-с! Ну, на этот раз все!

ПЕС — Теперь лучше?

МАЛЫШ — Безусловно. Тепло, мокро, удобно...

ПЕС — И что же теперь будет? Побьют?
МАЛЫШ — Меня? С какой стати?
ПЕС — Когда я это делаю дома, меня бьют.
МАЛЫШ — И где вы это должны делать?
ПЕС — Где велят — во дворе, на улице.
МАЛЫШ — А они сами? Тоже — на улице?
ПЕС — Они-то? Нет! Они в квартире, но не где попало, а в специальной комнатке.
МАЛЫШ — Не может быть!
ПЕС — Да-да! Я однажды туда заглянул. Узкая комнатка с фарфоровым креслом. А запах...
МАЛЫШ — Не понравился?
ПЕС — Что вы! Запах прекрасный. Там пахнет лавандой, нашатырем, розой, фиалкой, сиренью...
МАЛЫШ — Надо же! Хорошо, что я туда не хожу!
ПЕС — И чем дольше, тем лучше. Однако через год-другой они вас заставят.
МАЛЫШ — Вы думаете?
ПЕС — Уверен! Вашу старшую сестру уже заставили. А если она, упаси боже...
МАЛЫШ — И что тогда?
ПЕС — Получает взбучку, как я.
МАЛЫШ — Вы мне весь аппетит испортили. /Выпускает бутылочку из рук/.
ПЕС /подходит к ней, прижимается/ — А скажите-ка...
МАЛЫШ — Что?
ПЕС — Вкусная эта штука?
МАЛЫШ — Какая?
ПЕС — Да та, которую она вам дала?

МАЛЫШ — Вы о моей бутылочке? Мне, знаете ли, не с чем сравнивать, всегда дают одно и то же... Единственное, что могу сказать, — это сытно. А ваша штуковина? Кость, кажется?..
ПЕС — О-о, с костью все наоборот! Запах, вкус замечательные, а сытости — никакой! Только аппетит еще больше разыгрывается. Так и подохнуть недолго!

МАЛЫШ — А она уверена, что вы любите кости.

ПЕС — Да ни в чем она не уверена! Притворяется, потому что ей так удобнее. Придумала себе уловку, чтобы давать поменьше мяса! Все хорошие куски — себе!

МАЛЫШ — Чем же вы тогда питаетесь?

ПЕС — Обедками, которые выбрасывают... Повезло еще, что они ничего в них не смыслят, так поэтому попадается немало вкусенького. Одно плохо — у них просто мания: хорошую еду мешать со всякой гадостью — рисом, хлебом, картошкой, морковью, репой...

МАЛЫШ — А что вы скажете, если я попробую вашу кость... На вид она такая аппетитная!

ПЕС — Да-а, вид у нее что надо! Жаль только, что вид один!

МАЛЫШ — Так можно попробовать?

ПЕС /делая вид, что не слышит/ — В общем-то нельзя сказать, что она мне совсем не нравится... особенно если сравнить с пинком под зад...

МАЛЫШ — А вы человеческий язык понимаете?

ПЕС — Что? Что? Простите, что вы сказали?

МАЛЫШ — Я спрашиваю у вас позволения попробовать вашу кость!

ПЕС — Видите ли... Я не слишком люблю давать займы собственную еду...

МАЛЫШ — Ну, не проглочу же я ее! Вы и сами ее не проглотите!

ПЕС — Вполне возможно... А руки у вас хотя бы чистые?

МАЛЫШ — За кого вы меня принимаете?

ПЕС — Ладно, так и быть, берите, вот вам моя кость... А вы...

МАЛЫШ — Что я?

ПЕС — Позвольте уж и мне приложиться к вашей бутылочке, а?

МАЛЫШ — Пейте до дна: мне больше не хочется.

ПЕС — Благодарю. /Сосет/ — Ммм! А вы, оказывается, при-
вереда! Это же отличная штуковина!

МАЛЫШ — Считайте, что вам повезло.

ПЕС — Сладкая, теплая... А до чего сытная! Вон как живот
надулся... Уверен, в ней полно витаминов!

МАЛЫШ /грызет кость/ — Честно говоря, я могу вам ска-
зать то же самое... Какой запах! Какой вкус!

ПЕС — А я что говорил...

МАЛЫШ — Даже немного мяса на кончике осталось...

ПЕС — Что? /в сторону/ — Черт, надо же! Если бы я знал!

МАЛЫШ /возбужденно/ — Ммм! Вкусно-то как! И какая
шершавая... До чего приятно чешет десны!..

ПЕС /в сторону/ — Слава богу, что у него еще зубы не прореза-
лись! /Громко/ — Скажите, а вы не хотели бы...

МАЛЫШ — Чего?

ПЕС — Получить назад свою бутылочку?

МАЛЫШ — А зачем? Вы же все выпили?

ПЕС — Все.

МАЛЫШ — Ну и ладно. Можете оставить ее себе! /Опять грызет кость/.

ПЕС /в сторону/ — Нет, не видать мне моей косточки! /Тихонько скулит/.

МАЛЫШ — Что с вами?

ПЕС — Не знаю, затрудняюсь объяснить... На душе как-то смутно...

МАЛЫШ — Ужасная тоска заедает?

ПЕС — Вероятно... Жизнь отвратительна несовершенна, мир так плохо устроен!..

МАЛЫШ — А вы чего бы хотели? Мир как мир... Перестаньте думать об этом, и все пройдет! Ммм! До чего же вкусно! /Продолжает грызть кость/.

ПЕС — Ужас какой! Так он все и слопает! /Скулит громче и громче/ — И-и-и! И-и-и!

МАТЬ /входит в комнату/ — Ну, как они тут, мои лапочки? /в ужасе/ — Что я вижу?! /Отбирает кость у Малыша и бьет его по руке/ — Лизать собачью кость! Хочешь нахвататься всякой заразы!

МАЛЫШ /орет/ — Уааа! Уааа! Уааа!

МАТЬ — Ой, соска в лапах этой грязной твари! А ну, отдай сейчас же! */Бьет Пса и уходит, унося бутылочку и кость/.*

ПЕС */тявкает/* — Гав! Гав! */Пауза, оба молчат/.*

МАЛЫШ — Ушла?

ПЕС — Ушла. Больно она вас?

МАЛЫШ — Не очень.

ПЕС — Однако вы кричали.

МАЛЫШ — Я всегда кричу, так положено. Когда сильно разорешься, они перестают лупить.

ПЕС — Неужели? Вам повезло. А со мной наоборот: чем громче я ору, тем сильнее лупят.

МАЛЫШ — Да-а, трудненько вам. Я хоть и из их семейства, но пока еще моя душа не зачерствела.

ПЕС — Они невыносимые! Отвратительные! А скажите, малыш...

МАЛЫШ — Да, да.

ПЕС — Вам никогда не приходило в голову?..

МАЛЫШ — Что именно?

ПЕС — Взбунтоваться.

МАЛЫШ — Ну, конечно, приходило! Жаль, времени у меня маловато!

ПЕС — Как «маловато»?! Напротив, чего-чего, а времени у вас, людей — полно! Вы ведь живете десятки лет...

МАЛЫШ — Разумеется, но лет через 15, от силы 20...

ПЕС — И что же тогда случится?

МАЛЫШ — Я стану точно таким, как они.

ПЕС */задумчиво/* — Верно, об этом я не подумал. В общем, если рассуждать диалектически, ваша революция обречена на провал. Поскольку вы непременно предадите интересы своего класса!

МАЛЫШ — Вот именно!

ПЕС — Неправда ли, любопытно?.. Другое дело я!

МАЛЫШ — Другое, потому что вы мечтаете о революции?

ПЕС — Да так, самую малость.

МАЛЫШ — Как интересно! А могу я вас попросить, если только вы не сочтете это дерзостью, обрисовать, хотя бы в самых общих чертах, вашу революционную программу?

ПЕС — Все проще простого: для начала все собаки должны объединиться. Кстати, наше движение организуется под лозунгом: «Шарики всего шарика, объединяйтесь!»

МАЛЫШ — Что же дальше?

ПЕС — А дальше, в назначенный день, мы перегрызем всех хозяев.

МАЛЫШ — И хозяек, и их детей, не так ли?

ПЕС — Естественно.

МАЛЫШ — А малышей?

ПЕС — Малышей? Хм... Малышей... Честное слово, я как-то о них не подумал.

МАЛЫШ — Но я, с вашего позволения, думаю о них!

ПЕС — Хм, малыши... Что ж, Малыши... нам не помеха... пока они малыши...

МАЛЫШ — А потом?

ПЕС — А потом? Посмотрим! Если окажутся послушны, услужливы, не будут рваться к власти, мы их в нашей будущей Собачьей республике... Вторым сортом.

МАЛЫШ — Не пойдет.

ПЕС — Что вы сказали?

МАЛЫШ — Не пойдет, говорю. Как только эти наши весьма почитаемые граждане подрастут, они взбунтуются и никого из вас не пощадят!

ПЕС — Ничего себе! И это говорите вы?!

МАЛЫШ — Я знаю, что говорю. Я же из их числа.

ПЕС — Но тогда... вы что, советуете мне загрызть заодно и всех Малышей?

МАЛЫШ — Всех до единого. Сразу же. Впрочем, ничего у вас не выйдет... Вы все равно подохнете.

ПЕС — Подохнем? С чего бы?

МАЛЫШ — С голоду.

ПЕС — Еще что? Не-ет, у нас найдется, что поесты!

МАЛЫШ — Что же именно?

ПЕС — Все!

МАЛЫШ — Как это «все»?

ПЕС — Все, что люди для себя сберегли: сытное мясо, вкусный сахарок...

МАЛЫШ — А где мясо брать будете?

ПЕС — Где-где? Где они, там и мы: у животных!

МАЛЫШ — Ну, а когда всех животных слопаете?

ПЕС — Сахарок останется, а он питательный...

МАЛЫШ — А сахар откуда возьмете, если всех людей перегрызете?

ПЕС — Не знаю... С неба упадет...

МАЛЫШ — Сахар с неба не падает.

ПЕС — А где он растет? Вы же его откуда-то берете...

МАЛЫШ — Не знаю и знать не хочу! Но на вашем месте я бы попытался это выяснить, прежде чем начинать революции!

ПЕС */в ярости/* — О, черт! Как вы мне надоели! Мне ведь известно, для чего вы все это говорите! Стараетесь меня запугать!

Подорвать мои моральные устои, сломить боевой дух! Враг!

Предатель! Иуда! Какая несправедливость! Я протестую! Меня

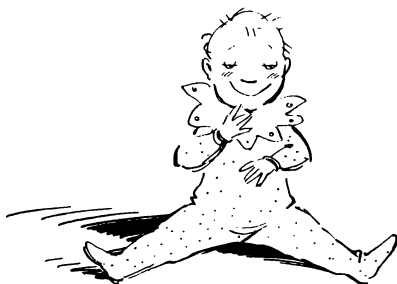
мучают! Сей мир — обитель слез! Приют ужасов! Айу! Айу! Айу!

МАТЬ */войдя в комнату/* — Это еще что такое?! Дашь ты ему поспать спокойно, мерзкая тварь? */Бьет пса и выгоняет/*.

ПЕС */исчезает, таякая/* — Айу! Айу! Айу! */Лай его постепенно затихает/*

МАТЬ — Ах ты, моя лапочка! Даже не проснулся! */Целует малыша и тихонько выходит/*

МАЛЫШ */в одиночестве/* — Вот глупая!

ТЕЛЕФОНЫ, ТЕЛЕФОНЫ...

Сценка для двух участников

На сцене два стола, два стула.

На каждом столе по телефонному аппарату. Стоят ОН и ОНА.

ОН — Надеюсь, вам все ясно, мадемуазель Нищета? Шефа сегодня нет, нам поручено его замещать. Я должен кое-куда позвонить... А вы тем временем отвечайте на звонки.

ОНА — Договорились, г-н Стриж... А что ответить, если спросят, чем занят шеф?

ОН — Он за городом, открывает охотничий сезон. Вы же знаете — наш шеф заядлый охотник...

ОНА — И после охоты несет...

ОН — Всякую дичь. Но сообщать об этом не обязательно. Итак, все, что сможете, уладьте немедленно. Все, что невозможно, берите на карандаш, дабы завтра утром сообщите обо всем господину Пороку по его возвращении.

ОНА — Хорошо, г-н Стриж. */Звонит один из телефонов/*.

ОН — Вот началось. Садитесь и отвечайте. А я пока... */Садится за другой стол, снимает трубку и набирает номер/*.

ОНА — Да? Да... Да... Да... Нет, не г-н Порок.

ОН — А господина Невозможного можно?

ОНА — Я его секретарь, мадемуазель Нищета.

ОН — Говорит г-н Стриж.

ОНА — К сожалению, его сегодня не будет.

ОН — Простите, но я ведь все-таки Стриж, а не какой-то Чиж-чирик с Фонтанки! Извольте сказать, где он?

ОНА — Затрудняюсь ответить... Кажется, на охоте, занят всякой дичью.

ОН — Понятно, да ему разве в первый раз, что ли? Впрочем, быть этого не может!

ОНА — Вы же сами понимаете, что бывает, когда занимаешься всякой дичью...

ОН — Полно вам, право, что это вы все — дичь, дичь? Можно мне все-таки поговорить с господином Невозможным?

ОНА — Думаю, вам это удастся не раньше завтрашнего утра!

ОН — Алло! Г-н Невозможный? А? Что? Прошу прощения, но...
на каком языке вы говорите?!
ОНА — Я вас слушаю! Я вас слушаю!
ОН — Ду ю спик англиш?
ОНА — Простите, не поняла.
ОН — Шпрехен зи дойч?
ОНА — Пожалуйста, повторите.
ОН — Леи парля итальяно?
ОНА — По правде говоря, я вас очень плохо слышу...

ОН — Парле ву франсе?
ОНА — Только не кричите! Почетче, повнятнее, вот и все!
ОН /в бешенстве/ — Дубина, дубина и еще раз дубина!
ОНА — А! Наконец-то! Вот теперь все понятно. Секундочку,
я только запишу...
ОН — Дубина, говорю!

ОНА — Два «д» или одно?

ОН — Дважды дубина!

ОНА — Не волнуйтесь, я все записала! Передам без единой ошибки!

ОН — Идите к черту!

ОНА — Хорошо! Дайте адрес!

ОН — К черту! К черту! — говорю. */Вешает трубку/*.

ОНА — Сказать, что послали туда вы? Спасибо! До свидания! */Вешает трубку/*.

ОН — И откуда взялся этот проходимец? Не знаешь языка — сиди и не вылезай! */Ей/* — А у вас как? Все в порядке?

ОНА — Да, телефонограмма для шефа.

ОН — Дайте-ка взглянуть... */Берет листок/* — Прекрасно, положим ему на стол. Завтра придет и разберется. А теперь мне нужен г-н Грех.

ОНА — Тот, что задолжал нам кругленькую сумму?

ОН — Он самый.

ОНА — Поздравляю! То-то получите удовольствие! Боюсь, он вам дорого обойдется.

ОН — И я боюсь. */Набирает номер/* — Алло, г-н Грех? Стриж беспокоит...

ОНА */звонит телефон, снимает трубку/* — Алло!

ОН — Нет, г-н Грех, скрыться вам не удастся...

ОНА — Его нет. У телефона секретарь.

ОН — Я же вам сто раз говорил: Я — Стриж! Стриж, а не чирик с Фонтанки! И ничего я не пил! Мне нужен господин Грех.

ОНА — Если хотите, передайте все мне — его нет.

ОН — Это, как всегда, ложь!

ОНА — Уверю вас, я не лгу, его действительно нет!

ОН — Но дело-то не в этом! Вы и сами прекрасно знаете!

ОНА — Скажите же, наконец, что вам нужно?

ОН — А вы не догадываетесь! Я требую вернуть деньги, которые вы нам должны вот уже два с половиной года!

ОНА — Что-что? Каким голосом? И вовсе это не он! И не своим голосом! */Ему/* — Потихе, он принимает вас за шефа.

ОН */говорит тише/* — Да, наши деньги, которые вы все обещаете, но не возвращаете! */Кричит/* — А? Что вы сказали?

ОНА — Да нет, повторяю вам, это не он!

ОН — Ах, не господин Грех?! Ну да, рассказывайте! Знаю я вас!

ОНА — Да говорю же, его нет! Что вам от меня надо? Не могу же я его из воздуха сотворить ради вашего удовольствия!

ОН — Ну, хорошо, хорошо.. Продолжайте играть в прятки! Но вы о нас еще услышите! */Вешает трубку/*.

ОНА — Можете верить, не верить — мне безразлично! Вам больше нечего сказать? В таком случае, прощайте! */Вешает трубку/*.
 ОН */звонит телефон/* — Алло? */Внезапно резко пугается/* — Это ты? Ты в своем уме?!
 ОНА */звонит ее телефон, она снимает трубку/* — Алло? Это вы? Нет-нет, я пока в своем уме!
 ОН — Сколько раз я просил тебя не звонить мне сюда?!
 ОНА — Можете просить сколько угодно, это все равно ничего не изменит!
 ОН — Ну, конечно! Люблю! Неужели ты до сих пор не поняла?
 ОНА — Что за тон? Позвольте!..
 ОН — Люблю, обожаю, даже больше, чем обожаю!
 ОНА — Я не позволю, сударь...

ОН — Ну что ты хочешь услышать? Повторяю, ты для меня — единственная в мире!
 ОНА */шокирована/* — Подумать только!
 ОН — Теперь позволь мне немного поработать. Я...
 ОНА — А ну-ка повторите?!
 ОН — Нет-нет, я вовсе не хочу от тебя избавиться!
 ОНА — Это уж слишком!
 ОН — Да, моя Красная Шапочка, до вечера!
 ОНА — Грубиян!
 ОН — Моя Спящая Красавица!
 ОНА — Нахал!
 ОН — Моя Золотая Рыбка!
 ОНА — Предупреждаю, я буду жаловаться шефу! Мне платят не за то, чтобы я выслушивала всякие оскорбления!
 ОН — Да, да, целую тебя миллион раз! Муам, муам! До вечера! */Вешает трубку/*.

ОНА — Негодяй! */Вешает трубку и рыдает/*.

ОН — Что такое?

ОНА — Мерзавец! Он оскорбил меня!

ОН — Кто?

ОНА — Ах! Если бы я знала!

ОН — Даже имени не назвал? Ну, тогда вы его никогда не увидите, бедное мое дитя!

ОНА — Какое несчастье — служить ради куска хлеба!.. Вы не знаете, за что он меня так?

ОН — Нет! Не знаю и знать не хочу! Мне надо звонить Господину Голодное Брюхо. */Набирает номер/*.

ОНА — Он не поверил, что господина Порока нет на месте, и сказал мне... */Звонит ее телефон/*.

ОН — Отвечайте, отвечайте же!

ОНА */всхлипывает и снимает трубку/* — Алло!

ОН — Алло! Господин Голодное Брюхо?

ОНА — Нет, его сегодня не будет. Но, если хотите, можете передать все мне...

ОН — Будьте добры, господина Голодное Брюхо... */в сторону/* — Вот тебе и на! Глухо!

ОНА */записывает/* — К мадемуазель Ученье?

ОН — Говорю по буквам: Григорий, Ольга, Леонид, снова Ольга...

ОНА — Да-да, я записываю, слушаю вас... Простите, кто?

ОН — Борис, Роман, Юрий, Харитон...

ОНА — Да что вы? Разве у телефона не мадемуазель Ученье?

ОН — Как?! Это вы?! Отлично! Нам бы только сговориться... Вас беспокоит господин Стриж!

ОНА — Госпожа Повторенье? Какая госпожа Повторенье? Ага! Понятно! Мать мадемуазель Ученье!

ОН — Нет-нет! Не Мышь, а Стриж!

ОНА — Ничем не могу помочь, уважаемая! Если ваша дочь с нами свяжется, я ей все передам, для того я здесь и сижу!

ОН — Да не Шиш! Стриж! Семен, Тарас, Рауль...

ОНА — Я не говорила, что вы — Нуль... Это наш сотрудник, он тоже разговаривает по телефону!

ОН — Ипподром, жалюзи... жалюзи, говорю! Жуткие, раз вам так угодно!

ОНА — Но если ваша дочь не должна связываться с моим шефом, то не допускайте этого... Ваше дело!..

ОН — стакан, титан, роман, Иван, жупан,.. Еще? Жиган, жакан... К черту! С меня хватит! */Вешает трубку/*.

ОНА */очень любезным тоном/* — Сударыня, пятнадцать минут назад я уже выслушала достаточно оскорблений от одного абонента, пожелавшего остаться неизвестным, и глупостей от вас

выслушивать не желаю! Именно! От вас! Прощайте! Будьте здоровы! /Вешает трубку/.

ОН — Bravo! Примите мои поздравления!

ОНА — Вы о чем?

ОН — Стоит шефу узнать, каким тоном вы отвечаете клиентам...

ОНА — А вы намерены...

ОН — Непременно ему об этом сообщить. Это мой долг!

ОНА — Вы правы. В свою очередь, я, разумеется, сообщу ему, что вы обозвали дубиной Господина Невозможного за то, что он не говорит по нашему...

ОН — Ну, это я пошутил...

ОНА — А также г-на Голодное Брюхо, за его глухоту...

ОН — Только для смеха...

ОНА — А когда он узнает, что к вам сюда звонит Красная Шапочка...

ОН — Мадемуазель!..

ОНА — И Спящая Красавица...

ОН — Я запрещаю Вам!..

ОНА — И Золотая Рыбка...

ОН — Моя личная жизнь касается только меня!

ОНА — То-то и оно! Стоит шефу узнать, что вы занимаетесь своей личной жизнью в рабочее время, на рабочем месте...

ОН /кричит/ — Прекратите, мадемуазель! Я ни секунды здесь не останусь.

ОНА /кричит/ — Я тоже! Тем более в одной компании с господином, который позволяет себе...

ОН — ...С дамой, которая себе позволяет...

ОНА — ...Разговаривать со мной в подобном тоне! Ни секунды!

Они выходят поодиночке.

Вслед им звонят одновременно оба телефона.

Они поспешно возвращаются, вновь усаживаются и снимают трубки.

ОН /раздраженно/ — Алло! Да!

ОНА /раздраженно/ — Алло! Да!

ОН — Да!

ОНА — Да!

ОН — Нет!

ОНА — Нет!

ОН — Да, нет!

ОНА — Да, нет!

ОН — Что ж, я согласен!

ОНА — Приятно слышать!

ОН — Прощайте, мадемуазель!

ОНА — Прощайте, месье!

Одновременно вешают трубки, смотрят друг на друга
и дружно поворачиваются спинами.

ТЕЛЕШУТКИ

Сценка для четырех участников

Участствуют: ПАПА, МАМА, маленькая УРСУЛА и ведущая телепередачи /назовем ее ТЕЛЕТЕТЯ/. На сцене, слева, сидит в кресле МАМА и читает книгу. Справа, в другом кресле, сидит ПАПА и читает газету. Посреди сцены, на полу, расположилась УРСУЛА: она смотрит телевизор. Актриса, исполняющая роль Телетети, стоит на коленях за щитом, изображающим телевизор. В прямоугольнике экрана видно только ее лицо.

ТЕЛЕТЕТЯ — Сегодня, в 20.00 смотрите важное контрвью г-на Сюды — Министра Акварельных красок, ручек и штучек-дрючек — с г-ном Туды — депутатом от Тридесятого департамента. В 21.00 мы будем демонстрировать художественный фильм «Тетеря против Фантомаса». Режиссер — Иван Дурак. Тетеря — Ивонна Утютю. Фантомас — Патрик Будубуду. Именно об этом фильме Шарль Перро сказал: «Ты перестанешь щекотать мне нос?»

УРСУЛА /которая, оказывается, водит пальцем по экрану/ — Простите, что?

ТЕЛЕТЕТЯ — Я спрашиваю: Ты перестанешь щекотать мне нос?

УРСУЛА — Ну, надо же! Неужели ты чувствуешь?

ТЕЛЕТЕТЯ — А как же! Щекотно и чихать хочется!

УРСУЛА — А меня не видишь?

ТЕЛЕТЕТЯ — Конечно, вижу! Может, хватит разговоров, а? Позволь мне заняться делом! — Дорогие телезрители, просим извинить нас за эту краткую паузу, которая произошла по независящим от нас техническим причинам. В 22.30 вы сможете прослушать последние новости, подготовленные для вас мадемуазель Послухам совместно с г-ном Поу Видимости, депутатом-мэром с Набережной Туманов. В 23.00 для Друзей Природы будет демонстрироваться документальный фильм о жизни и нравах одного редкого симпатичного зверька — новозеландской древесной сардинки. По окончании, в 23.50 оркестр под управлением Игоря Тугоухо исполнит Пятидесятую фантазию для

фортепиано с оркестром Людвиг ван Дудки с участием всемирно известной пианистки Ядвиги Рояль. Великий Шекспир так отозвался об этом шедевре: «Ты перестанешь, наконец, тыкать мне пальцем в глаз»?

УРСУЛА — Ну, уж это враки! Не можешь же ты и впрямь меня видеть!

ТЕЛЕТЕТЯ — Это почему же?

УРСУЛА — Потому, что тебя здесь нет!

ТЕЛЕТЕТЯ — Да? Меня здесь нет? Ну что ж, ты сама этого захотела! А теперь, дорогие телезрители, позвольте мне сделать несколько коротких сообщений. Сегодня, в 14.30 Президент страны созвал Совет Министров с целью обсуждения важного вопроса о Пипи-каках...

УРСУЛА — А?

ТЕЛЕТЕТЯ — Итоги заседания держатся втайне, не опубликовано ни одного отчета... В 15.58 в квартале Грейп-фрут, в самом центре Парижа, был произведен шумный арест восемнадцатилетнего торговца наркотиками, в машине которого обнаружено 50 кг сырых пипи-каков...

УРСУЛА /кричит/ — Папá! Папá!

ПАПА /«вынырнув» из-за газеты/ — Да-а-а.

УРСУЛА — Тетя из телевизора...

ПАПА — И что же она?

УРСУЛА — Она только что сказала — «Пипи-каки»!

ПАПА — Ты дашь мне спокойно почитать, а? /Вновь ныряет в газету/.

ТЕЛЕТЕТЯ /пока Папа с дочкой разговаривали, она беспрестанно шевелила губами/ — Г-н Демосфен Проспер Жюль де ля Труляля награжден Гонкуровской премией за свой новый роман «Конец пипи-каков».

УРСУЛА — Мамá! Мамá!

МАМА — Что, дорогая?

УРСУЛА — Тетя из телевизора...

МАМА — Ну...

УРСУЛА — Она сказала — «Пипи-каки»!

МАМА — Что за выражения?! И не стыдно?! Такая большая девочка!

УРСУЛА — Но это же не я, а та тетя! В третий раз она говорит «пипи-каки»!

МАМА — Ну хватит! Хватит! Успокойся! /Опять читает/.

ТЕЛЕТЕТЯ — А теперь сообщения о погоде. Завтра утром будет пасмурно, однако к полудню погода прояснится. К сожалению, вечером циклон, идущий к нам из Тропической Сибири, достигнет

побережья Швейцарии, в связи с чем огромное количество пипи-каков выпадет в Нормандии, Парижском районе и в долине Луары...

УРСУЛА — Мама! Мама! Опять пипи-каки!

МАМА — Я же просила — успокойся!

УРСУЛА — Это все телететя, мама! Она только и твердит: «Пипи-каки да пипи-каки»! Кругом одни пипи-каки!

МАМА — Перестанешь ты или нет? /Дает ей подзатыльник/.

УРСУЛА /плачет/ — А-а-а! А-а-а!

ПАПА — Ну что случилось?

МАМА — Не знаю, что на нее сегодня нашло, она просто невыносима!

УРСУЛА /плачет/ — Это-а-а-а, а-а-а она -а-а-а- уже четыре раза о пипи-каках-а-а-а!

ПАПА /обращаясь к Маме/ — Не стоит так нервничать, дорогая...

МАМА — Но ты же не слышишь! Слышишь?

ПАПА /обращаясь к Урсуле!/ — Будь добра — замолчи и успокойся! Ты меня доведешь — отдеру как сидорову козу и отправлю спать.

ТЕЛЕТЕТЯ /все это время шевелит губами/ — Пипи-каки! Пипи-каки! Ну что, убедилась? Нет меня здесь?

УРСУЛА — Я с тобой больше не разговариваю. Ты злая.

ТЕЛЕТЕТЯ — Злая? Почему? Мы же шутим...

УРСУЛА — Тебе шутки, а мне шишки — от мамы подзатыльник получила!

ТЕЛЕТЕТЯ — За что?

УРСУЛА — Да ни за что. И папа мне пригрозил...

ТЕЛЕТЕТЯ — Чем пригрозил?

УРСУЛА — Отодрать как сидорову козу.

ТЕЛЕТЕТЯ — И прощения не попросил?

УРСУЛА — Еще чего. Попросил! Он и отдерет, не постесняется...

ТЕЛЕТЕТЯ — Тогда все меняется!

УРСУЛА — Что меняется?

ТЕЛЕТЕТЯ — Теперь я за тебя! А они еще пожалеют, что тебя обидели!

УРСУЛА — Кто пожалеет? Родители?

ТЕЛЕТЕТЯ — Твои мучители!

УРСУЛА — Знаешь, я не очень обиделась... Я их все-таки люблю! Так что ты их не очень-то обижай...

ТЕЛЕТЕТЯ — Не причиню им никакого зла, но пусть они знают... Подойди-ка поближе, я кое-что шепну тебе на ушко!..

УРСУЛА — Ага... */Подходит к телевизору/*.

ТЕЛЕТЕТЯ — Сначала... */шепот/*

УРСУЛА — Хи-хи!

ТЕЛЕТЕТЯ — Потом... */снова шепот/*

УРСУЛА — Хи-хи-хи!

ТЕЛЕТЕТЯ — А под конец... */Они долго шепчутся/*.

УРСУЛА — Вот здорово!

ТЕЛЕТЕТЯ — Главное, вида не показывать! Кстати, как тебя звать?

УРСУЛА — Урсула.

ТЕЛЕТЕТЯ — Отлично, Урсула! Начинаю! */Громко/* — Мадам!

МАМА */поднимает голову/* — Да?

ТЕЛЕТЕТЯ — Вы, такая молодая, красивая...

МАМА — Да...

ТЕЛЕТЕТЯ — ...и станете еще моложе...

МАМА — Что-что?

ТЕЛЕТЕТЯ — ...и краше.

МАМА */взволнованно/* — О да! Да! Да!

ТЕЛЕТЕТЯ — ...если регулярно, перед сном, будете мыть голову...

МАМА */еще сильнее разволновавшись/* — Чем же? Чем?

ТЕЛЕТЕТЯ — ...шампунем «Пипи-каки»!

МАМА — Каким шампунем?!

ТЕЛЕТЕТЯ — Я же ясно сказала: «Пипи-каки»!

МАМА — Не может быть, у меня галлюцинации... Урсула!

УРСУЛА — Что, мама!

МАМА — Ты слышала, что сказала эта дама?

УРСУЛА — Конечно, мамá.

МАМА — Так что же сказала дама?

УРСУЛА — Она сказала про шампунь для волос.

МАМА — Ну да, но тебе ничего не показалось странным?

УРСУЛА — Нет, мамá.

МАМА — А она случайно не произнесла...

УРСУЛА — Чего?

МАМА — Что-то вроде ...«пипи-каки!»

УРСУЛА /потрясена/ — О, мамá! И не стыдно! В твоём-то возрасте!

МАМА — Скажи прямо — говорила она или нет?

УРСУЛА — Конечно, нет!

МАМА — Ну все, полный привет! /Вновь принимается за чтение/.

ТЕЛЕТЕТЯ /обращается к Урсуле/ — Получается?

УРСУЛА — Еще как!

ТЕЛЕТЕТЯ — Тогда продолжаю. /Громко/ — Месье!

ПАПА /оторвавшись от газеты/ — Да?

ТЕЛЕТЕТЯ — Вы такой симпатичный...

ПАПА — Хе-хе!

ТЕЛЕТЕТЯ — Такой подтянутый...

ПАПА — Я?!

ТЕЛЕТЕТЯ — Такой сильный...

ПАПА — Вот спасибо!

ТЕЛЕТЕТЯ — ... энергичный...

ПАПА — Вы так считаете?

ТЕЛЕТЕТЯ — ...деловой, разумный, бравый...

ПАПА — Вы мне льстите, право...

ТЕЛЕТЕТЯ — Да нет же... И если вы желаете стать к тому же и здоровым, удачливым, неотразимым...

ПАПА — О, да!

ТЕЛЕТЕТЯ — Вызывать зависть и уважение у мужчин, пользоваться успехом у женщин...

ПАПА — Что же, не тянете, что для этого нужно?

ТЕЛЕТЕТЯ — Терпение! Итак, пейте каждое утро...

ПАПА — Ну, ну!

ТЕЛЕТЕТЯ — По полной кружке, пипи-каки!

ПАПА — По полной кружке чего?

ТЕЛЕТЕТЯ — Пипи-каки!

ПАПА — Не может быть, я наверное, ослышался.

ТЕЛЕТЕТЯ — Может быть!

ПАПА /хватается за голову/ — Вероятно, у меня жар, я брежу? Урсула, дорогая!

УРСУЛА — Что, папá!

ПАПА — Подойди-ка сюда, малышка!

УРСУЛА /послушно/ — Да, папá.

ПАПА — Скажи... Ты только что говорила о...

УРСУЛА — О чем, папá?

ПАПА — Ты же прекрасно помнишь... Ну, что тетя из телевизора говорила тебе... скверные слова...

УРСУЛА — Прости меня, папочка! Я больше не буду!

ПАПА — Но... это правда или нет?

УРСУЛА — Неправда, папочка. Сама не знаю, что на меня нашло... Я была лгуньей, злой и грубой... Ты простишь меня?

ПАПА — Оставим это... Так она вправду не говорила... того, что ты говорила... будто она говорила?

УРСУЛА /с раскаииванием/ — Нет, она не говорила, папá...

ПАПА — Ты уверена? Ни разу? Ни единого разочка?

УРСУЛА — Ни единого, папочка...

ПАПА — А потом?

УРСУЛА — Что «потом»?

ПАПА — Сейчас...

УРСУЛА — Когда «сейчас»?

ПАПА — Разве сию минуту она не сказала?..

УРСУЛА — Сказала что, папá?

ПАПА — Слово, похожее на... /понизив голос/ на пипи-каки?

УРСУЛА /потрясена/ — Папá!!

ПАПА — Ладно, детка, иди играй... Кажется, я... того, видно мне пора бай-бай!

УРСУЛА — Еще как!

ТЕЛЕТЕТЯ — Bravo! Теперь скажи, чего бы ты хотела получить?

УРСУЛА — Я?

ТЕЛЕТЕТЯ — Ну да. Вот если бы кто-то захотел сделать тебе хороший подарок, что бы ты выбрала?..

УРСУЛА — Знаю, знаю, роликовые коньки!

ТЕЛЕТЕТЯ — Прекрасно! Теперь дело за мной! Притворись-ка, что заснула!

УРСУЛА /Идет и делает вид, что спит/.

ТЕЛЕТЕТЯ /громко/ — Дорогие папы и мамы!

ПАПА И МАМА /хором/ — Что?

ТЕЛЕТЕТЯ — Дорогие папы и мамы маленьких девочек и мальчиков! Внимание! Это для вас!

ПАПА И МАМА /вместе/ — Ах!

ТЕЛЕТЕТЯ — Согласно специальному решению Президента, принятому им совместно с премьер-министром, членами Совета Министров, Сената и Национального собрания...

ПАПА И МАМА /вместе/ — Ох!

ТЕЛЕТЕТЯ — Все дети, чьи имена начинаются на букву У...

ПАПА И МАМА /вместе/ — На У...

ТЕЛЕТЕТЯ — ... обязательно должны не позднее завтрашнего вечера получить от своих родителей хороший подарок!

ПАПА И МАМА /смотрят друг на друга/ — Подарок? Какой подарок?

ТЕЛЕТЕТЯ — Если вашего сына к примеру, зовут Урбан, а дочку Урсула...

ПАПА И МАМА /вместе/ — Урсула!

ТЕЛЕТЕТЯ — Вы обязаны завтра днем подарить им великолепные роликовые коньки на шарикоподшипниках, с переключателем скоростей, дисковыми тормозами, ветровым стеклом со стеклоочистителем, приемником, магнитофоном и автопилотом. Если до 24.00 завтрашнего дня подарок не будет вручен, провинившиеся родители будут вызваны послезавтра утром в местную мэрию, где им объявят выговор, к тому же выпорят на глазах у собственных детей-малышей и вдобавок оштрафуют на крупную сумму!

ПАПА /Маме/ — Ты слышала? Ущипни меня, не сплю ли я?

МАМА /Папе/ — Честное слово, они сошли с ума!

ПАПА — Думаешь, малышка слышала?

МАМА — Нет, к счастью, она спит.

ПАПА — Что же делать?

МАМА — Как же быть?

ПАПА — А ты, как считаешь?

МАМА — Самое разумное — послушаться совета.

ПАПА — Ты права. В нашем возрасте — «березовая каша»!..

МАМА — Да и штраф...

ПАПА — А малышка как обрадуется подарку...

МАМА — Своему ведь ребенку покупаем, не чужому...

ПАПА — Сколько они могут стоить, эти коньки?

МАМА — Понятия не имею... Сколько у тебя есть?

ПАПА /достаёт бумажник/ — Посмотрим... И взбрело же тебе в голову назвать ее Урсулой!

МАМА — При чем тут я? Так захотела твоя матушка! Если бы послушались меня, у нас бы была Эглантина! /Папа и мама постепенно отходят в глубь сцены, продолжая спорить/.

ТЕЛЕТЕТЯ /Урсуле/ — Ну что? Довольна?

УРСУЛА — Еще бы! Большое спасибо!

ТЕЛЕТЕТЯ — Ты на меня больше не сердишься?

УРСУЛА — Ни капельки.

ТЕЛЕТЕТЯ — А поцеловать меня не хочешь?

УРСУЛА — С удовольствием! Думаю, папа с мамой — тоже...

ТЕЛЕТЕТЯ — Им не до нас — деньги считают.

УРСУЛА — А я с радостью /целует Телететю/.

ТЕЛЕТЕТЯ — Что ж, дорогие телезрители, на прощанье давайте все вместе споем. Подпевайте /поет/:

— Теле-телеяди!
Теле-телетети!

Есть у вас подарки на телеработе?
Отвечают дяди,
Отвечают тети:
— Сколько захотите,
Их у нас найдете.
Для теледевчонок,
Для телемальчишек —
Тыщи телесказок,
Тыщи телекнижек!

Теперь хором еще разок. /Все четверо, и зрители вместе с ними — почему бы и нет? — поют/:

— Теле-теледяди!
Теле-телетети!
Есть у вас подарки на телеработе?
Отвечают дяди,
Отвечают тети:
— Сколько захотите,
Их у нас найдете,
Для теледевчонок,
Для телемальчишек —
Тыщи телесказок,
Тыщи телекнижек!

ГОСПОДИН ОБЖИРАЛЬ И ЕГО ДУША

Пьеса для четырех участников

По мотивам старинной французской сказки

Явление ПЕРВОЕ

САТАНА, потом ЧЕРТ

САТАНА */восседает в кресле, шея у него обмотана теплым шарфом/* — Эй! Черти! Кто-нибудь! Ко мне! Скорей! Скорей! */Ждет/* — Никого! Ни души! Ну, знаете ли! Я, Сатана, Главный дьявол ада, кричу, надрываюсь, и все без толку! А у меня ведь горло болит!.. Кхе! Кхе-е-е! За что мне все это! И что я только в аду не делал, чтобы выдержать такие испытания? Черт бы вас всех побрал, ленивые твари! Ах, черти, черти! Дьявольское отродье! Ну до чего ленивы! Нет управы на грубиянов, неслухов, надувал и гурманов! Лишь бы им... О! А это мысль! Ну, черти, держись! */Он подражает звонку колокольчика/* — Динь-длины! Динь-длины! Лопать дают!

ЧЕРТ */входя/* — Бегу! Спешу! Уже тут! А где же мой супчик?

САТАНА — Так я и думал! А лопать-то и нечего, голубчик!

ЧЕРТ — Черт побери */Собирается уйти/*.

САТАНА — Куда же ты?

ЧЕРТ — А вам-то что?

САТАНА — Совсем ты, брат, зарвался! Приказываю — стой! Кто здесь в аду, начальник?!

ЧЕРТ — Раскипятился, что твой чайник... Ну, чего вам?

САТАНА — Горло болит!

ЧЕРТ — Однако у вас и вид! Но я-то тут при чем, учитель?

САТАНА — Спасибо за внимание, мучитель! Люцифер где сейчас?

ЧЕРТ — Гитлера обжаривает.

САТАНА — Отлично! А Мефистофель?

ЧЕРТ — Сталина обваривает.

САТАНА — Что ж, не станем его отвлекать! Ну, а Вельзевул?

ЧЕРТ — Вельзевул? Он кипятит, кипятит...

САТАНА — Все понял! В общем, дело на месте не стоит!
ЧЕРТ — Да, стряпни хватает... Кандидатов на жарку и варку не убывает!
САТАНА — Ну и прекрасно! А ты? Что делаешь ты, я не знаю!
ЧЕРТ — Я? Я в отпуске! Отдыхаю!
САТАНА — Отдыхаешь, значит? И надолго твой отпуск, как считаешь?
ЧЕРТ — Э-э-э... Боюсь, что нет!
САТАНА — Молодец! Правильный ответ! У меня есть для тебя дело!
ЧЕРТ — Я, видите ли, страшно ленив!
САТАНА — Знаю! Лени твоя мне вот как надоела!
ЧЕРТ — И недотепа к тому же...
САТАНА — Ну и что? Подумаешь!
ЧЕРТ — Думать тоже не умею — глуп! Ужасно глуп! И трушу!
САТАНА — Велика важности! Может, ты меня, наконец, выслушаешь?!ЧЕРТ — Да я же еще глух, как тетерев!
САТАНА /в сторону/ — Ох, обманщик! Ну, погоди! /Громко/ — Раз он глух, пусть хорошенько парком подышит! Столкнуй его быстренько в большой котел!
ЧЕРТ — Расслышал! Расслышал!
САТАНА — Я так и думал... Ну, так слушай дальше: отправляйся на землю и отыщи мне там душу, свеженькую, тепленькую душу для моего большого горлышка.
ЧЕРТ — Больного горлышка?
САТАНА — Ну да, глупый чертушка! Когда меня горло донимает — а такое со мной часто бывает, — мне нужно проглотить душу, душу свежего покойничка, и я тотчас выздоравливаю.
ЧЕРТ — Да где же я вам ее возьму, эту душу? Что-то не улавливаю!
САТАНА — А я тебе скажу, лапочка! Вот визитная карточка. Спросишь по этому адресу г-на Обжирала. Он славный человек, добряк, каких мало, кто бы в долг ни попросил — отказа не бывало...
ЧЕРТ — Стало быть, раззява. Это надо же — всем в долг давать! Что он, право!
САТАНА — Однако, на наше счастье, у него есть большой грех. Ты, надеюсь, догадываешься, какой?
ЧЕРТ — Догадываюсь? Я? Откуда?
САТАНА — А ты сообрази: Обжираль... ну... Обжираль... Не имя — чудо! Ничего оно тебе не говорит?
ЧЕРТ — Да нет.
САТАНА /в сторону/ — Никак не сообразит! Видно, и в самом

деле глуп как пробка! /Громко/ — Поесть он любит, этот Обжираль, и все тут! Сейчас он как раз за стол садится. Самое время к нему явиться! И раззадорить его, чтобы ел побольше! Обьестся и помрет от обжорства. Точнее, от заворота кишок. А ты его душу цап — и за порог!

ЧЕРТ — Понял! Понял! Попробую!

САТАНА — Однако смотри в оба! Ангел-хранитель станет его убеждать: ты, мол, черта не слушай, много не кушай... И ты тут...

ЧЕРТ — Сверну шею! Он и капут!

САТАНА — Кому? Ангелу? Да ты в своем уме?

ЧЕРТ — А в чем же? Шеи отвертывать — это по мне!

САТАНА — Да нет у нас такого права, чтобы ангелам шеи отворачивать!

ЧЕРТ — Нет так нет! Но как же мне тогда Обжиралья одурачивать?

САТАНА — Пусть ангел себе поет, силы тратит. У нас же как-никак демократия! Но и ты смотри не молчи! Вот и поглядим, чьи убеждения лучше. Вернешься без души — кипеть тебе в котле!

ЧЕРТ — Нет! Только не в котле! Уж лучше жариться на вертеле! О, Сатана, зачем меня терзаешь?!

САТАНА — Зато в случае успеха ты получаешь...

ЧЕРТ — Что? Что я получаю?

САТАНА — Удовлетворение от успеха!

ЧЕРТ — И только-то? Вот потеха!

САТАНА — В общем, так: уморишь Обжиралья, посидишь возле него, ожидая, пока он отходит, не давая ему покаяться и от своего греха избавиться, а его последний вздох соберешь вот в этот пузырек — и тотчас назад — ко мне в ад!

ЧЕРТ — А вздох — это его душа и есть?

САТАНА — Ну, конечно! Так ты все понял?

ЧЕРТ — Все, ваша честь! Бегу со всех ног!

САТАНА — Куда же он? Ведь пузырек-то не взял... Эй! Вернись! Вернись! Кхе-е... Умчался! Тем хуже для него! Зачем мне глотку драть?! Сам виноват! Не будет забывать!

Явление ВТОРОЕ

ОБЖИРАЛЬ, ЧЕРТ и АНГЕЛ

ОБЖИРАЛЬ /сидя за столом/ — Ах, как вкусно пахнет! Какие сливки! Какой крем! Вот уж поем так поем!

АНГЕЛ — Смотри, Обжираль, не объешься!

ЧЕРТ — Не слушай, пернатого, Обжираль, как следует заправляться!

АНГЕЛ — Переедать опасно!
ЧЕРТ — Переедать прекрасно!
АНГЕЛ — У тебя может быть несварение...
ЧЕРТ — Вранье — вот мое мнение!
АНГЕЛ — Апоплексический удар...
ЧЕРТ — Да у него, видать, жар!
АНГЕЛ — Удушье...

ЧЕРТ — Неправда! Не слушай!
АНГЕЛ — Цирроз...
ЧЕРТ — Это еще вопрос!
АНГЕЛ — Заворот кишок...
ЧЕРТ — Мелет — черт знает что! И не стыдно так врать человеку, жалкий гусь?!
ОБЖИРАЛЬ /мечтательно/ — Странно, я как будто... колеблюсь!
АНГЕЛ — Не слушай, нечистого, Обжираль! Ешь-то ешь, но не передай! Жизнь твоя на волоске! Берегись!
ОБЖИРАЛЬ — Что-то подсказывает мне: ешь поменьше, воздержись!
ЧЕРТ — Глянь-ка, Обжираль, на эти пирожные! Разве можно дать им пропасть, когда китайские и эфиопские малыши умирают с голоду... Нет, это было бы просто подло.
ОБЖИРАЛЬ — В то же время кто-то так и нашептывает мне поднажать...
АНГЕЛ — Умерь свой зверский аппетит!
ЧЕРТ — Ешь, пока шапка не слетит!
АНГЕЛ — Ты и так уже блестяшь, словно сало!
ЧЕРТ — Коли помрешь — все пропало!

ОБЖИРАЛЬ — Чему быть — того не миновать! Не будем случая упускать! Ведь если я помру, все пропадет! Ам, ам, ам, ам...
/Он жадно ест/.

АНГЕЛ — Меня он слушаться не желает!

ЧЕРТ — Вот это да! Как уминает!

АНГЕЛ — Одну тарелку уже вылизал! Готово!

ЧЕРТ — Блестит тарелка, честное слово!

АНГЕЛ — Больше не подкладывай! Это не шутки!

ЧЕРТ — А я только и жду этой минутки! Подбавь-ка себе еще, бездельник!

АНГЕЛ — Увы! Он опять схватил вареник! Два! Три!

ЧЕРТ — Bravo, Обжираль, жми! А теперь тяпни винца!

АНГЕЛ — Постой! Не смей!

ЧЕРТ — Давай, давай! Допивай-ка эту бутылочку до конца!

АНГЕЛ — О, ужас — он ее допивает!

ЧЕРТ — А теперь сырку, на десерт!

АНГЕЛ */рыдая/* — Несчастный! Он себя убивает! Бедняга погряз в грехе обжорства!

ЧЕРТ — Ты это всерьез? Без притворства?

АНГЕЛ — Какое притворство?! Я в этом уверен!

ЧЕРТ — Мерси! Но где пузырек, что мне доверен?

/Ищет/ — Черт подери! Забыл! Придется спускаться в ад!

АНГЕЛ — Там тебе и место! Спускайся в свой ад и не вздумай возвращаться назад!

ЧЕРТ — Тебя не спросили, гусь! А ты, милоч, лопай, пока я не вернусь!

Явление ТРЕТЬЕ

ОБЖИРАЛЬ и АНГЕЛ

АНГЕЛ — Постой, Обжираль! погоди! Не кушай! Меня послушай!.. Нет, ничего с ним не поделаешь! Коли он вошел в раж, его... Нет! Только не вино! Ах! Выпил! Ну теперь уже все равно. За сыр опять взялся! Только бы до пирога не добрался!.. Ай! Съел кусок! Второй! Подпирога! Весы! И как он может столько есть?! И снова ест, и снова пьет... Ну, наконец-то! Встает! О боже, ну и вид!

ОБЖИРАЛЬ */встает, пошатываясь/* — Что со мной? Отчего у меня живот болит?

АНГЕЛ — И ты еще спрашиваешь, бедняга? Ну, ничего, бедолага! Покрепче на меня обопрись... Вот так... А теперь ложись...

ОБЖИРАЛЬ — Мой добрый ангел, ты ли это?

АНГЕЛ — Похоже, что я. Признал меня, наконец?

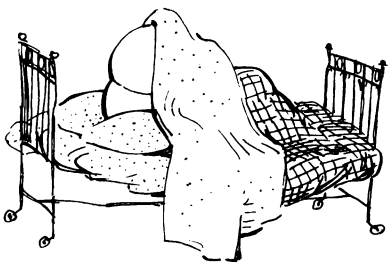
ОБЖИРАЛЬ — А где ты был? Почему я тебя не видел?

АНГЕЛ — Глупец! Я все время был рядом с тобой.
ОБЖИРАЛЬ — Но я тебя не видел, постой...
АНГЕЛ — Не видел, потому что не желал.
ОБЖИРАЛЬ /укладываясь/ — Как мне плохо, если бы ты знал!..
АНГЕЛ /помогает ему лечь/ — Знаю, знаю...
ОБЖИРАЛЬ — Что со мной?
АНГЕЛ — Полігаю, ты слишком много съел и выпил много...
ОБЖИРАЛЬ — Сердце! Дыханье сперло! Тошнит! Изжога!..
К чему бы это?
АНГЕЛ — Да к тому, что ты сейчас помрешь!
ОБЖИРАЛЬ — Ну нет! Этак помереть ни за грош?!
АНГЕЛ — Пожалуй, есть за что! Непременно помрешь!
ОБЖИРАЛЬ — И ты меня на небо унесешь?
АНГЕЛ — Какое небо? Ты что, спятил? Не я, а Черт тебя унесет!
ОБЖИРАЛЬ — И он сейчас за мной придет?! Но почему? Ты, верно, надо мной смеешься?
АНГЕЛ — Помрешь — ты от обжорства! А обжорство — это смертный грех! Какой тут может быть смех!
ОБЖИРАЛЬ — Но я же не хочу помирать! Ангелочек, миленький, помоги мне — и я больше никогда не буду грешить!
АНГЕЛ — Верно, не будешь! Если бы и захотел!
ОБЖИРАЛЬ — Нет-нет! Я другое в виду имел! Я тебя огорчал, понимаю. И страшно теперь переживаю... Я раскаиваюсь, вот!
АНГЕЛ — Правда? Тогда дело принимает другой оборот!
ОБЖИРАЛЬ — Правда, правда! Я люблю тебя так сильно! О, мой брат, мой друг, единственный и любимый! Не отдавай меня никому!
АНГЕЛ /расстрогавшись/ — Хорошо, хорошо, если ты не врешь. я тебе помогу. /Что-то ищет/ — О, боже! Нет, это видно, рок!
ОБЖИРАЛЬ — Что случилось?
АНГЕЛ — Понимаешь, забыл в раю пузырек... Придется за ним слетать!
ОБЖИРАЛЬ — Не заставляй меня одного здесь лежать! Мне страшно! Того и гляди, вернется Черт!
АНГЕЛ — И впрямь вернется... Ага, придумал!
ОБЖИРАЛЬ — Что же?
АНГЕЛ — Укладывайся задом наперед!
ОБЖИРАЛЬ — А это как?
АНГЕЛ — Вот так: суй голову под одеяло, да поглубже!
ОБЖИРАЛЬ — Ничего не вижу! Задыхаюсь!
АНГЕЛ — Терпи! Нашел время капризничать! А ну, на бок повернись!.. Зад клади на подушку... ноги подогни и весь сожмись!

ОБЖИРАЛЬ — И долго мне так лежать?

АНГЕЛ — Придется меня подождать! Ты, главное, не шевелись!

ОБЖИРАЛЬ — А если Черт вернется?

АНГЕЛ — Замри и мертвым притворись!

ОБЖИРАЛЬ — Ах, ради бога побыстрее! Умоляю!

АНГЕЛ — Сам знаю!

Явление ЧЕТВЕРТОЕ

ОБЖИРАЛЬ (лежит) и ЧЕРТ

ЧЕРТ /вернувшись/ — Ну, все в порядке, пузырек при мне... Батюшки! А Обжирал-то и нет! Куда же он подевался! Никак смылся! И Ангел будто испарился! Куда же он? И его искать? Ага! Заглянем в кровати! Красота! Нисколько не опоздал! Возьму тепленьким — и к папе-Сатане! А ну, Обжираль, подойди ко мне! У меня есть для тебя известие: сейчас мы с тобой отправимся в хорошенькое путешествие... О черт! Во что же он превратился?! Едва узнал, так страшно изменился! Раздулась голова... ни глаз... ни носа... ни ушей... Отныне одни толстущие щеки и рот посредине... И тот теперь идет не поперек, а вдоль! Ой! Надо же. Так вот в чем соли! Так это и есть несварение? Да-а... Без сомнения, пренеприятная это штука. Однако мне-то за что мука?!... Обжираль! Эй, Обжираль! Не упрямясь! Вздохни, а я поставлю пузырек... Ну! Решайся! Один-единственный легкий вздох — и душа твоя — ох! С пылу, с жару угодит в глотку г-ну Сатане. Не противься, отныне твоей судьбой распоряжаться

мне! Ну, дуй же, дуй! */Оглушительный треск/* — Есть! Готово! Поскорее завинтим крышку снова! Теперь назад в ад. Сатана будет очень рад!

Явление ПЯТОЕ

САТАНА сидит в кресле, ЧЕРТ.

САТАНА — Кхе! Кхе! Горло болит, сил нет... Куда же подевался этот шкет? И чего возится? Если через пять минут он не явится с душой Обжираля, я его прикажу... А! Наконец-то, явился — не запылелся!

ЧЕРТ — Порядок, ваша честь, пузырек при мне!

САТАНА — Давай сюда! Да ты в своем ли уме?! Так умудрился крышку завинтить, что и сатане ее не открыты! Нет, никак...

ЧЕРТ — Давайте я помогу! Ведь я боялся, что Обжираль улетучится... Давайте, давайте, не мучайтесь!

САТАНА — Нет уж! Ты, недотепа, упустишь!.. Ну, была не была! Ага! Наконец-то Пошла!

ЧЕРТ — Пошла?!

САТАНА — Потихоньку — полегоньку... Главное в таких случаях — вытянуть всю душу разом, на вдохе, хорошенько прочистить гортань, миндалины, трахею, бронхи... Внимание: раз, два, три! */Он глубоко втягивает в себя воздух, напрягает силы, затем начинает отчаянно кашляет/* — Ох! Ух! Кха! Кхи!

ЧЕРТ — Что с вами, ваша честь?

САТАНА — Свинья! Подлец! Да это, верно, чья-то месья! Ты что мне приволок?!

ЧЕРТ — Последнее дыхание Обжираля, его последний вздох...

САНАТА — Вернее сказать — его вонючий дух!

ЧЕРТ — Да нет же, нет! Зачем мне врать?! Он испустил вздох...

САТАНА — Ветры он испустил, ветры! Ух! Ох!.. Но ты ведь ничего не видел, нет?..

ЧЕРТ */внезапно сообразив/* — Так вот в чем секрет! Вот почему такой огромный рот!

САТАНА — Не рот, а задница, идиот! Промой-ка пузырек и марш к нему скорее! Пока он жив, быть может еще успеем...

ГОЛОСА ОБЖИРАЛЯ И АНГЕЛА */их самих не видно/* — Опоздал! Опоздал!

САТАНА — А? Что?

ГОЛОСА */напевают/:*

Опоздал! Опоздал!
Душу богу он отдал!

САТАНА */в ярости/* — Что такое?!

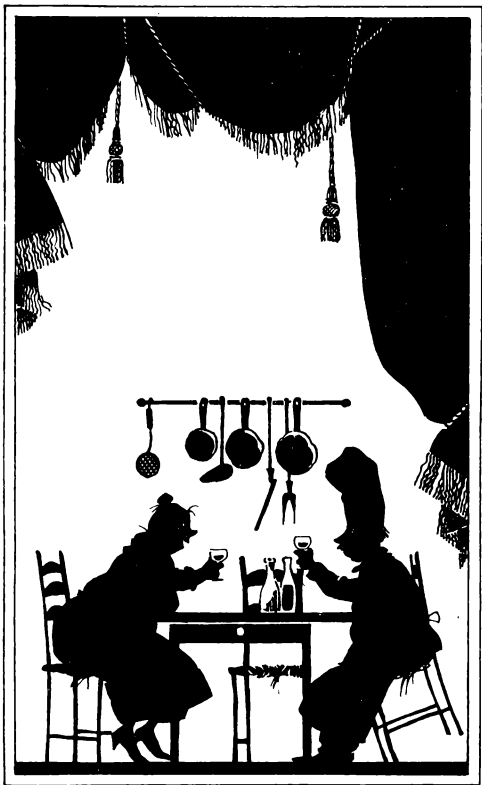
ГОЛОСА */напевают/*:

Обжираль давно в раю,
Где смеются и поют!
А у черта дело плохо —
Как ни ахай, как ни охай!

САТАНА */вне себя грозит кулаком небу/* — А-а-а!

Вот оно что! А-а-а! Ну, конечно! Очень смешно! А-а-а! Можете смеяться!

ЧЕРТ — Пора смываться! Неохота мне кипеть в котле! */Уходит на цыпочках/*.

СТО ЛЕТ НА ФРАНЦУЗСКОЙ КУХНЕ

Сценка для пяти участников

Сцена изображает кухню. На переднем плане — стол, заставленный бутылками, стаканами, и три стула.

Повар г-н ЭРНЕСТ и повариха г-жа ДЕНИЗА выпивают, сидя за столом. На заднем плане туда-сюда снует ПОВАРЕНОК, принося и унося то одно, то другое.

ДЕНИЗА — Та же история и со мной! Ну прямо в точности! Представьте себе...

ЭРНЕСТ — Погодите, я же не договорил! Так вот, иду я тогда напрямик к своему доктору!

ДЕНИЗА — То же самое и я, на прошлой неделе...

ЭРНЕСТ — Иду я, значит, напрямик к своему доктору и говорю: «Что у меня баракхлит? Наверное, печенка или желудок...»

ДЕНИЗА — Я бы сказала, скорее хребет...

ЭРНЕСТ — Ну, а доктор меня и спрашивает...

ДЕНИЗА — Как раз посерединке вступает...

ЭРНЕСТ — А что вы пьете, спрашивает, каждый день?

ДЕНИЗА — И отдает аж в левую пятку!

ЭРНЕСТ — Вот, значит, он меня и спрашивает: «А что же вы пьете?»

ДЕНИЗА — А иной раз в плечо отдает!

ЭРНЕСТ — Вы меня слушаете?

ДЕНИЗА — Как же, конечно...

ЭРНЕСТ — Ну так вот, вы же понимаете, мой доктор, он и есть мой доктор...

ДЕНИЗА — Конечно.

ЭРНЕСТ — Чего мне ему врать за свои же деньги?..

ДЕНИЗА — Тогда уж лучше приберечь денежки для себя!

ЭРНЕСТ — Истинная правда! Ну, я ему и отвечаю: «Знаете что, док...»

ДЕНИЗА — Рюмочку с утра...

ЭРНЕСТ — Три-четыре рюмочки с утра...

ДЕНИЗА — Верно, верно, вы же мужчина.

ЭРНЕСТ — Три-четыре рюмочки аперитивчика до обеда...

ДЕНИЗА — А я больше люблю портвейн!
ЭРНЕСТ — Литра полтора за обедом...
ДЕНИЗА — С меня и литра хватает.
ЭРНЕСТ — Капельку кальвадоса с кофе...
ДЕНИЗА — Лучше коньячку.
ЭРНЕСТ — Ну и после, сами знаете...
ДЕНИЗА — Само собой, что и говорить...

ЭРНЕСТ — Сидите вы в компании, пять-шесть человек, пропускаете по рюмочке, потом по второй, каждый по кругу угощает...
ДЕНИЗА — Не дикари же какие-нибудь...
ЭРНЕСТ — Часиков в пять аперитив, а потом еще литра полтора за ужином...
ПОВАРЕНОК /остановившийся послушать/ — По-моему, многовато получается, а?
ЭРНЕСТ — Поглядите-ка на мáлого! Туда же лезет.
ПОВАРЕНОК — Ну...
ЭРНЕСТ — Тебя что, спрашивали?
ПОВАРЕНОК — Ну...
ЭРНЕСТ — «Ну» да «ну»! Жаркое готово?
ПОВАРЕНОК — Ну... В духовке доходит.
ЭРНЕСТ — Так и приглядывай за ним! Когда позовут тебя: «Мол, горшок ночной!» — тогда из-под кровати и вылезешь.
/Прогоняет Поваре́йку/.
ДЕНИЗА — Так и надо с ними, г-н Эрнест. Чтобы старших уважали.
ЭРНЕСТ — Так вот, я и говорю, г-жа Дениза...
ДЕНИЗА — Литра полтора за ужином!

ЭРНЕСТ — Верно. Ну и напоследок несколько рюмашек, перед сном.

ДЕНИЗА — Я ну точь-в-точь так же. Вот послушайте...

ЭРНЕСТ — И знаете, что мне ответил доктор?

ДЕНИЗА — Нет...

ЭРНЕСТ — «А кофе с молоком вы пьете?»

ДЕНИЗА — Нет!

ЭРНЕСТ /с видом оскорбленной добродетели/ — Такого, отвечаю ему, док, за мной никогда не водилось! А он мне: «И правильно. Нет ничего хуже, чем кофе с молоком!» Ну, тут-то вы можете быть абсолютно спокойны! — говорю.

ДЕНИЗА — Правда, правда, все говорят, что кофе с молоком — сушая отравка... Но мне повезло: я могу его пить сколько угодно!

ЭРНЕСТ — Да вы просто себя не бережете, г-жа Дениза!

ДЕНИЗА — Не в том дело, г-н Эрнест! Не действует он на меня!

ЭРНЕСТ — До поры, до времени...

ДЕНИЗА — Не до поры, а сейчас я вам все объясню! Когда я была маленькая, все только кофе с молоком и пили! Доктора тогда еще не додумались, что он вреден, и родители давали мне с утра по целой кружке, вместе с бутербродами... И у меня, как говорится, иммунитет выработался... Мне он даже, рискну сказать, на пользу идет... Силы прибавляет!

ПОВАРЕНОК /возвращается/ — Крепкий с молочком уважаю... только чтобы кофе хороший...

ЭРНЕСТ — А тебя сюда кто звал?! Тебе что, делать нечего?

ПОВАРЕНОК — Да, я все дела уже переделал.

ЭРНЕСТ — Тогда — марш кастрюли чистить!

ПОВАРЕНОК — Уж и слова сказать нельзя.

ЭРНЕСТ — Можно. Когда спросят! Ясно?!

ПОВАРЕНОК — Ясно, ясно... /уходит/.

ЭРНЕСТ — Дай им волю, живо на голову сядут!

ДЕНИЗА — Что правда, то правда, месье Эрнест!

Входит горничная ЭГЛАНТИНА

ЭГЛАНТИНА — Слыхали новость?

ЭРНЕСТ — Нет, мадемуазель, Эглантина, а что за новость?

ЭГЛАНТИНА — Маленькая госпожа...

ДЕНИЗА — Что с ней?

ЭГЛАНТИНА — Ужас! Укололась!

ЭРНЕСТ — Боже правый!

ДЕНИЗА — Горе-то какое! И как только это могло случиться?

ЭГЛАНТИНА — Да все старуха-училка виновата... Бросает где попало свое рукоделье. А в нем-то иголка...

ЭРНЕСТ — Старая карга.

ДЕНИЗА — Боже мой, какая беспечность!

ЭГЛАНТИНА — Ну, малышка и... Сами знаете, какая она любопытная...

ЭРНЕСТ — Молодость, черт побери!..

ДЕНИЗА — Ясное дело!

ЭГЛАНТИНА — Хвать за рукоделье. Укололась и тут же уснула!

ДЕНИЗА — Сразу?

ЭГЛАНТИНА — В тот же миг. Все как феи предсказывали!

ЭРНЕСТ */помолчав/* — Что ж, меня это не удивляет, скажу я вам. Так и должно было случиться. От судьбы не уйдешь...

ПОВАРЕНОК */входит с тряпкой в руках/* — А что случилось?

ЭРНЕСТ — Вон отсюда!

ПОВАРЕНОК */уходит/* — Вот черти! Никогда ничего не скажут толком.

ДЕНИЗА — А хозяева чего?

ЭГЛАНТИНА — Крестной называют.

ЭРНЕСТ — Зачем?

ЭГЛАНТИНА — Я откуда знаю? Я сразу к вам.

ДЕНИЗА — Весьма любезно с вашей стороны!

ЭГЛАНТИНА — Теперь обратно побегу. Постараюсь разузнать поподробней.

ДЕНИЗА — И сразу сюда?

ЭГЛАНТИНА — Как же иначе?!

ЭРНЕСТ — А я пока вам рюмочку напληню. Портвейн любите?

ЭГЛАНТИНА — Вы очень любезны, месье Эрнест!.. Еще как люблю, но марсалу больше.

ЭРНЕСТ — С яйцом или с миндалем?

ЭГЛАНТИНА — С яйцом, если можно, так оно помягче!

ЭРНЕСТ — Разумеется. Сейчас приготавлию!

ЭГЛАНТИНА — Спасибо! Пока! */Выходит/*.

ЭРНЕСТ */помолчав, наливает рюмочку марсалы/* — Надо же! Вот так история!

ДЕНИЗА — Что, по-вашему, будет дальше.

ЭРНЕСТ */садится/* — Если хотите знать...

ПОВАРЕНОК */входя/* — Что-то случилось?

ЭРНЕСТ — Тебя не касается!

ПОВАРЕНОК — Как это «не касается»?! Касается точно так же, как и вас, я думаю!

ЭРНЕСТ — Не встревай! Иди к своим кастрюлям.

ПОВАРЕНОК — Мне все это давно поперек горла! С утра до ночи надрываешься, пока вы тут треплетесь... Хочу, по крайней мере, знать, что в доме происходит?!

ЭРНЕСТ */встает/* — А по шее опять не хочешь?

ПОВАРЕНОК — Вот уж и слова не сказать!

ЭРНЕСТ — А пинка? Не хочешь?

ПОВАРЕНОК — Где же справедливость-то?!

ЭРНЕСТ — Ей-богу, ты и в самом деле хочешь получить трепку.

ПОВАРЕНОК — Да плевал я на вас! Дурак, дурак, круглый дурак!

ЭРНЕСТ */хватает Поваренка за шиворот и поварачивает к себе спиной/* — Ну, раз хочешь, то и получай...

Раздается удар колокола, все застывают:
и госпожа ДЕНИЗА на своем стуле, и господин ЭРНЕСТ,
стоя на одной ноге и держа за шиворот ПОВАРЕНКА. Тишина.

Появляется ФЕЯ. Она проходит по сцене,
держа в руках волшебную палочку и напевая.

ФЕЯ — И принцесса задремала,
Натянувши одеяло.
На ковре поспать прилег
Пес, свернувшийся в клубок.
Спит, взметнувшись до небес,
Заслоняя землю, лес.
Все заснуло: звери, птицы —
Сон столетие продлится.
Спит салат и винегрет,
Спят котлеты, спит омлет,
В очаге храпит огонь,
На конюшне дремлет конь.
Сон свалил их всех подряд:
Поваров и поварят,
Слуг, служанок, кучеров,
И котят, и гончих псов...

ФЕЯ /выходит/.

Звучит волшебная музыка. Свет то вспыхнет, то гаснет:
это день мгновенно сменяется ночью.

Постепенно свет становится зеленым, говоря о том,
что вокруг замка вырос лес. Спустя некоторое время,
свет мерцает все реже, а затем и вовсе перестает мерцать.

Музыка стихает. **ФЕЯ** снова проходит по сцене,
напевая на этот раз другую песенку

ФЕЯ — Сон столетний длился, длился...
Наконец-то принц явился.
Он по лестнице крутой
В царский поднялся покой,
Где под мягким одеялом
Спит принцесса. К губкам алым
Он прильнул: пора вставать!
Милая, довольно спать,
Солнце хочет закатиться.
Есть давно пора садиться.
Посмотри, и стол накрыт!
Только челядь что-то спит.
Эй, проворные лакеи,
Накормите нас скорее!

Снова раздается удар колокола.
ФЕЯ исчезает, действующие лица оживают. Господин **ЭРНЕСТ**
дает пинка **ПОВАРЕНКУ**, договаривая свою реплику.

ЭРНЕСТ — ... По шее!

ПОВАРЕНОК — Ой! /Убегает/.

ЭРНЕСТ /возвращается/ — Немыслимое дело! /Усаживается/.

ЭГЛАНТИНА /возвращается/ — Подумать только!..

ДЕНИЗА /с любопытством/ — Ну, и что же там, мадемуазель Эглантина? Угощайтесь.

ЭГЛАНТИНА — Благодарю. Но я на минуточку. Меня ждут.
/Прикладываясь к рюмке/ — Ммм! Вкусно-то как!

ЭРНЕСТ — Так что стряслось?

ЭГЛАНТИНА — Свершилось! Малышка...

ДЕНИЗА — Спит?

ЭГЛАНТИНА — Нет! Проснулась!

ЭРНЕСТ — Так быстро?

ЭГЛАНТИНА — Ничего себе. Сто лет, по-вашему, — быстро?!

ДЕНИЗА — Какие сто лет?!

ЭГЛАНТИНА — Уверю вас, прошло сто лет!

ЭРНЕСТ — Да быть того не может: пять минут назад вы прибежали сказать нам, что она укололась иголкой и заснула!

ЭГЛАНТИНА — Не пять минут, а ровно сто лет назад! Мы с вами проспали целый век! И вы! И я!

ДЕНИЗА — Не может быть!..

ЭГЛАНТИНА — Не верите? Тогда посмотрите в окно!

ДЕНИЗА /глядя на зрителей/ — Ой!

ЭРНЕСТ /делает то же самое/ — Ух ты!

ДЕНИЗА — Кругом все травой заросло!

ЭРНЕСТ — Деревья, кусты вон какие!

ДЕНИЗА — В саду, во дворе...

ЭРНЕСТ — Аж перед самой дверью!

ДЕНИЗА — Боже правый, да не может такого быть!

ЭГЛАНТИНА — Ну что, соврала я?

ЭРНЕСТ — Да как же такое возможно?

ЭГЛАНТИНА — Благодаря феям!

ДЕНИЗА — Феям?

ЭГЛАНТИНА — Ну да, Феям!

ЭРНЕСТ — Ах, да, конечно... Если феям...

ЭГЛАНТИНА — Но это еще не все! Мне приказано накрыть на стол! Юная госпожа проголодалась и ее жених тоже!

ЭРНЕСТ — Что? И жених есть?!

ЭГЛАНТИНА — Ну да, прекрасный Принц!

ДЕНИЗА — Вот славно-то.

ЭРНЕСТ — Осмелюсь спросить... А хозяин с хозяйкой... Они тоже проснулись?

ЭГЛАНТИНА — Да нет, они-то померли.

ЭРНЕСТ — Померли? Боже мой! Подумать только: еще пять минут назад... В общем, я хочу сказать, и сто лет не прошло, как...

ДЕНИЗА — Бедная малышка! Она, в отчаянии!

ЭГЛАНТИНА — Она-то? Да ничуть! Ей все трын-трава. Ничего не видит, кроме своего принца!

ЭРНЕСТ — О-о-о! Я понимаю! Любовь...

ДЕНИЗА — Как это мило! Как трогательно!

ЭГЛАНТИНА — Кто теперь вообще о стариках помнит?! Как-никак новый век настал, надо обживаться... Что-то заболталась я с вами, побегу накрывать на стол... И вы тоже потарапливайтесь! Спасибо за винцо! */Выходит/*.

ЭРНЕСТ — Малый! Эй, малый! Куда запропастился? Когда же нужно, под ногами крутится, а тут зовешь — не дозовешься... */Входит Поваренок/* — Ну, наконец-то!

ПОВАРЕНОК — Тут я, шеф!

ЭРНЕСТ — Погляди, какое там жаркое? Если готово, тащи из духовки и выкладывай на большое блюдо!

ПОВАРЕНОК — А почему бы вам самому этим не заняться, шеф?

ЭРНЕСТ — Что он такое говорит?

ПОВАРЕНОК — Вы и сами могли бы иной раз поработать! Хотя бы изредка.

ЭРНЕСТ — Ей-богу, я все еще сплю... Будешь слушаться или нет?

ПОВАРЕНОК — Я запрещаю мне тыкать!

ЭРНЕСТ — Что-о? Так и нарывается, чтоб я врезал ему разок-другой! Хочешь?

ПОВАРЕНОК — Нет, спасибо, я не настаиваю! Но если вы, в свою очередь, желаете схлопотать по физиономии...

ЭРНЕСТ — Нет, вы слышите, что себе позволяет этот сопляк?

ПОВАРЕНОК — Между прочим, этому сопляку сто семнадцать лет! Он не в том возрасте, чтобы позволять командовать старому лодырю, пьянице и треплу, вроде вас!

ЭРНЕСТ /обескураженно/ — Вы только послушайте, госпожа Дениза.

ДЕНИЗА — Что поделать, господин Эрнест! Молодежь, она теперь такая! Как говорит г-жа Эглантина. Придется нам с ними друг к другу притираться. Пойдемте, я вам помогу...

Все уходят

ПРОДАВЕЦ ШЛЕПОК

по мотивам одной из сказок автора

Пьеса в трех частях для семи участников

Часть ПЕРВАЯ

В глубине сцены большая клетка со шлепками —
тремя маленькими девочками с птичьими перышками в волосах
и в очень больших перчатках,
благодаря которым их руки напоминают выбивалки для ковров.

На переднем плане ПРОДАВЕЦ шлепок —
толстый господин в цилиндре. Он обращается к зрителям.

ПРОДАВЕЦ — Здравствуйте, детки. Узнаете меня? Я — продавец шлепок. Шлепок для маленьких попок. Ну да, это я продаю вашим папам и мамам все-все шлепки, которыми вас «воспитывают»... Надеюсь, милые создания, вы знаете, что такое шлепки? Как! Не знаете?! А, нет-нет да встречались с ними? Понимаю, понимаю... Ну что ж, примите поздравления... Вообще-то, как видите, человек я добрый, незлобивый... Что? Злой?.. И шлепки мои злые? Да нет, они вовсе не злые. Причем их ровно три, вот они, за моей спиной, в клетке. Смотрите какие лапочки! Какие солнышки. */Обращается к шлепкам/* — Хорошо ли вам, красавицы, спалось?

ШЛЕПКИ — Да! Да! Да!

ПРОДАВЕЦ — Хорошо ли елось и пилося?

ШЛЕПКИ — Да! Да! Да!

ПРОДАВЕЦ — Значит, вы всем довольны?

ШЛЕПКИ — Нет! Нет! Нет!

ПРОДАВЕЦ — Чего же вам не хватает для полного счастья?

ШЛЕПКИ — Попок! Попочек!

ПРОДАВЕЦ — Да, да, да, знаю, знаю... Но не горюйте! Очень скоро у каждой из вас будет по маленькой попке! */Он обращается к зрителям/* — Бедняжки шлепки! Я ведь просто так им сказал, в утешение... А по правде говоря, мне нет везения. В этой гадкой стране дела идут все хуже. Детки растут до противности послушные-препослушные. Родители не нарадуются, прямо-таки сияют

от счастья, никогда не сердятся. Беда да и только! В итоге — разорение, убытки, словом, неприятностей в избытке... Шлепочки на глазах бледнеют, плачут... Если и дальше так пойдет, они погибнут, не иначе. А мне придется попросту закрыть свою лавочку. Но вы же не хотите, чтобы мои шлепки-лапочки погибли? Тогда сделайте доброе дело! Подставьте им свои попки!.. Не хотите? Бедняжки-шлепки! И трех добровольцев не найдется?! На сегодня больше и не потребуется... Никто не хочет? Вот беда!.. Но что я вижу, какая-то малышка идет сюда! Тсс! Главное, молчите, про меня не говорите! Здравствуй, маленькая!

РОЗА /появляется/ — Здравствуйте!

ПРОДАВЕЦ — Как тебя зовут?

РОЗА — Роза.

ПРОДАВЕЦ — Прелестное имя! А знаешь, кто я?

РОЗА — Вы продавец шлепок!

ПРОДАВЕЦ — Черт возьми, и она меня знает! Верно детка, я продаю шлепки. Хочешь одну?

РОЗА — Нет!

ПРОДАВЕЦ — Почему?

РОЗА — Будет больно.

ПРОДАВЕЦ — Не выдумывай! Ничуть не больно!

РОЗА — Больно!

ПРОДАВЕЦ — Глупости! Погляди-ка лучше, какие они, мои славные шлепки!

ШЛЕПКИ */щебечут/* — По попке! По попке! Ата-та! Ата-та!

ПРОДАВЕЦ */шлепкам/* — Тсс! Молчать, мелкота! */Обращается к Розе/* — Видишь, они уже успели тебя полюбить!

РОЗА — А я их не люблю! У, гадкие! Хотят меня отлупить! Терпеть их не могу!

ПРОДАВЕЦ — За что же? Ничего, выдержишь.

ШЛЕПКИ */возбужденно/* — Попку нам! Попочку! Популечку!

РОЗА — Противные! Не могу их видеть. Пока. */Уходит/*.

ПРОДАВЕЦ — погоди! Куда ты? Побудь немного с нами. Вот черт! Сорвалось! Надо было с ней по-другому! В следующий раз я ... Но кто это там бежит? Малыш? Вот удача! У меня как раз возникла неплохая идея. Эй, малыш, привет!

ЖЮЛЬ */появляется/* — Здравствуйте.

ПРОДАВЕЦ — Как тебя зовут?

ЖЮЛЬ — Жюль.

ПРОДАВЕЦ — Ага. А кто я — знаешь?

ЖЮЛЬ — Вы — Продавец шлепок.

ПРОДАВЕЦ — И ему известно! Но не будем говорить о шлепках!

ШЛЕПКИ — Попки нам! Попочки! Попушечки!

ПРОДАВЕЦ */обращаясь к шлепкам/* — Помолчите, ясно? Не время высовываться! Пока все идет как надо! */Обращается к Жюлю/* — Подойди-ка сюда, малыш! Можно тебя на пяток минут?

ЖЮЛЬ — Но не больше. Меня дома ждут.

ПРОДАВЕЦ — Ну и отлично! К тебе просьба: беги-ка домой и скажи своей маме слово в слово... */шепчет на ухо/*. Понял?

ЖЮЛЬ */ухмыляется/* — Ого! Чудно! И что же это значит?

ПРОДАВЕЦ — Не беспокойся, она сразу поймет. Главное, ничего не перепутай. Идет?

ЖЮЛЬ — Не беспокойтесь. Пока

ПРОДАВЕЦ — Пока, малыш. */Потирает руки/* — Ай да я! Ах, я умница, ах, разумница! Наговорил кучу скверных слов, этот дурачок передаст их своей мамочке, та рассердится и, купив у меня парочку, а то и троечку шлепок, задаст ему хорошую трепку. Да, начало удачное: и шлепкам угодил, и о себе не забыл — малость подзаработал... Но куда это они все запропастились? Пора уже быть здесь... А может, мамаша оглохла? Вот невезенье!.. Ба! Что я вижу: Вернулся Жюль!

ЖЮЛЬ — Здрасьте!

ПРОДАВЕЦ — Ну, сделал, как я просил?

ЖЮЛЬ — Порядочек.

ПРОДАВЕЦ — А она, что?

ЖЮЛЬ — Да ничего не поняла. Сейчас объясняться к вам прибежит. Ладно, я пошел.

ПРОДАВЕЦ — Тыфу, сорвалось! И угораздило же меня родиться в этой скверной стране! О боже! Мало того, что дети здесь не умеют ругаться, их родители, оказывается, тоже! Что бы такое придумать? А это что за парень, косая сажень в плечах? Кажется, я что-то придумал. Ну-ка быстрее сюда! Тебя как звать? */Появляется Фарид/*

ФАРИД — Фарид.

ПРОДАВЕЦ — Подойди поближе, хочу кое о чем тебя попросить.

ШЛЕПКИ */скачут от нетерпения/* Попку нам! Попочку! Популечку.

ПРОДАВЕЦ */обращается к шлепкам/* — Помолчите немного! Не то все испортите!

ФАРИД — Что щебечут эти птички-невелички.

ПРОДАВЕЦ — Да пустяки. Лучше скажи-ка, тебе ни разу не хотелось побаловаться со спичками? На кухне, чирк-чирк?..

ФАРИД — Еще как хотелось.

ПРОДАВЕЦ — Почиркал всласть?

ФАРИД — Не-а.

ПРОДАВЕЦ — Вот чудак-человек, почему же?

ФАРИД — У мамы спросил: «можно», а она не разрешает.

ПРОДАВЕЦ — Видали! Разрешение у мамочки спрашивает этаким верзила! Да ты что, маленький! Ясное дело, у родите-

лей всегда готов ответ: «Нет! Нет! И нет! Опасно! Обожжешься! Ты еще маленький! Вот вырастешь»... Взрослым лишь бы наперекор детям, только бы они делали не то, что сами хотят, а то, что взрослые им велят.

ФАРИД /подумав/ — Похоже, ваша правда...

ПРОДАВЕЦ — А знаешь, как бы я повел себя на твоём месте?

ФАРИД — Откуда мне знать.

ПРОДАВЕЦ — Да делал бы, что в голову взбредет, и разрешения ни у кого не спрашивал бы.

ФАРИД — Вы думаете, я смогу так?

ПРОДАВЕЦ — Мало ли, что я думаю. Я для тебя стараюсь, хочу как лучше. Разве плохо — что хочу, то и ворочу! Конечно, бывает, на это духу у некоторых не хватает...

ФАРИД /обиженно/ — Как это духу не хватает?! Сами увидите, хватает у меня духу или нет! /Уходит/.

ПРОДАВЕЦ — Отличный ответ! Кажется, удалось!

ШЛЕПКИ — Попку нам! Попку!

ПРОДАВЕЦ — Терпение, крошки, терпение! Все будет как надо! /Вдали звучит взрыв, видны красные отблески, слышится верещание пожарной машины/ — Ура! Слышите? Видите? Теперь-то родителям Фарида — хочешь не хочешь — придется купить у меня ... сколько шлепок? Пять? Десять? Двадцать пять? Да хватит ли их у меня? Придется, пожалуй, еще заказать?.. /Мол-

чит, затем смотрит на часы/ — Чего они копаются? Видно, здорово горит... Он идет! Привет, Фарид!

ФАРИД /входит/ — А-а-а-! Вот он. Ну, держись! Нечего сказать насоветовал...

ПРОДАВЕЦ — А что стряслось?

ФАРИД — Он еще спрашивает: да я из-за вас дом поджег!

ПРОДАВЕЦ — Здорово!

ФАРИД — Пожарные понаехали...

ПРОДАВЕЦ — Замечательно!

ФАРИД — Все кругом кричат, что я во всем виноват!..

ПРОДАВЕЦ — Чудесно!

ФАРИД — А мать мне — в ухо!

ПРОДАВЕЦ /возмущенно/ Да как она смеет! Да ты же мог оглохнуть! Хорошенькое дело!

ФАРИД — А отец мне тумачков надавал.

ПРОДАВЕЦ — Тумачков! Какой ужас! Негодяй! Тумачки — это самое опасное. Он же мог искалечить тебя на всю жизнь!

ФАРИД — Так что я ваших советов больше слушать не буду.

ПРОДАВЕЦ — Ну, ну. Уверяю, тебе просто не повезло. Знаешь, я кое-что придумал. О, как же они будут счастливы!

ФАРИД — Кто?

ПРОДАВЕЦ — Мои шлепки...

ФАРИД — Шлепочки?

ПРОДАВЕЦ — Да что же это я говорю?! Девочки будут счастливы. И мальчики... Не найдется ли у тебя барабанчика?

ФАРИД — Раздобуду!

ПРОДАВЕЦ — Возьмешь его и, барабана, пройдешься по городу. Сделаешь кое-какое объявление... Разумеется, за это я тебе заплачу.

ФАРИД — А у родителей надо спрашивать?

ПРОДАВЕЦ — Почему бы и нет. Ты пройдешь по городу объявляя на каждом углу то, что я сейчас прикажу. Я намерен... /выходя вместе с Фаридом, обращается к публике/ — Теперь, получится, уверен!

ШЛЕПКИ /подпрыгивая/ — Попку нам! Попочку! Ата-та! Ата-та!

Часть ВТОРАЯ

ФАРИД /с барабаном стоит посреди сцены, прямо перед зрителями. Ударяя в барабан, громким голосом объявляет/ — Внимание, внимание! Уважаемые горожане! В ближайшее воскресенье, с 2 до 7 часов, в саду Продавца Шлепок состоится большой детский праздник! Детям вход бесплатный. Взрослым вход за-

прещен! В программе: бесплатный буфет с конфетами, пирожными и фруктовыми соками, всевозможные игры; большое представление с участием дрессированных шлепок, клоунов, акробатов, певцов и танцоров, а под занавес, на закате — Грандиозный Финал с раздачей Подарков. /Уходит/.

ШЛЕПКИ /стучат ногами/. — Ата-та по попке! Ата-та!

Здесь шлепки могут станцевать, если они, конечно, умеют.

Часть ТРЕТЬЯ

ШЛЕПКИ — Клетка с ними в глубине сцены.

Появляется **ПРОДАВЕЦ**, за ним **РОЗА**, **ЖЮЛЬ** и **ФАРИД**.

ПРОДАВЕЦ — Вкусно ли ели, сладко ли пили?

РЕБЯТА — Да-а-а!

ПРОДАВЕЦ — Хорошо ли вас веселили?

РЕБЯТА — Да-а-а!

ПРОДАВЕЦ — А представление понравилось?

РЕБЯТА — Очень!

ПРОДАВЕЦ — Ну, что ж! Делать нечего — дело к вечеру, времени мало, настала минута большого Финала!

РЕБЯТА — А что такое — Большой Финал?

ПРОДАВЕЦ — Ишь какие хитренькие! Так я вам и сказал! Сейчас сами увидите. Я на минутку отойду, спрячусь в саду, а вы считайте до пяти... При счете «пять» открывайте шире дверцы клетки...

РЕБЯТА — И что тогда?

ПРОДАВЕЦ — Это и будет началом Большого Финала, детки.

РЕБЯТА /считают хором/ — Один, два, три...

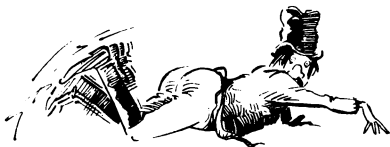
ПРОДАВЕЦ — Помедленней! Не спешите! /Проходит через сцену и там ложится на живот/.

РЕБЯТА — Четыре, пять — время клетку отворять. /Открывают клетку/.

ШЛЕПКИ /выбегают/ — О, спасибо, вам, попки! Мы — ваши шлепки! Шлеп-шлеп! /Принимаются шлепать ребят/.

РЕБЯТА — Ай! Уй! Ой! Мамочка!

ПРОДАВЕЦ /лежа на животе/ — Удача! Началось! Вот смехота! Обманули дурака, на четыре кулака! Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!

Внезапно наступает тишина:
шлепки больше не шлепают ребят,
и к чему-то прислушиваются.
Ребята убегают.

ШЛЕПКИ — Что это? Что это?
ПРОДАВЕЦ /смеется/ — Ха-ха-ха! Хи-хи-хи-! Хо-хо-хо!
ПЕРВАЯ ШЛЕПКА — Ой, девочки, что я вижу!
ДВЕ ДРУГИЕ — Что? Что?
ПЕРВАЯ ШЛЕПКА — Там, под кустом!
ДВЕ ДРУГИЕ — Где? Где?
ПЕРВАЯ ШЛЕПКА /указывает на Продавца/ — Вон там!
ОБЕ ДРУГИЕ — О! Вот это да!
ПЕРВАЯ ШЛЕПКА — Ну и попа!
ВТОРАЯ ШЛЕПКА — Велика!
ТРЕТЬЯ ШЛЕПКА — И толста!
ПЕРВАЯ ШЛЕПКА — Значит, будет ата-та?
ВТОРАЯ ШЛЕПКА — Да! Да! Да! Да! Да! Да!
ТРЕТЬЯ ШЛЕПКА — Будет много ата-та!
ПЕРВАЯ ШЛЕПКА — Да-да-да! Да-да-да!
ВТОРАЯ ШЛЕПКА — Как дадим!
ТРЕТЬЯ ШЛЕПКА — Да поддадим!
ПЕРВАЯ ШЛЕПКА — Раз!
ВТОРАЯ ШЛЕПКА — Два!
ТРЕТЬЯ ШЛЕПКА — Три!

ВТРОЕМ — Не промахнись, смотри! /Набрасываются на продавца/.

ПРОДАВЕЦ — Прекратите! Не смейте меня бить! Я же шлепок продавец — верный друг ваш и отец!

ШЛЕПКИ — Не отец, а подлец. Срамota, срамota — ата-та, ата-та!

ПРОДАВЕЦ — Спасите! Помогите! /Убегает за кулисы, спасаясь от шлепок. Сцена пустеет, только слышны шлепки крепкой порки/.

ПРОДАВЕЦ — Пожалейте! Не убейте! Перестаньте! Да отстаньте!

ПРОДАВЕЦ /выходит, опираясь на трость, прихрамывая и постанывая/ — Ох! Ай, ой!

РЕБЯТА — Привет, господин Продавец шлепок!

ПРОДАВЕЦ — Шлепки! Нет, нет! Слышать про них не желаю!

РОЗА — Господин продавец, я вас что-то не понимаю! Я знаете ли, глупая. Вот не послушалась я вашего приказания, какое мне теперь наказание?

ЖЮЛЬ — А мне? Я крепкое словцо люблю?

ФАРИД — А мне? Я вечно со спичками играю.

ПРОДАВЕЦ — Ну и что? Подумаешь!..

РОЗА — И за эти проступки наши не пропишете нам «березовой каши»?

ПРОДАВЕЦ — Нет, милые дети, ни за что на свете!

ЖЮЛЬ — Ни единой шлепки ни по единой попке?

ПРОДАВЕЦ — Нет! Никогда! Не говорите больше эти слова — у меня от них болит... голова, Ай! Ух! Ох! */Уходит, прихрамывая/.*

РЕБЯТА */уходят за ним, приговаривая/* — Шлепки! Шлепки! Шлеп! Шлеп! Шлеп! Шлепки! Шлепки! Шлеп! Шлеп! Шлеп!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Семь французских сказок — *перевод З. Световой*

Рис. О. Коминарца .

Госпожа Что-Упало-То-Пропало 7

под ред. М. Кожевниковой

Облезлый бес 12

под ред. М. Кожевниковой

Мадемуазель Скарабей 21

под ред. М. Кожевниковой

Багада 25

под ред. Е. Кожевниковой

Вода-невидимка 29

под ред. Е. Кожевниковой

Путешествие Сен-Деода 35

под ред. Е. Кожевниковой

Сестричка-Невеличка 42

под ред. Г. Юрмина

Семь пьес-шуток для детей *перевод Г. Сибиряковой*

Рис. Буари

От автора 71

Мнимая тупица 73

Пес и Малыш 83

Телефоны, телефоны... 93

Телешутки 101

Господин Обжираль и его душа 111

Сто лет на французской кухне 121

Продавец шлёпок 131

В РИК «КУЛЬТУРА»

в ближайшие месяцы выйдут:

Н. ЛЕСКОВ — «Тупейный художник»

А. ПУШКИН — «Скупой рыцарь»

П. Б. ШЕЛЛИ — «Избранное»

М. КСЕШИНСКАЯ — «Воспоминания»

А. ДУНКАН — «Гастроли в России»

Л. ИВАНОВА — «Воспоминания»

Репринтное издание книг (с иллюстрациями А. Бенуа и др.), выпущенных в начале 20-х годов издательством «Аквилон».

В 1992 году издательство начинает выпуск дешевой серии — книги мировой классической литературы. Серия предназначена для школьных библиотек.

Пьер Грипари
«СЕМЬ ПЛЮС СЕМЬ»

Издательский редактор Ю. А. МЕНАКЕР
Оформление художника О. И. КОМИНАРЦА
Технические редакторы Н. Ю. БЕЛЯКОВА, Л. Б. ЧУЕВА
Корректор И. Д. АБЛИНА

Сдано в набор 23.12.91. Подписано в печать 18.10.91. Формат 60×90¹/₁₆.
Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 7,56.
Усл. печ. л. 9,0. Тираж 200.000 экз. Изд. № 122. Заказ 1300.

СП «Прогресс-Ашет». 119847, Zubovskiy bul'var, 17.

РИК «Культура». 121835, Moskva Arbat, 35.

Отпечатано

Московская типография № 7. Министерство печати и информации
Российской Федерации. 121019, г. Москва, пер. Аксакова, 13.

